

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 3–4(24–25)

МОСКВА
2019

ISSN 2079-9160

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Азербайджан), Ш.Х. Акалин (Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), Т.М. Гарипов (Уфа), Н.И. Егоров (Чебоксары), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), М.С. Качалин (Турция), А.Б. Куделин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), К.М. Миннуллин (Казань), А.М. Молдован (Москва), К.М. Мусаев (Москва), А. Рона-Таш (Венгрия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), М.З. Улаков (Нальчик), Ф.С. Хакимзянов (Казань), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)
Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)
Отв. секретарь: О.Н. Пустогачева (Москва)
Отв. секретарь и научный редактор: З.Н. Экба (Москва)
Члены редколлегии: Т.А. Аникеева (Москва), Л.Л. Габышева (Якутск), А.В. Дыбо (Москва), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), И.А. Невская (Франкфурт), Ф.Ш. Нуриева (Казань), М. Ольмез (Стамбул), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), А.В. Савельев (Москва), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Д.А. Функ (Москва), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2019
© Российский комитет тюркологов, 2019

№ 3–4(24–25)

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES

Russian TURCOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turcologists, Russian Academy of Sciences,
Department of Historical and Philological Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Azerbaijan), Sh. Akalın (Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl), A.A. Chechenov (Moscow), M. Erdal (Israel), N.Kh. Gadziakhmedov (Makhachkala), T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isayev (Cheboksary), J. Janhunen (Finland), M.S. Kachalin (Turkey), F.S. Khakimzyanov (Kazan), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), I.V. Kul'ganek (Saint-Petersburg), K.M. Minnullin (Kazan), A.M. Moldovan (Moscow), K.M. Musayev (Moscow), A. Róna-Tas (Hungary), N.N. Shirobokova (Novosibirsk), Zh.S. Syzdykova (Moscow), M.Z. Ulakov (Nal'chik), I. Vásáry (Hungary), N.I. Yegorov (Cheboksary), P. Zieme (Germany), M.Z. Zakiyev (Kazan)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg)
Executive Secretary: O.N. Pustogacheva (Moscow)
Executive Secretary and Scientific Editor: Z.N. Ekba (Moscow)

Members of the Editorial Board: T.A. Anikeeva (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), M.D. Chertykova (Abakan), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), D.A. Funk (Moscow), L.L. Gabysheva (Yakutsk), L.S. Kara-ool (Kyzyl), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), O.A. Mudrak (Moscow), M.Kh. Nadergulov (Ufa), I.A. Nevskaya (Frankfurt), F.Sh. Nuriyeva (Kazan), M. Ölmez (Istanbul), Yu.V. Psyanchin (Ufa), M.M. Repenkova (Moscow), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), A.V. Savelyev (Moscow), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), K.-M.A. Simchit (Kyzyl), V.N. Tuguzhekova (Abakan), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

The scientific journal "Russian Turcology" is a continuation of the journal "Soviet Turcology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is being published.

The journal "Russian Turcology" is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2019

© The Committee of Russian Turcologists, 2019

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДАННЫХ МАХМУДА КАШГАРИ ПО ТЮРКСКИМ ДИАЛЕКТАМ XI В.¹

И.В.Кормушин, А.В.Савельев, А.В.Шаров

г. Москва

Резюме: Во введении к своему «Дивану» его автор, Махмуд ал-Кашгари, касаясь наиболее общих характеристик описываемого им языка тюрков, затронул и племенной состава народа. Почти с каждым из племен автор в дальнейшем изложении связывает различные языковые особенности – фонетические, грамматические, лексико-семантические – наделяя тем самым такие признаки статусом диалектальных маркеров. Большинство упомянутых этнических подразделений имеет отношение к тюркским диалектам в широком смысле, так как они представлены определенными формами слов, схожими по звуковому составу и значению с аналогичными формами других тюркских этнодиалектов. Однако среди включенных в реестр тюркских племен есть и такие этносы, нахождение которых в этом списке вызывает определенные вопросы и сомнения. Прояснению именно этих сомнений посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: слова с языковыми и диалектными пометами в «Диване» Кашгари, турки, согдийцы, хотанцы, тибетцы, тангуты, кытайы/хытайы.

С течением времени тюркологам все яснее становится многоаспектность и многоярусность великого творения древней филологической науки – «Диван лугат ат-турк» («Свод тюркских слов», ДЛТ) Махмуда Кашгарского (МК). Настоящая статья посвящена только одной из множества тем, ставших предметом внимания автора ДЛТ в конце XI в. – его пониманию и толкованию объема понятия «язык тюрков» / «тюркский язык».

Из всего, что пишет МК о целях, принципах и методах, которыми он руководствовался при написании своего «Дивана» / «Свода», совершенно очевидно, что это были правила и принципы арабской грамматической науки. Ее сердцевину и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-012-00161).

Кормушин Игорь Валентинович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: igorkormushin@yandex.ru

Савельев Александр Владиславович – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: alexander.savelyev@iling-ran.ru

Шаров Александр Владимирович – аспирант Института языкознания РАН; e-mail: ghauasha@gmail.com

поныне составляет система морфологического анализа такого специфического флективного языка как арабский, от которого тюркский агглютинативный язык отличается кардинально. Тем не менее, поскольку в XI в., когда ученый-тюрк решил познакомить мир с тюркским языком, другой, скажем, более общей, мета-теории кроме арабской на Ближнем Востоке и в Средней Азии не было, описание тюркского языка автор – хочешь, не хочешь – вынужден был вести на арабском языке и в понятиях арабской лингвистики, подробнее об этом см. во введении [Кормушин 2010: 40–44] к полному русскому изданию памятника в 3-х томах (вышло пока два тома – переводы арабского оригинала авторского текста [МК ДЛТ, т.1: М., 2010, 461 с.; т.2: М., 2016, 511 с.]; третий том Словарь-Указатель готовится к печати).

Если описание тюркской *агглютинативной* морфологии, сделанной сквозь призму арабской специфически *флективной* морфологии, ныне приходится «переводить» на язык современной общей лингвистики, то постулаты арабской лингвистики в отношении деления арабского лингвоконтинуума на арабский литературный язык, равный языку Корана, и множество диалектов и говоров, в которых реализуется арабская разговорная речь, не имеют принципиальных отличий от аналогичных представлений современной европейской лингвистики. Внимание арабской лингвистики к диалектам и диалектной речи, которая, по мысли арабских ученых, является естественной подпиткой литературного языка, вынудило и Махмуда Кашгарского включить в свое описание тюркского языка сведения о современных ему живых идиомах народов, которых он посчитал относящимися к тюркам. Существенной особенностью арабистического взгляда на эту проблему является заметная «всеохватность», своеобразная «всеядность» арабской диалектологической концепции: без преувеличения говоря, здесь диалектами признаются и такие идиомы, которые по меркам позднее выработанной концепции индоевропейского сравнительно-исторического языкознания значительно превышают отстояние диалекта, приближаясь к совокупности признаков отдельного, ответвившегося языка; под этот постулат могут попасть и заведомо далекие, «чужие» языки. В этом пункте социолингвистической концепции автор Дивана также последовал за положениями арабской лингвистической школы. Поэтому и в указанном концептуальном пункте приходится вводить коррективы, устраняющие «излишний коэффициент» близости идиомов, не допускаемый современной компаративистикой.

Во вступительной, или вводной, части «Дивана», не имеющей своего названия и состоящей из безымянной преамбулы и 13 кратких главок от полстраницы до 2–3 страниц с вынесенным вперед тематическим оглавлением содержания данного раздела, последние три главы [ДЛТ, 20–28]² касаются темы племенного состава тюрков, их языков и диалектных различий. В указанных главах [Вводной части] есть сведения, делающие «Диван» бесценным источником для истории тюркских языков в целом как родословного древа. Однако среди материала этих глав есть и такие положения, интерпретация которых ставит современных исследователей в затруднительное положение.

² Здесь и далее в статье ссылки на материал из Словаря Кашгари даются указанием на страницы арабского оригинала: [ДЛТ, ...].

В главе [11] «О составе тюрков и разъяснения о племенах» [Вводной части] «Дивана» [ДЛТ, 20–21] Махмуд заявляет, что «Тюрки состоят изначально из двадцати племен», родоначальство которых он выводит от одного из сыновей Яфета, старшего из трех сыновей легендарного Ноя. По Библии, Ной вместе с сыновьями и их женами спаслись от всемирного потопа, и благодаря этому потомство Ноя возобновило род человеческий, уничтоженный было в результате потопа. Махмуд Кашгарский протягивает пунктирную ниточку к истокам народов, в том числе тюрков, но реальное размещение тюрков на географической карте у него, совершенно явно, привязано ко времени его работы над «Диваном», т. е. к 70–80 гг. XI в. Отправной точкой его схемы размещения народов с запада на восток становится Рум, как кратко именуется Восточно-Римская империя, и это: 1. Печенеги; 2. Кыпчаки; 3. Огузы; 4. Йемеки; 5. Башгырды; 6. Басмылы; 7. Кайы; 8. Ябаку; 9. Татары; 10. Кырқызы, – эта череда племен доходит до Сина (Верхнего Китая). Второй эшелон перечислений у него тоже начинается с Рума, но, по всей очевидности, южнее первого, так как заканчивается на границе с Нижним Китаем: 11. Чигили; 12. Тухси; 13. Ягма; 14. Ограки; 15. Чаруки; 16. Чомулы; 17. Уйгуры; 18. Тангуты; 19. Кытайи; 20. Тавгачи [ДЛТ, 20–21].

Казалось бы, приведенный список на с. 20–21 ДЛТ должен быть исчерпывающим, однако уже после демонстрации «круговой карты» на развороте с. 22–23 ДЛТ, в главе [12] Вводной части, которую Махмуд назвал «К разъяснению языков тюрков», появляются новые этнические названия в связи с теми или иными языковыми особенностями речи этих этносов. Приступая к общим, а затем и специфическим характеристикам тюркских языков и диалектов, Кашгари заявляет: «Самый правильный язык у тех, кто знает только один язык, не смешивался с персами и не привык жить в городах. А у тех, у кого два языка и кто смешивался с жителями городов, есть смягчение в произношении, это, например, согдийцы, кенчеки, аргу. Вторая группа – такие, как хотанцы, тибетцы и некоторые из тангутов, это – слой пришельцев в тюркские страны» [ДЛТ, 24]. Попытаемся разобраться с некоторыми из лингвоэтнонимов этих двух групп.

Согдийцы не вошли в основное перечисление Махмуда из 20 народов, обозначим их №21а. Однако они – коренное население древней области проживания ариев (индоарийцев), северным центром которой был Самарканд. К VIII–IX вв. Согд присоединил окружающие земли – долину Кашкадарьи, Ташкентский оазис и Семиречье, и на этих территориях согдийский язык стал основным языком письменного и устного общения. Последние письменные памятники на согдийском языке относятся к первой половине XI в. Позднее он был вытеснен таджикским языком и тюркскими языками [Виноградова 1990: 477]. В свете приведенных реальных исторических данных о согдийцах становится очевидным, кто и в чьих странах был пришельцем, а кто автохтоном. Справедливости ради стоит отметить хронологическую точность Кашгари: очевидно, что ко времени создания Дивана в начале 70-х гг. XI в. согдийский язык уже давно стал сдавать свои позиции распространяющемуся уйгурско-таджикскому двуязычию. Отметим, что и гораздо позднее, в середине XX в., речь городских узбеков Самарканда и Ташкента, которые в большинстве своем были двуязычны, имела некоторую смягченность, упоминавшуюся Махмудом Кашгари.

Вероятно, что аналогичное, в целом, заключение мы вынуждены дать и по другому исконно иранскому языку из дополнительного перечня Махмуда – хотанскому (обозначим его №22а). В начале XI в. Хотанский оазис, что на юге Таримского бассейна, где автохтонное население говорило на сакских диалектах восточно-иранских языков, было завоевано уйгурами-мусульманами. Место хотаносакского языка со временем занял диалект уйгурского языка, получивший впоследствии название хотанского; хотаносакские письменные памятники письмом брахми связаны с буддизмом, датируются IX–X вв.; после этого времени они не возобновляются [Герценберг 1990: 574]. Очевидно, что и здесь сведения Махмуда Кашгари вполне соответствуют реальной картине.

В отличие от восточно-иранских диалектов, реально уступивших место тюркской речи уйгуров уже в начале XI в., языки тибетцев (№23а) и тангутов (№18) из тибето-бирманской ветви сино-тибетской семьи имели иную судьбу. Тибетский язык со времени проникновения буддизма в Тибет из оазисов Тарымской пустыни в начале VII в. становится официальным языком ламаистской церкви, которая с X в., восприняв новую волну буддийского вероучения из Индии, расширяет свое влияние на соседние регионы (гораздо позднее, с XIII в. – на монголоязычные народы), но среди адептов тибетского буддизма не было тюркоязычных племен. Тангутский – другой язык тибето-бирманской группы, был средством общения в буддийском государстве Си Ся, располагавшемся северо-западнее Ордоса и просуществовавшем официально с 1038 г. по 1227 г. (а вообще-то и раньше даты провозглашения), когда оно было захвачено в последнем прижизненном походе Чингис-хана, а население его было физически истреблено. Никакого взаимодействия тангутов с тюркскими племенами до или ко времени составления «Дивана» не просматривается. Словно бы подправляя только что приведенные сведения об отнесенности языков тибетцев и тангутов к числу тюркских идиомов, буквально через несколько строк Махмуд Кашгари пишет следующее: «И в Тибете есть свой особый язык, точно также и в Хотане свои особые письмо и язык, а тюркским языком хорошо не владеют» [ДЛТ, 24]. Необходимо задаться вопросом: если тибетский и хотанский языки – особые (т. е. значительно отличаются от тюркского), а их носители плохо владеют тюркским, то почему они (как и некоторые другие, явно не-тюркские языки) попали у Махмуда в реестр тюркоязычных идиомов? К этой серии наших вопросов к составителю бессмертного и в прямом, и в переносном смысле «Свода тюркских слов»³ мы могли бы отнести и сомнения по поводу включения сюда племен: под № 19 *кытай*, под № 20 – *тавгач*, в которых специалисты видят монголоязычных киданей и тоба.

Одну из возможных причин включения в число тюркских этносов явных не-тюрков мы уже назвали: это широкая оценка гомогенности диалектов арабской социолингвистической школой. Это – первое. Второе, о чем может идти речь, это то, насколько знал и мог разобраться в материале неизвестных и малознакомых ему наречий сам исследователь. Махмуд Кашгари знал а) свой чигильско-

³ Напомним, что «Диван лугат ат-турк» на четыре с лишним столетия исчез из поля зрения ученых, пока в 1914 г. не был выставлен на продажу на Стамбульском книжном развале дамой из обедневшего семейства за крупную сумму в 50 золотых монет.

тюркский диалект и основанный на этом диалекте письменно-литературный язык караханидского государства, называвшийся им хаканийским; б) он блестяще знал арабский язык, на котором писал свой труд; в) он, видимо, в равной степени с арабским, знал персидский язык, из сочинений на котором он черпал многие сведения для своих исторических экскурсов. Знание персидского языка могло помочь разобраться в материалах согдийского и хотанского. Для ознакомления и разбора материалов остальных языков Махмуд должен был прибегнуть к услугам информантов, желательно знающих и обследуемый язык, и один из языков-посредников – тюркский, или арабский, или персидский. Таким образом, третий фактор успеха его дела зависел от знаний и менталитета его помощников. В дополнение к этому следует учесть еще один, четвертый фактор – личной судьбы автора «Дивана».

Обстоятельства личной жизни Махмуда исследованы современным историком-медиевистом Омельяном Прицаком, опирающимся на сведения арабского историка ал-Асира, современника тех событий (см. подробнее у нас [Кормушин 2010: 28–32]).

Согласно выкладкам О. Прицака, Махмуд являлся членом правящего Караханидского дома, он в седьмом колене восходит по прямой линии к основателю династии Бугра Кара-хану. В результате трагической междоусобицы, сопровождавшейся кровавыми распрями между членами династии, которые происходили около 1056–1058 гг., Махмуд, видимо, посчитал благоразумным не возвращаться в столицу Кашгар, а отъехать подальше (см. там же: [Кормушин 2010: 31]. Как становится понятным по деталям, он продвигается на запад по следам войск туркмен-сельджуков, которые незадолго до этого, в 1055 г. взяли под контроль столицу Халифата Багдад. Поэтому в его книге так мало сведений о восточных окраинах Караханидского государства и регионах вблизи его восточных границ и гораздо больше суждений о западных пограничных и заграничных регионах. В целом же, по совокупности фактов, мы можем высказать такое предположение: Махмуда смолodu влекло занятие филологией; молодой аристократ не только получил фундаментальную подготовку, но и имел возможность достаточно рано заняться собственными исследованиями. Так, во вводной части Дивана он сообщает, что им ранее написан еще один филологический труд: «Книга драгоценностей по грамматике тюркского языка» [ДЛТ, 18], который, к сожалению, не дошел до нас [Кормушин 2010: 31]. Очевидно, что еще в период подготовки указанного грамматического труда Махмуд стал параллельно собирать материалы по лексике родного языка. И скорее всего, в момент вынужденного добровольного изгнания, примерно в тридцатилетнем возрасте, Махмуд взял с собой то, что успел собрать. И это составило основной корпус его «Дивана». Конечно, всякие встречи и досборы материала могли иметь место, но надо помнить, что Махмуд удалялся от мест, где была естественная и неограниченная подпитка его материалов.

Общая и единодушная оценка «Свода тюркских слов» Махмуда Кашгари современными специалистами такова, что «Свод» – ценнейший источник по ранне-средневековому тюркскому языку, уникальность которого определяется целым рядом высказанных автором «Дивана» точных квалификаций таких лингвистических аспектов описываемого караханидско-тюркского языка, как: а) эксплицит-

ное объяснение лексико-семантических вариаций значений многих слов, данное лингвистически подготовленным человеком; б) внимание к структурно-семантическим наполнителям синтаксических конструкций приводимых примеров и раскрытие семантико-грамматических особенностей языковых форм. Эти и подобные им семантические характеристики лексем и фраз лингвист, работающий с текстовым (любым нарративным) произведением, «вытаскивает» из текста с большим или меньшим успехом, опираясь на знание о семантическом потенциале аналогичных лексем в других произведениях данного круга источников, в других родственных и неродственных языках и т. д. Здесь же, как и в других аналогичных произведениях средневековой филологической науки («Кодекс куманикус», 1303 г., и др.) специалист-современник древнего идиома раскрывает семантический облик древних слов и фраз максимально адекватно.

К этому перечню следует добавить то, с чего мы начали данную статью: с попытки Махмуда Кашгари охарактеризовать диалектное окружение хаканийского (караханидско-тюркского) литературного языка. Как мы увидели, с точки зрения более адекватных суждений современной науки (а к этим суждениям пришли по результатам исследований десятков, если не сотен талантливых и самоотверженных ученых многих поколений из разных стран), заключения Махмуда о составе диалектов/наречий тюрков не всегда точны, а иногда просто ошибочны. Пойдем далее. Если отбросить ошибочные «тюркизации», не вдаваясь в причины того, почему они сделаны (а это могли быть причины политического свойства и, значит, не имеющие отношения к науке (пусть иначе: имеющие отношение, но к иной науке, не лингвистического, но социологического плана)), то верные отождествления диалектов именно как тюркских, т. е. входящих в данную генетическую общность, все равно имели бы большое значение для истории тюркологии, ибо были сделаны современником этих диалектов, знавшим о них явно больше, чем умещается в коротком заключении: язык «данного» племени схож с чигильско-тюркским языком, хотя и отличается от него в каких-то языковых средствах.

Список сокращений

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия, 1990.

Литература

- Виноградова 1990 – Виноградова С.П. Согдийский язык. ЛЭС: 477.
 Герценберг 1990 – Герценберг Л.Г. Хотаносакский язык. ЛЭС: 574.
 ДЛТ – ссылка на с. арабского оригинала ДЛТ, имеющего сквозную нумерацию в обоих томах русского полного переводного издания, см. ниже: МК ДЛТ, т. 1; МК ДЛТ, т. 2.
 Кормушин 2010 – Кормушин И.В. Введение / (к кн.:) Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк (Свод тюркских слов). Перевод с примечаниями. В 3 т. – Т.1. – М., 2010. – С.21–52.
 МК ДЛТ, т. 1 – Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк (Свод тюркских слов). В 3 т. – Т. 1. – М., 2010. – 461 с.
 МК ДЛТ, т. 2 – Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк (Свод тюркских слов). Перевод и примечания. В 3 т. –Т. 2. – М., 2016. – 511 с.

About some peculiarities of data of Mahmud Kashgari on Turkic dialects of the XIth century

Igor V. Kormushin, Aleksandr V. Savelyev, Aleksandr V. Sharov

Moscow

Summary: In his introduction to the «Divan» Mahmud al-Kashgari, while speaking about the main common features of the language of Turks, described in his work, also emphasized the importance of the tribal composition and tribe-depending linguistic parameters, which could be also named as dialectal markers. The most of mentioned ethnic groups do have something in common with different Turkic dialects because of their representation by special words and their variants similar to those words and their forms, that can be found in other Turkic ethnodialects. By the way, among them, there are such ethnic groups, the presence of which in the list can be doubted. The current article is devoted to these doubts and their possible clarification.

Keywords: words with linguistic and dialectal markers in «Divan Lugat at-Turk» by Mahmud al-Kashgari, Turkic tribes, Sogdians, Khotan people, Tibetans, Tanguts, Khitan people

**О ЗНАЧЕНИИ ДАННЫХ МАХМУДА КАШГАРИ
ПО ТЮРКСКИМ ДИАЛЕКТАМ XI В.
ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ
ДРЕВНЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА VII–XI ВВ.¹**

И.В. Кормушин, А.В. Савельев

г. Москва

Резюме: В настоящей статье делается попытка привлечь внимание специалистов к понятию смешанности древнетюркского литературного языка. В том, что древний литературный язык неоднороден в своих языковых средствах и представляет собой искусственное, и чаще всего – искусное, соединение слов и форм из разных диалектов одного языка, нет ничего удивительного. Такой симбиоз называется в лингвистике *койне* и известен самым разным письменным культурам. Для древнетюркского койне этот вопрос интересен прежде всего тем, какие диалекты служат материалом для слияния и по каким языковым признакам это можно установить. Оказывается, что правильную оценку в решении этой проблемы помогают вынести лингвистические характеристики – пусть недостаточно для нас полные и всесторонние, но уникальные, – которые дал тюркским диалектам в своем труде «Диван лугат ат-турк» Махмуд Кашгари.

Ключевые слова: древнетюркский литературный язык, койне, древние диалекты, междиалектные чередования.

Признание смешанного характера диалектной основы письменного языка орхоно-енисейских рунических памятников из области первоначальных догадок и приблизительных, «на глазок», оценок самыми крупными учеными-тюркологами, лично занимавшимися изучением этих вопросов с момента дешифровки рунического письма и первых переводов орхонских и енисейских памятников, со временем переходит в область лингвистической аргументации. Правда, в работах А.Н. Самойловича 1918–1926 гг., посвященных классификациям тюркских языков, еще не идет речь о «смешанности». В докладе на «радловском кружке» в декабре 1918 г. «О некоторых дополнениях к классификации турецких языков» А.Н. Самойлович вводит новый классификационный признак, которого не было у В.В. Радлова и Ф.Е. Корша, что позволяет ему «уточнить классификацию во всем ее объеме. Признак этот – чередование звуков *д(т)*, *з(с)*, *й* в середине и на конце слов: *адак*, *атак*, *азак*, *айак* ‘нога’; *код*, *кот*, *кос*, *кой* ‘положи’» (цит. по изд.:

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ, № 19-012-00161.

Кормушин Игорь Валентинович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: igorkormushin@yandex.ru.

Савельев Александр Владиславович – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: alexander.savelyev@iling-ran.ru.

[Самойлович 2005: 81]). Судя по примерам ‘нога’ и ‘положи’, А.Н. Самойлович мог познакомиться с содержанием только что изданного в Стамбуле арабографического трехтомника «Дивана» и сумел оценить всю перспективность инлаутного чередования *d//t//z//j* именно для охвата всей тюркской семьи. Ученый понял, что по данному чередованию тюркские языки разделяются на устойчивые исторические группировки «без остатка», в отличие от таких признаков, как чередование начального *й* с шипящими и носовыми, выпадение/невыпадение срединного *z*, наличие в огузских языках формы глагола ‘быть’ *ol-* вместо *bol-* во множестве других тюркских языков, когда не весь однотипный лексический материал подпадает под действие этих фонетических чередований. Оценивая сейчас эту коллизию, мы можем утверждать с большой долей вероятности, что дело здесь, видимо, во времени возникновения соответствующих фонетических чередований. Как будто бы на хронологию возникновения межтюркских фонетических соответствий намекает и очередность подачи фонетических альтернатив, разделяющих тюркские языки на группы: 1) *p//z*, в словах, типа чув. *tǎxǎp* // все др. тюркские *токуз* ‘девять’; 2) *p//d*, *z//й*, в словах, типа чув. *ура* // тувинский, якутский *адак*, хакасский *азак*, остальные тюркские *айак*. Также в классификации А.Н. Самойловича есть еще четыре чередования, частично упомянутые нами выше, однако приведенные первые два признака являются фундаментом этой самой современной и адекватной синхронному и историческому материалу тюркских языков классификации, справедливо носящей имя Самойловича.

Вместе с тем, следует обратить внимание на некоторую прямолинейность решения А.Н. Самойловича по языку енисейско-орхонских памятников, который он решительно вывел из группы огузских (юго-западных) языков и отнес по наличию *d*-признака к языкам северо-восточным. А ведь до принятия ведущей роли чередования *d//й* в распределения тюркских языков по группам ученые были согласны с отнесением языка по крайней мере орхонских памятников в одну группу с современными огузскими – турецким и туркменским. Чем тогда обосновывали это решение? Прежде всего тем, что главным этносом и Первого (552–603 г.) и Второго (682–744 г.) тюркских каганатов были тюрки, которые сохранили свое этническое имя *Türk*, пронеся его сквозь века и цепь значительных миграций, этнических взаимодействий и политических трансформаций. Ныне этот этноним сохраняется за представителями основной нации Турецкой Республики, созданной на обломках Османской империи в 1923 г.

До сих пор мы говорили об узко этническом наполнении термина «тюрк». Но следует учесть, что на фоне значительного расширения тюркского государства с охватом множества инациональных территорий, население которых тоже становилось «тюрками», но уже в широком политическом смысле. Ближайший пример – чигильские тюрки, соплеменники Махмуда Кашгари. Они говорят с *δ*: *адак* ‘нога’, и это выдает в их языке уйгурскую подоснову, но Махмуд упорно не относит себя к уйгурам, потому что уйгуры для него – немусульмане, идолопоклонники.

Именно с учетом обеих возможностей реальных, живых диалектов – выступать под своим подлинным этническим именем или же под этнополитонимом руководящего союзного этноса – все равно критерий Кашгари – Самойловича поможет разобраться в том, с диалектом из какого классификационного отдела мы имеем дело. Но только в случае, если речь идет о реальном, «естественном»

диалекте. Другое дело, если речь идет о литературном языке. Основная особенность литературных языков – их определенная искусственность, в том смысле, что для него творцами устных и/или письменных произведений – рапсодами, поэтами, писателями – производился отбор лексических и грамматических средств из различных диалектов, обычно за минусом специфических диалектизмов, но с использованием диалектизмов ярких, образных, которые постепенно становились понятными для всех говорящих на данном языке. Так, благодаря, прежде всего, устной кочующей манере исполнения дестанов в разных диалектных слушательских аудиториях, в течение многих лет, постепенно формировалось устное поэтическое интердиалектное койне. Впоследствии, при обретении тем или иным народом письма, устное койне обычно составляло основу письменного литературного языка. Только таким путем в древнем литературном языке могли оказаться вместе формы из разных классификационных разделов (языковых групп), чего почти не бывает в естественных диалектах в древнюю эпоху, если только нет длительного совместного проживания носителей этих разных диалектов.

Остается один, но, может быть, главный вопрос. Да, спорадические вкрапления разнодиалектных форм в древнетюркский литературный язык – вещь понятная. Но то, какой диалект послужил основой создания этого литературного языка, был его *опорным* диалектом, а какой или какие диалекты несли добавления, необходимое разнообразие и гибкость в состав выразительных средств, – этот вопрос требует вдумчивого решения, на который мы постараемся ответить в нашей следующей публикации.

Литература

Самойлович 1918/2005 – Некоторые дополнения к классификации турецких языков // *А.Н. Самойлович*. Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М.: «Восточная литература РАН», 2005. – С. 77–87. {*Samojlovič A.N.* Some addenda to the classification of the Turkic languages. In: *Turkic Linguistics. Philology. Runic inscriptions*. Moscow: Vostočnaja literature RAN, 2005. – PP. 77–87}.

ON THE IMPORTANCE OF MAKHMUD AL-KASHGARI'S DATA ON THE TURKIC DIALECTS OF THE 11TH CENTURY FOR THE UNDERSTANDING OF THE PECULIARITIES OF THE OLD TURKIC LITERARY LANGUAGE IN THE 7TH-11TH CENTURIES

Igor V. Kormushin, Aleksandr V. Savelyev

Moscow

Summary: In this paper, we attempt to draw attention of experts in Turkic linguistics to the mixed nature of the Old Turkic Literary language. It is no surprise that an ancient literary language is not uniform linguistically, being an artificial – and cunning, in most cases – amalgam of words and forms taken from different dialects. This *koiné* phenomenon is known to different writing cultures. With regard to the Old Turkic *koine*, the question of interest is which dialects were subject to amalgamation and which linguistic features allow to distinguish between these dialects. As we show, it is the features described in Mahmud al-Kashgari's *Diwān* – a unique source on the Old Turkic dialect system, even if it is not fully comprehensive or complete – that help us to solve the problem.

Keywords: Old Turkic Literary language, koine, ancient dialects, dialect correspondences.

Артикуляторные паттерны телеутских согласных в сопоставлении с другими идиомами южного Алтая

И.Я. Селютина

г. Новосибирск

Резюме: Сопоставление артикуляторных параметров телеутских переднеязычных консонантных настроек, полученных методом магнитно-резонансного томографирования, с данными по другим южноалтайским идиомам позволило выявить общее и уникальное в артикуляционно-акустических базах этносов Южного Алтая.

Ключевые слова: тюркские языки Южной Сибири, алтайский язык, язык телеутов, язык теленгитов, экспериментальная фонетика, магнитно-резонансное томографирование, консонантизм.

Введение. Цель исследования – описание произносительных настроек телеутских согласных рассматриваемого кластера и выявление специфики артикуляционно-акустической базы (ААБ) телеутов на фоне ААБ носителей территориальных говоров (онгудайского, шебалинского, усть-канского) диалекта алтай-кижи и языка теленгитов.

Телеуты – один из коренных малочисленных тюркоязычных этносов Южной Сибири, официально считающихся субэтносом алтайцев. Язык телеутов вместе с языками алтай-кижи и теленгитским традиционно принято относить к южной группе алтайских диалектов. В 1991 г. телеуты вошли в перечень коренных малочисленных народов РФ, а их язык признан самостоятельным языком. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. свою принадлежность к национальности *телеуты* указали 2 643 чел., из них 2 520 чел. проживают в Кемеровской обл., 37 чел. – в Республике Алтай, 19 чел. – в Алтайском крае [URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-4-2.pdf (с. 316–323) – дата обращения: 29.05.2019]. Небольшие группы телеутов, обитающие на территории Республики Алтай – алтайская группа телеутов, и в Алтайском крае – чумышская группа (или караба), подверглись сильной ассимиляции со стороны соседних народов: в Республике Алтай со стороны алтай-кижи, в Алтайском крае со стороны русских, алтайцев, поволжских татар [Уртегешев 2009: 248; 2016: 483]. В настоящее время только бачатские телеуты, проживающие в Кемеровской обл., сохранили свою этническую идентичность [Тубукова 2016: 423], хотя по мнению Д.А. Функа, некоторые группы телеутов, прожива-

Селютина Ираида Яковлевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск; e-mail: siya_irina@mail.ru.

ющих в Заринском и Кытмановском р-нах Алтайского края, а также в Республике Алтай до сих пор заявляют о своей телеутской идентичности [Функ 2006: 171; Худяков 2009: 249]. При этом лишь 975 чел., т. е., 25,8% численного состава этноса указали при переписи владение телеутским языком [URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-4-5.pdf (с. 359) – дата обращения: 29.05.2019].

Обзор литературы. Язык телеутов был положен в основу письменности, разработанной представителями Алтайской духовной миссии. В «Грамматике ...» [1869] получил краткое освещение звуковой строй языка телеутов. Авторы выделили 19 согласных звуков, поделив их на «жесткие» и «мягкие» (т. е., глухие и звонкие) и приведя краткое описание произношения.

В.В. Радлов констатировал в телеутском 22 согласных звука: 8 глухих (Tonlose): q, k, t, j, č, s, š, p; 7 звонких (Tönende): y, g, d, b, z, ž, j; 6 сонантов (Sonore): l, l, r, m, n, ñ; и один гласно-согласный звук (Vocal-Consonant): j [Radloff 1882: 129, 173, 201].

В 1970-е гг. К.В. Меркурьевым было выполнено экспериментально-фонетическое исследование бачатско-телеутского консонантизма, результаты которого изложены в серии работ [Меркурьев 1975, 1976, 1977 и др.]. К.В. Меркурьев выделил 23 согласных звука: губные p, b, m; переднеязычные t, d, n, s, z, ʃ, ʒ, l, r; среднеязычные ħ, j, ħç, j; заднеязычные k, g, ɣ, ŋ и язычковые q, oɟ, ɲ. Установлено, что 16 согласных фонем языка бачатских телеутов противопоставлены как шумные ([p], [p:], [t], [t:], [s], [ʃ], [ħ (j)], [ħç:], [k], [k:]) и малошумные ([m], [n], [l], [r], [j], [ŋ]); шумные подразделяются на краткие ([p], [t], [s], [ʃ], [ħ (j)], [k]) и долгие ([p:], [t:], [ħç:], [k:]) [Меркурьев 1975: 9–12, 19]. Наши данные подтверждают функционирование в языке современных телеутов консонантной фонологической системы, инвентарь которой включает 16 единиц. В целом в идиомах Южного Алтая класс переднеязычных согласных включает смычные фонемы [t] и [t:] и щелевые [s] и [ʃ].

Материалы и методы. В данной статье рассматриваются артикуляторные настройки реализаций шумных переднеязычных согласных фонем в языке современных телеутов в сопоставлении с соответствующими настройками в других идиомах Южного Алтая. Экспериментальные данные получены методом магнитно-резонансного томографирования и обработаны по трем информантам. Иллюстративный томографический материал приводится в статье по диктору 1, родившемуся в Беловском районе Кемеровской области и хорошо владеющему родным языком. Объективные инструментальные данные могут послужить в качестве надежного историко-лингвистического источника при изучении разновременных этнических и языковых контактов на территории Сибири [Наделяев 1986: 3–15; Зиндер 1984: 8–12; Селютина 2006 29–31].

Переднеязычные согласные. Переднеязычные согласные в зависимости от конфигурации активно работающей передней части спинки языка делятся на дорсальные (спинковые), апикальные (кончиковые), какуминальные (вершинковые) и ретрофлексные (отогнутовершинковые) [Наделяев 1960: 64–65]. Как показывают соматические исследования, в тюркских языках народов Сибири наиболее частотными являются дорсальные переднеязычные артикуляции, реже встречаются

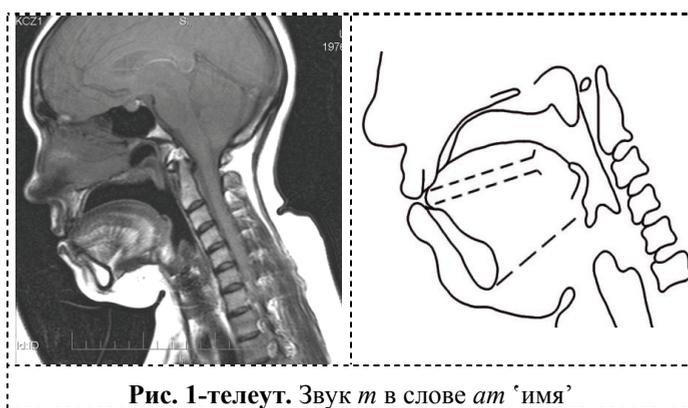
апикальные и какуминальные настройки; ретрофлексные же паттерны не свойственны артикуляционным базам южносибирских тюрков алтае-саянского региона.

В классификации Международной фонетической ассоциации (МФА) не нашли отражения характеристики по конфигурации передней части спинки языка [Ladefoged, Maddieson 1996: xxi; Handbook of the International Phonetic Association 2007: 201; Esling 2010: 682–683, 692–693; Ladefoged, Johnson 2011]. Исключение составляет группа ретрофлексных согласных, номинированная – в нарушение заложенного разработчиками алфавита научного принципа последовательного классифицирования единиц по единому основанию – по локусу артикуляции [Уртегешев и др. 2009: 101–103]. Внесенные позднее уточнения не носят принципиального характера [https://en.wikipedia.org/wiki/International_Phonetic_Alphabet].

Анализ данных. Ниже анализируются данные магнитно-резонансного томографирования артикуляторных настроек шумных переднеязычных согласных современного телеутского языка в сопоставлении с данными по территориальным говорам диалекта алтай-кижи (онгудайскому, усть-канскому, шебалинскому) и языку теленгитов.

1. Шумные переднеязычные согласные. В южносибирских тюркских языках класс шумных переднеязычных согласных представлен смычными согласными *т* «t», *д* «d», щелевыми свистящими *с* «s», *з* «z» и шипящими *ш* «ʃ», *ж* «ʒ».

1.1. Шумные переднеязычные смычные согласные. В телеутском языке согласные *т* «t» и *д* «d» зафиксированы на томограммах в трех твердоядных словоформах: *ат* 'имя' (рис. 1), *қаады* 'бумага=его' – реализации *т* «t» и *д* «d» фонемы [t], и *қааты* 'женщина=его' – репрезентант *т* «t:» фонемы [t:].

Все настройки фонем [t] и [t:] определяются как смычные переднеязычные с различной степенью дорсальности: если *т* «t» в слове *ат* 'имя' и *д* «d» в слове *қаады* 'бумага=его' – сильнодорсальные (по активному органу артикуляции) дентально-альвеолярные (по пассивному) умереннонапряженные, то интервокальный *т* «t:» в слове *қааты* 'женщина=его' – сверхсильнодорсальный дентально-переднетвердонебный сильнонапряженный слабофарингализованный согласный. Все настройки – лабиализованные (губное отстояние меньше зубного),

одноканально ртовые (увула плотно сомкнута с задней стенкой носоглотки), неувуларизованные (кончик увулы не оттянут к корню языка). Характерной особенностью рассматриваемых телеутских артикуляций является неучастие кончика языка в формировании смычной преграды.

В *онгудайском говоре диалекта алтай-кижи* – базовом говоре алтайского литературного языка – настройка твердоярдного звука «*t*», зафиксированного рентгенографически в слове *ат* ‘конь’ (рис. 2) [Чумакаева 1976: 79–80, 93], определяется как переднеязычная апикально-сильнодорсальная дентально-альвеолярная смычная слабонапряженная ртовая слабоувуларизованная. Реализация, отснятая дентопалатографически в том же слове, демонстрирует еще большую степень дорсальности и может быть определена как сверхсильнодорсальная; артикуляция интервокального оттенка долгой фонемы [t:] в слове *ката* ‘скручивай’ в принципе совпадает с финальным аллофоном краткой фонемы [t].

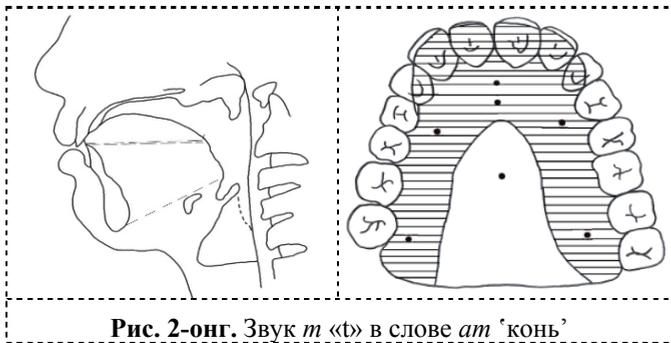

Рис. 2-онг. Звук *t* «*t*» в слове *ат* ‘конь’

В *усть-канском говоре диалекта алтай-кижи* оттенок краткой фонемы [t], зафиксированный в финально-поствокальной позиции в мягкорядной слове *эт* ‘мясо’ (рис. 3) и облигаторно глухая реализация долгой фонемы [t:] в интервокальной позиции в слове *ото* ‘пасись’ (рис. 4), квалифицируются как шумные переднеязычные сверхсильнодорсальные дентально-переднетвердонебные смычные ртовые сильнонапряженные сильнофарингализованные согласные. Мягкорядный оттенок в слове *эт* – слабопалатализованный, о чем свидетельствует незначительный подъем средней части спинки языка к середине твердого нёба и большой (по сравнению с реализацией фонемы [t:] в слове *ото*) объем заднертрово-глочного отдела речевой полости, обусловленный большим продвижением языка вперед и вверх.

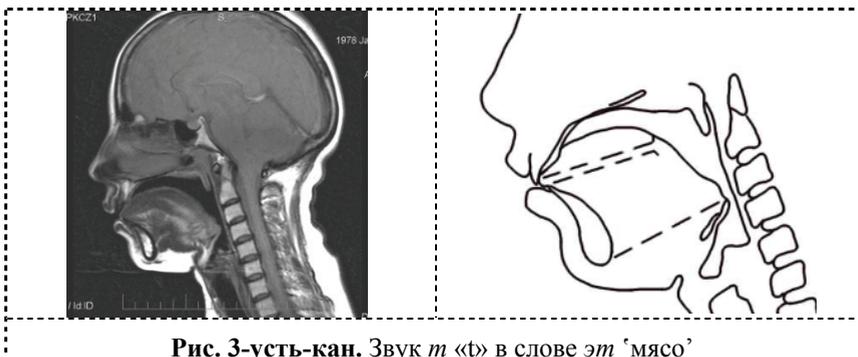

Рис. 3-усть-кан. Звук *t* «*t*» в слове *эт* ‘мясо’

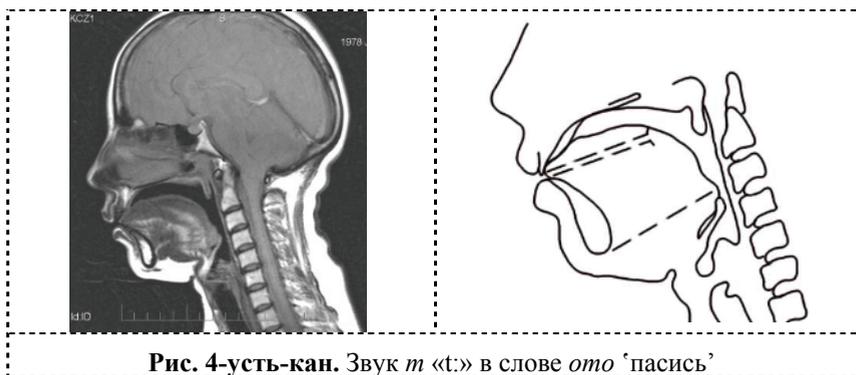

Рис. 4-усть-кан. Звук *t* «t» в слове *ото* 'пасись'

В языке *теленгитов* глухая реализация *t* «t» фонемы [t], представленная на томограмме в финально-поствокальной позиции в твердорядной лексеме *ат* 'конь' (рис. 5) и облигаторно глухой интервокальный аллофон «t:» фонемы [t:] в слове *јыта* 'нюхай!' (рис. 6) характеризуются как смычные переднеязычные сильнодорсальные по активному органу артикуляции, дентально-альвеолярные – по пассивному, одноканально ротовые. Приподнятость задней части спинки языка к границе твердого и мягкого неба обуславливает выраженную веларизацию настроек. Плотная сомкнутость небной занавески с задней стенкой глотки и напряженная оттянутость увулы к корню языка детерминируют сильную увуларизацию настроек. Значительная отодвинутость нижней части корня языка (с плотно прилегающим к нему эпиглоттисом) к задней стенке фаринкса свидетельствует о сильнофарингализованном произношении анализируемых артикуляций. Для аллофонов обеих фонем характерна сильная напряженность артикуляторного аппарата, умеренная лабиализация с выпячиванием губ, более выраженная при реализации фонемы [t:]. Заднертрово-глоточный отдел резонаторной полости при артикулировании глухого финально-поствокального оттенка фонемы [t] вытянут по высоте вследствие опущенности гортани, что свидетельствует об инъективности настройки. Продуцирование аллофона фонемы [t:], напротив, осуществляется с приподнятой гортанью и опущенным вниз корнем языка, что детерминирует сокращение резонаторной трубы по вертикали и позволяет квалифицировать настройку как эйективную [Селютина 2018: 8].

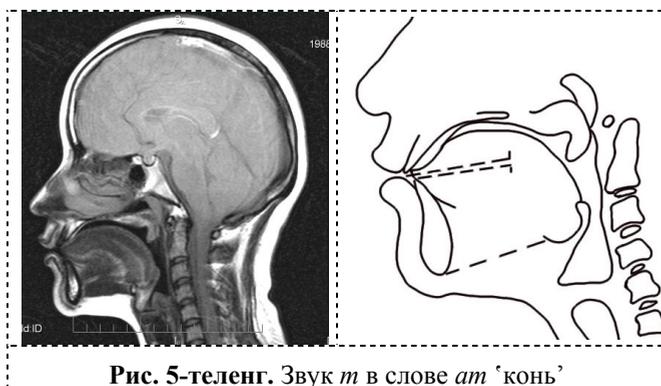

Рис. 5-теленг. Звук *t* в слове *ат* 'конь'

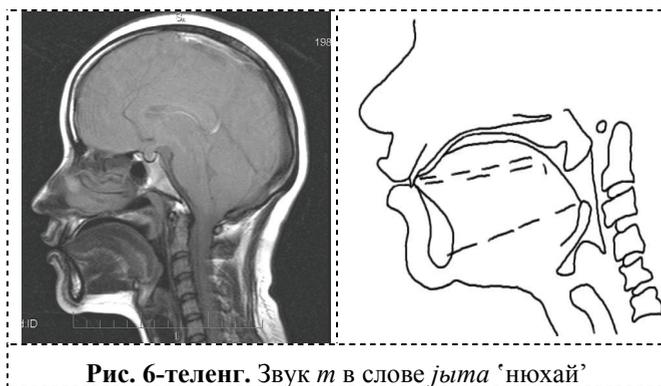

Рис. 6-теленг. Звук *t* в слове *jyta* 'нюхай'

1.2. Шумные переднеязычные щелевые согласные.

1.2.1. Шумные переднеязычные щелевые свистящие согласные.

В языке телеутов артикуляторные настройки согласного *s* «*s*» представлены на томограммах в финально-поствокальной позиции в составе звуковых оболочек двух слов: твердорядного *ас* 'мало' (рис. 7) и мягкорядного *кес* 'режь'. По инструментальным данным репрезентанты фонемы [s] квалифицируются как переднеязычные сильнодорсальные дентально-альвеолярные узкощелевые ртовые лабиализованные невуларизованные. Артикуляция продуцируется с сильной напряженностью речевого аппарата при реализации твердорядного варианта фонемы [s] и с умеренновыраженной – при произнесении мягкорядного аллофона. Дополнительное к основной настройке огубление в представленных оттенках осуществляется путем сближения губ без их выдвижения вперед. Нижняя треть корня языка с прилегающим к нему надгортанником оттянута к задней стенке фаринкса, обуславливая дополнительный эффект слабо выраженной фарингализации настройки; в мягкорядной лексеме *кес* 'режь' отмечается тенденция к фарингализации *s* «*s*».

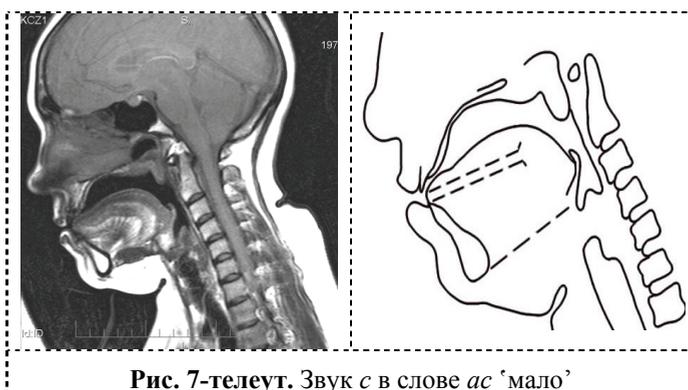

Рис. 7-телеут. Звук *s* в слове *ас* 'мало'

В усть-канском говоре диалекта алтай-кижи щелевой согласный *s* «*s*», зафиксированный в словоформе *ис* 'след' (рис. 8), квалифицируется по совокупности признаков как переднеязычный слабордорсальный альвеолярный сверхузкощелевой ртовый сильнонапряженный непалатализованный слабоувуларизованный фарингализованный.

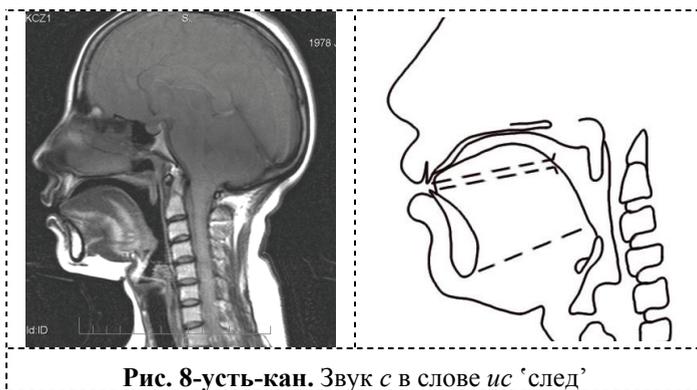

Рис. 8-усть-кан. Звук *c* в слове *uc* 'след'

Теленгитский шумный щелевой согласный *c* «s», зафиксированный в словоформы *ac* 'мало' (рис. 9), квалифицируется как узкощелевой переднеязычный умереннодорсальный по активному артикулирующему органу, альвеолярный – по пассивному. Дополнительное к основной артикуляции огубление имеет свою специфику: звук *c* в слове *ac* лабиализуется путем сближения губ (губное отстояние меньше зубного) со слабым их выпячиванием, в то время как при произнесении *c* в мягкорядном слове *kes* 'режь' эффект лабиализации формируется значительным выдвиганием губ вперед. Артикуляция является веляризованной – межзубно-задняя часть спинки языка поднята к задней части твердого нёба, а также увуларизованной – при плотной сомкнутости нёбной занавески с задней стенкой носоглотки, обеспечивающей одноканальную оральность, увула активно и напряженно направлена к корню языка. Нижняя треть корня языка с плотно прилегающим к нему надгортанником оттянута к задней стенке фаринкса, обуславливая дополнительный эффект фарингализации настройки. Артикуляция продуцируется с сильной напряженностью речевого аппарата. Высота заднеротово-глоточного отдела резонатора при произнесении согласного *c* в словоформе *kes* 'режь' значительно больше по сравнению с его коррелятом в лексеме *ac* 'мало' вследствие сильного опущения гортани и корня языка, что указывает на инъективность настройки мягкорядного аллофона и эйективность твердорядного. Согласный определяется как шумный узкощелевой переднеязычный умереннодорсальный альвеолярный ртовый сильнонапряженный лабиализованный веляризованный увуларизованный фарингализованный эйективный [Селютина 2018: 9].

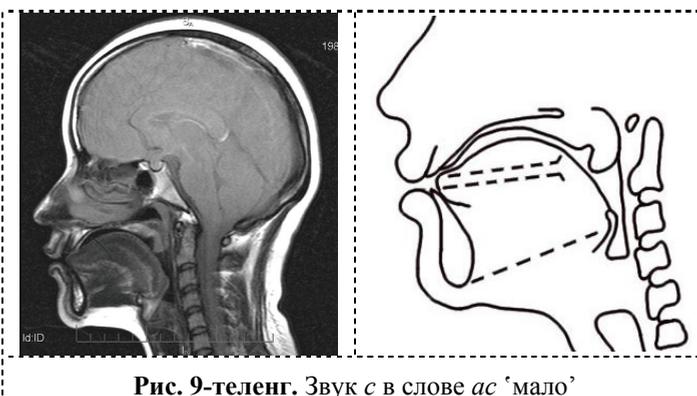

Рис. 9-теленг. Звук *c* в слове *ac* 'мало'

1.2.2. Шумные переднеязычные щелевые шипящие согласные.

В языке телеутов согласные типа *ш* «ʃ» зафиксированы на МРТ в словах *паш* 'голова' (рис. 10), *аш* 'ячмень' и *пеш* 'пять'. Артикуляторные настройки репрезентантов телеутской фонемы *ш* [ʃ] существенно отличаются от настроек соответствующих звуков в других южносибирских тюркских языках. Активным артикулирующим органом при их продуцировании является пограничный передне-средний участок спинки языка, формирующий относительно узкую шумообразующую щель сближением с альвеолами – с их гребнем в словоформе *паш* 'голова' (рис. 10), с их лингвальным склоном в слове *пеш* 'пять', либо с лингвальным склоном альвеол и прилегающим участком передней части твердого неба в лексеме *аш* 'ячмень'. При этом кончик языка локализуется у режущей поверхности нижних зубов, что является показателем среднеязычности настройки. Артикуляция квалифицируется как передне-среднеязычная альвеолярная плоскощелевая ротовая сильнонапряженная лабиализованная. Передне-среднеязычность основной настройки, а также дополнительный подъем средней части спинки языка к середине твердого нёба обуславливают акустический эффект умеренной палатализации. Оттянутость нижней части корня языка к задней стенке фаринкса свидетельствует об умеренной фарингализации настроек *ш*.

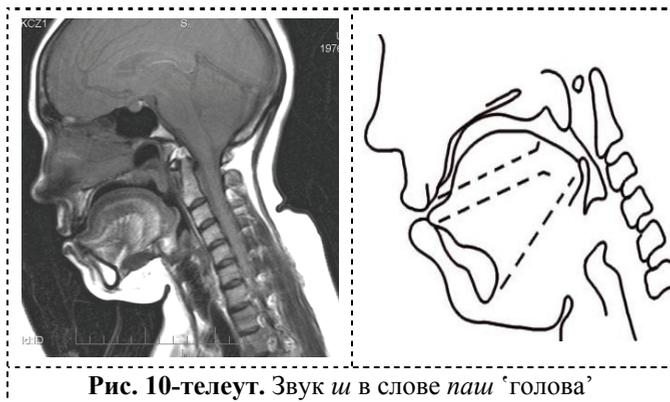

Рис. 10-телеут. Звук *ш* в слове *паш* 'голова'

К.В. Меркурьев квалифицирует фонему *ш* [ʃ] как согласный ротовый шумный слабый переднеязычный плоскощелевой [Меркурьев 1977: 40–42, 44]. Тем не менее, при описании рентгенограммы автор отмечает: «Активный орган передняя часть языка с прилегающим участком средней части спинки языка (от одной трети до половины) приближается к нёбу ...» [Там же, с. 41]. Указывая на активное участие средней части спинки языка в продуцировании артикуляции, К.В. Меркурьев определяет ее, тем не менее, как чисто переднеязычную. Современные МРТ-данные не оставляют сомнения в переднеязычно-среднеязычном характере настройки, при этом среднеязычность артикуляции усиливается появлением на передней части спинки языка значительного по глубине поперечного прогиба, выключая соответствующий участок передней части спинки из активной работы по формированию основной шумообразующей преграды и передающей эту функцию пограничному передне-среднему участку спинки языка. Наши материалы свидетельствуют о сильной напряженности, лабиализованности и выраженной фарингализованности настроек.

В *усть-канском говоре диалекта алтай-кижи* согласный *ш* [ʃ], представленный на томограмме в словоформе *аш* 'пища' (рис. 11), определяется как переднеязычный апикальный альвеолярный щелевой ртовый сильнонапряженный лабиализованный веларизованный сильнофарингализованный звук.

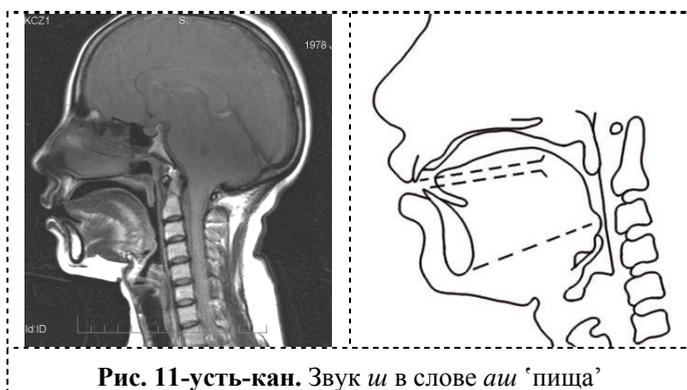

Рис. 11-усть-кан. Звук *ш* в слове *аш* 'пища'

В *языке теленгитов* согласный *ш* «ʃ» описывается по статической томограмме ауслатной настройки в словоформе *аш* 'пища' (рис. 12). Реализация определяется как узкощелевая (~сверхузкощелевая) переднеязычная слабодорсальная альвеолярная ртовая сильнонапряженная лабиализованная слабопалатализованная увуларизованная фарингализованная согласная. При этом степень дорсальности, огубления, увуларизации и фарингализации мягкорядного аллофона в слове *пеш* выше, чем у твердорядного коррелята [Селютина, Уртегешев, Добринина 2019: 131]. Соотношение показателей высоты заднеротово-глоточных отделов резонаторной трубы в настройках рассматриваемых аллофонов свидетельствует об инъективности артикуляции звука *ш* в словоформе *аш* 'пища', эйективности реализации *ш* в лексеме *пеш* 'пять' и о нейтральности (статичности) оттенка *ж* в слове *кижи* 'человек' [Уртегешев 2002: 264].

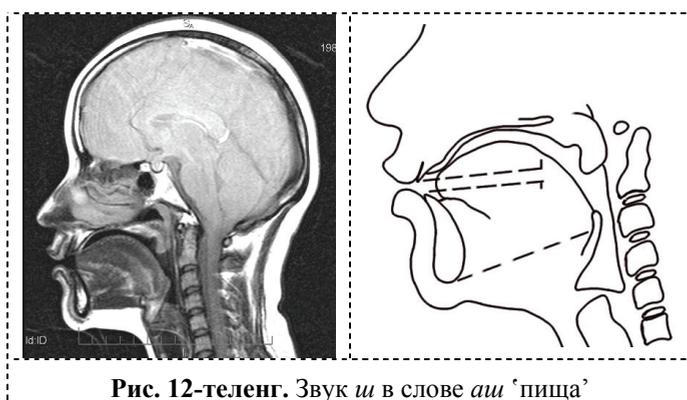

Рис. 12-теленг. Звук *ш* в слове *аш* 'пища'

Заключение. Сопоставительный анализ артикуляторных паттернов шумных переднеязычных смычных и щелевых согласных теленгитского языка и произносительных настроек соответствующих согласных в других южноалтайских идиомах – онгудайском, усть-канском и шебалинском говорах диалекта алтай-

кижи и в теленгитском языке – свидетельствует о существенных различиях артикуляторных установок в речи представителей онгудайского и, в какой-то мере, шебалинского говора диалекта алтай-кижи, с одной стороны, усть-канского говора диалекта алтай-кижи и теленгитского языка, с другой; язык телеутов при этом занимает по артикуляционно-базовым характеристикам переднеязычных согласных промежуточное положение между указанными группами идиомов.

В онгудайском – базовом говоре алтайского литературного языка – производительный уклад переднеязычных согласных – как и единиц других артикуляторных рядов – является классическим для настроек данного локального класса; кроме того, онгудайские реализации, как правило, умереннонапряженные, не осложненные дополнительными артикуляциями, – они квалифицируются как нелабиализованные, неназализованные, невуларизованные, нефарингализованные.

Усть-канские же звуки, как мягкорядные, так и твердорядные с точки зрения сингармонической рядности, продуцируются при сильной отодвинутости тела языка назад и оттянутости нижней трети корня языка к задней стенке фаринкса, что приводит к существенному сокращению объема заднеротово-глоточного отдела резонаторной полости по сравнению с онгудайскими соответствиями. Усть-канские артикуляции – более заднего образования, сильнонапряженные, нижнефарингализованные. Кроме того, в усть-канском говоре отчетливо прослеживается тенденция к нивелировке различий в артикулировании мягкорядных и твердорядных реализаций.

Шебалинские настройки – более переднего образования, менее напряженные, чем усть-канские, но осложненные рядом дополнительных характеристик: лабиализация, слабая вуларизация, и – в некоторых случаях – фарингализация, хотя и значительно менее выраженная, чем у усть-канцев, и имеющая верхне-среднюю локализацию, в отличие от усть-канской – нижней.

Для артикуляционно-акустической базы теленгитов в области консонантизма характерна сильная напряженность речевого аппарата; слабая напряженность несвойственна настройкам. По типу работы гортани и языка согласные дифференцируются как нейтральные, инъективные и эйективные. Кроме основной, в формировании специфики ААБ теленгитов важную роль играют дополнительные артикуляции: лабиализация, палатализация, веляризация, вуларизация, фарингализация; отсутствие немотивированной – исторически или фонетическим контекстом – назализации косвенно свидетельствует об общей сильной степени напряженности речевого аппарата. При этом четко выражена прямая корреляция между степенью артикуляторной напряженности и уровнем выраженности дополнительных признаков лабиализации, веляризации, вуларизации, фарингализации. В наиболее концентрированном виде совокупность указанных параметров маркирует эйективные настройки. По совокупности признаков теленгитские артикуляции обнаруживают близость с усть-канским говором, в большей степени отличаясь от онгудайских, а также шебалинских реализаций.

Выявленные системные модификации артикуляционно-акустической базы телеутов, и прежде всего усиление напряженности настроек, позволяют обнаружить сходство с теленгитским языком, для которого не свойственны слабые артикуляции. Как и в языке теленгитов, в телеутском переднеязычные согласные подвергаются тотальной лабиализации. Эта особенность выделяет данные идио-

мы на фоне других южносибирских тюркских языков, в которых огубление негубных согласных, не обусловленное исторически или позиционно-комбинаторно, реализуется эпизодически. Кроме того, активно формирующиеся параметры увуларизации и фарингализации и отсутствие назализации также сближают языки телеутов и теленгитов, хотя в телеутском эти признаки выражены слабее. В классе переднеязычных щелевых шипящих реализаций фонемы [ʃ] в языке современных телеутов реализовалась тенденция, косвенно зафиксированная в 1970-е гг.: осуществился переход артикуляций из переднеязычных в передне-среднеязычные альвеолярные (~ альвеолярно-переднетвердонебные).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что при близости принципов системно-структурной организации консонантизма в южноалтайских идиомах отмечаются высокая вариативность в распределении инвентарей реализаций фонем и значительные расхождения в артикуляционно-акустических базах, являющиеся следствием разновременных и разнохарактерных языковых и этнических взаимодействий.

Сокращения

ААБ – артикуляционно-акустическая база

МРТ – магнитно-резонансное томографирование

МФА – Международная фонетическая ассоциация; Международный фонетический алфавит

Языки, диалекты и говоры

онг. – онгудайский говор диалекта алтай-кижи

теленг. – теленгитский язык

телеут. – телеутский язык

усть-кан. – усть-канский говор диалекта алтай-кижи

Литература

- Грамматика 1869 – Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии. – Казань: Университетская типография, 1869. – 640 с. {Grammar of the Altai language. Compiled by members of the Altai Mission. – Kazan, University printing house, 1869, – 640 pp.}
- Зиндер 1984 – *Зиндер Л.Р.* К вопросу об артикуляторной базе // Экспериментально-фонетический анализ речи. Вып. 1. – Л., 1984. – С. 8–12. {*L.R. Zinder.* On the question of articulatory base // Experimental-phonetic speech analysis. Issue 1. – Leningrad, 1984. – PP. 8–12.}
- Меркурьев 1975 – *Меркурьев К.В.* Бачатско-телеутский консонантизм: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1975. – 20 с. {*K.V. Merkurjev.* Bachat-Teleut consonants. Abstract of PhD Candidate Theses. – Novosibirsk, 1975. – 20 pp.}
- Меркурьев 1976 – *Меркурьев К.В.* Переднеязычные фонемы [t] и [t:] в языке бачатских телеутов // Язык бачатских телеутов. – Кемерово, 1976. – С. 72–80. {*K.V. Merkurjev.* Frontlingual phonemes [t] and [t:] in the language of Bachat Teleuts // Language of Bachat Teleuts. – Kemerovo, 1976. – PP. 72–80.}
- Меркурьев 1977 – *Меркурьев К.В.* Шумные переднеязычные консонанты [s] и [ʃ] в языке бачатских телеутов // Языки народов Сибири. – Кемерово, 1977. – С. 38–44. {*K.V. Merkurjev.* Noisy frontlingual consonants [s] and [ʃ] in the language of Bachat Teleuts // Languages of the peoples of Siberia. – Kemerovo, 1977. – PP. 38–44.}
- Наделяев 1960 – *Наделяев В.М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). – М.–Л., 1960. {*V.M. Nadelyayev.* The project of a Universal Uniform Phonetic Transcription (UUPhT). – Moscow–Leningrad, 1960.}

- Наделяев 1986 – *Наделяев В.М.* К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. – Новосибирск, 1986. – С. 3–15. {*V.M. Nadelyayev.* To the typology of articulatory-acoustic bases (AAB) // Phonetic structures in Siberian languages. – Novosibirsk, 1986. – PP. 3–15.}
- Селютина 2006 – *Селютина И.Я.* Фонетические исследования языков Сибири: итоги и перспективы // Языковая ситуация и коммуникативные стратегии обучения. Материалы Всероссийской научно-методической конференции (Новосибирск, 29–31 января 2006 г.). – Новосибирск, 2006. – С. 20–36. {*I.Ya. Selyutina.* Phonetic studies of Siberian languages: results and prospects // Language situation and communicative learning strategies. Materials of the all-Russian scientific and methodical conference. – Novosibirsk, 2006. – PP. 20–36.}
- Селютина 2018 – *Селютина И.Я.* Артикуляторные настройки шумных переднеязычных согласных языка теленгитов по данным МРТ // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2018. – № 1 (35). – С. 5–16. {*I.Ya. Selyutina.* Articulatory settings of noisy frontlingual consonants of the Telengit language according to MRI data // Languages and folklore of indigenous peoples of Siberia. – 2018. – № 1 (35). – PP. 5–16.}
- Селютина, Уртегешев, Добринина 2019 – *Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Добринина А.А.* Теленгитские согласные по инструментальным данным // Урало-алтайские исследования. – № 3 (34). – 2019. – С. 124–147. {*I.Ya., Selyutina, N.S. Urtegeshev, A.A. Dobrinina.* Telengit consonants based on instrumental data // Ural-Altaic studies. – 3 (34). – 2019. – PP. 124–147.}
- Уртегешев 2002 – *Уртегешев Н.С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасско-го диалекта). – Новосибирск, 2002. {*N.S. Urtegeshev.* Obstruent consonantism of the Shor language (based on the Mras dialect). – Novosibirsk, 2002.}
- Уртегешев 2009 – *Уртегешев Н.С.* Телеутский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. III. – С. 248. {*N.S. Urtegeshev.* Teleut language // Historical Encyclopedia of Siberia. Novosibirsk, PH «The Historical heritage of Siberia», 2009. – Volume 3. – P. 248.}
- Уртегешев 2016 – *Уртегешев Н.С.* Телеутский язык // Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Азбуковник, 2016. – С. 483–487. 872 с. {*N.S. Urtegeshev.* Teleut language // Language and society. Encyclopedia. – Moscow: Azbukovnik, 2016. – PP. 483–487. 872 pp.}
- Уртегешев, Селютина, Эсенбаева и др. 2009 – *Уртегешев Н.С., Селютина И.Я., Эсенбаева Г.А., Рыжикова Т.Р., Добринина А.А.* Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Урало-алтайские исследования. 1 (1). – 2009. – С. 100–115. {*N.S. Urtegeshev, I.Ya. Selyutina, G.A. Esenbayeva, T.R. Ryzhikova, A.A. Dobrinina.* Phonetic transcription standards UUPhT and IPA: correspondences // Ural-Altaic studies. 1 (1). – 2009. – PP. 100–115.}
- Функ 2006 – *Функ Д.А.* Телеуты. Глава 1. Общие сведения // Тюркские народы Сибири. – М: Наука, 2006. – С. 171–176. {*D.A. Funk.* Teleuts. Chapter 1. General information // Turkic peoples of Siberia. – Moscow: Science, 2006. – PP. 171–176.}
- Худяков 2009 – *Худяков Ю.С.* Телеуты // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. III. – С. 249. {*Yu.S. Khudyakov.* Teleuts // Historical Encyclopedia of Siberia. – Novosibirsk, PH «The Historical heritage of Siberia», 2009. – Volume 3. – P. 249.}
- Чумакаева 1978 – *Чумакаева М.Ч.* Согласные алтайского языка. Горно-Алтайск, 1978. {*M.Ch. Chumakayeva.* Consonants of the Altai language (based on experimental phonetic research). Gorno-Altaysk, 1978.}
- Esling 2010 – *J.H. Esling.* Phonetic Notation // The Handbook of Phonetic Sciences. Second Edition / Ed. by W.J. Hardcastle (ed.), J. Laver (ed.), F.E. Gibbon (ed.). The Handbook of Phonetic Sciences (2nd ed.). – Oxford: Wiley-Blackwell Publishing, 2010. – PP. 678–702.
- Handbook 2007 – Handbook of the International Phonetic Association : A Guide to the Use of the International Phonetic Alphabet. Eighth printing. – Cambridge University Press, 2007. – PP. ix+204.
- Ladefoged, Maddieson 1996 – *P. Ladefoged, I. Maddieson.* The sounds of the world's languages. Oxford: Blackwell, 1996. PP. xiv+425.
- Radloff 1882 – *W. Radloff.* Phonetik der nördlichen Türksprachen. – Leipzig: Weigel, 1882. – SS. xlv+318.

Тубыкова 2016 – *L.N. Тубыкова*. The Teleuts and Their Language // *Endangered Turkic Languages*. – V. 3. – Ankara–Astana: International Turkic Academy, 2016. – PP. 421–429. P. 553.
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-4-2.pdf (с. 316–323, 354–355) (дата обращения/date of visit: 29.05.2019).
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-4-5.pdf (с. 359) (дата обращения/date of visit: 29.05.2019).
https://en.wikipedia.org/wiki/International_Phonetic_Alphabet (дата обращения / date of visit: 29.07.2019).

Articulatory patterns of Teleut consonants in comparison with other idioms of South Altai

Iraida Ya. Selyutina

Novosibirsk

Summary: Comparison of articulatory parameters of Teleut frontlingual consonant settings obtained by Magnetic Resonance Imaging with data on other South Altai idioms allowed to reveal common and unique in articulatory-acoustic bases of South Altai ethnic groups.

Keywords: Turkic languages of South Siberia, Altai language, Teleut language, Telengit language, experimental phonetics, Magnetic Resonance Imaging, consonantism

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В АСПЕКТЕ ДИХОТОМИИ ТОЖДЕСТВ И РАЗЛИЧИЙ НА ПРИМЕРЕ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА

А.И. Альниязов
Нукус (Узбекистан)

Резюме: Статья посвящена вопросу изучения сложносочиненных предложений в тюркских, в том числе и каракалпакском языке, в аспекте концепции тождеств и различий. Проанализированы функции союзов, выражающих отношения тождества и различия между компонентами сложносочиненных предложений, а также структурно-семантические виды предложений с такими союзами.

Ключевые слова: сложные (сложносочиненные предложения), тюркские языки, каракалпакский язык, структурно-семантические типы предложений, концепция тождеств и различий

Принцип устройства всех языков, в том числе и тюркских, в самой глубине один и тот же. Поэтому предметом современных лингвистических исследований должен стать не какой-то отдельный конкретный язык, а человеческий язык вообще, единый в своей сущности, хотя и представленный бесчисленным множеством вариаций. Для обобщенного исследования как родственных, так и неродственных языков необходимо раскрыть инвариантную суть всех этих языков, сопоставляя их как системы. А это станет возможным только тогда, когда мы сумеем рассмотреть огромный и разнообразный материал этих языков через призму единого основания. Говоря о необходимости установления такой единой точки отсчета при исследовании языковых явлений, профессор Н.Н. Холодов утверждал, что в языковой системе главенствуют отношения тождеств и различий: «Отношения аналогичности и неаналогичности, тождества и различия и т.д. являются субинвариантными отношениями языка. Они – основание (может быть, “дно”, может быть, центр) языковой системы» [Холодов. За древними... 1991: 104]. Мы также придерживаемся такой точки зрения на природу исследования языковых единиц: результативным является метод-подход, основанный на последовательном понимании языка как системы, построенной на тесном взаимодействии всех элементов и уровней, и как объекта, устроенного на базе дихотомии тождеств/различий, пронизывающей все его уровни.

Альниязов Айтмурат Исмаилович – кандидат филологических наук, директор Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. e-mail: alniyazov@list.ru

Все языковеды, так или иначе, исследуют языковые явления в аспекте проблемы тождеств и различий. Эта методология чаще всего диктуется интуитивно, естественным способом познания, обязательно связанным с установлением тождественных и разных сторон в познаваемых объектах. И первостепенной задачей является вопрос о сознательном и целенаправленном использовании данной методологии при исследовании языковых явлений [Холодов 1991: 93–96].

Проблема тождеств и различий в языке не является новой. Истоки ее восходят к древним лингвофилософским и собственно лингвистическим представлениям, которые были связаны с обнаружением в самых разнообразных речевых проявлениях тех или иных общих и специфических особенностей. Эту проблему эксплицировал (видимо, впервые) древнеримский ученый М.-Т. Варрон, утверждавший, что сходство и несходство – это закон, «управляющий речью» [Варрон 1936: 98]. Широта принципа организации синтаксической системы на основе противопоставления тождеств и различий обуславливает, на наш взгляд, результативные попытки интерпретировать на языковом материале и идею великого мыслителя средневековья Абу Али Ибн Сины о том, что утверждение и отрицание тоже есть не что иное, как форма представления отношений тождества и различия. Ибн Сина писал: «...разум отвлекает от ... единичных (вещей) простые универсалии... рассматривая то, что для них является общим (т.е. тождественным – А.А.) и то, что отличает их друг от друга. Благодаря этому в душе возникают основные понятия... душа устанавливает между этими простыми универсалиями отношения отрицания и утверждения» [Ибн-Сина 1980: 470]. Данные такого же рода содержатся в работах В. фон Гумбольдта: «...слово... превращается в объект всегда с примесью собственного значения и таким образом привносит новое своеобразие. Но в этом своеобразии так же, как и в речевых звуках, в пределах одного языка наблюдается всепроникающая тождественность»; «И как раз в соединении простейших понятий (т.е. тождеств и различий – А.А.), пронизывающих весь язык до основания, и проявляется вся глубина гения языка» [Гумбольдт 1956: 81–85]. Данная проблема наиболее ярко и определенно выражена и в знаменитой декларации Ф. де Соссюра: «Весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь оборотной стороной первых» [Соссюр 1977: 141].

Такое единство в понимании конкретного устройства и общих особенностей языка (языков) учеными-мыслителями разных народов, веков и поколений трудно признать случайным и трудно не воспользоваться этим при лингвистических исследованиях, в том числе и в тюркологии.

Наш интерес к проблеме тождеств и различий был стимулирован осмыслением соединительных и несоединительных отношений сочинения как противопоставления отношений тождества (сходства) отношениям различия. Система сочинения детерминирована структурой и результатами начальных этапов деятельности познания-мышления, в их принятом логико-психологическом и философском истолковании. Ср.: «На начальных этапах ознакомления с окружающим миром различные объекты познаются путем сравнения... В ходе этого синтетического акта происходит анализ сравниваемых явлений, предметов, событий и т.д. – выделение в них общего и различного» [Общая психология 1976: 325–326]. Отсюда систему сочинения можно истолковать как языковой механизм отражения ре-

зультатов познания тождественных (общих) и нетождественных (специфических) сторон в познаваемых объектах и как средство материализации, объективирования и закрепления в языковых единицах результатов познания соответствующих отношений, существующих между этими сторонами.

В истории науки о тюркских языках проблема содержания сочинительных отношений и сочинительных союзов всегда была на периферии исследовательских интересов. Такое же положение, как нам кажется, сохраняется и сегодня. И как следствие этого, в тюркологии по данному вопросу существуют не сводимые друг к другу точки зрения. Так, одни ученые в семантике соединения так или иначе видели значение сходства, равенства, тождественности, а другие вопрос о семантике соединительных союзов решали неоднозначно и противоречиво. С одной стороны, ученые обнаруживали в соединительных сочетаниях сходство, согласие, равенство компонентов. С другой же стороны, они недостаточно внимания обращали на те отношения, которые складываются между сходными по значению компонентами.

Если бы соединительные союзы были бы семантически пустыми, нулевыми и их использование было бы семантически не мотивированным, то они должны были бы свободно употребляться в синтаксических построениях любого типа. Однако, какими бы «гибкими» эти союзы ни были, их использование ограничено. Например, невозможно употребить соединительные союзы в предложениях следующих типов:

каракалп. *Ийт өкпелер, ийеси билмес* – ‘Собака обижается, хозяину невдомек’.

узб. *Тогнинг кўрки тош билан, одам кўрки бош билан* – ‘Горы красны камнем, человек красен головой’.

казах. *Буның бірі де сулу келіншектің қуанышы емес, келіншектің өзі – қуаныштың жемісі* – ‘Ни одно из них не радость невесты, сама невеста – плод радости’.

Определенный интерес представляет изучение значений соединительных союзов при однородных членах. Например, в предложениях типа: *Бизиң үйге Асан менен Абат келди.* – ‘В наш дом пришли Асан и Абат’ союз *менен* обозначает сходство (тождество) однородных членов в том плане, что 1) оба они отнесены к одному и тому же подчиняющему члену (*келди*); 2) оба они занимают одну и ту же синтаксическую позицию; 3) оба они утверждаются; 4) оба они нейтральны по своему аксиологическому (оценочному) значению.

В сложносочиненных предложениях семантическое сходство компонентов обнаруживается с разной степенью отчетливости. В предложениях типа *Бегис түргелип, кийиниўге қолайласты, Мыржық та турды* (Т. Қайыпбергенов. Бахытсызлар) – ‘Бегис поднялся с места и стал одеваться, и Мыржық встал’ определение семантических сходств компонентов не составляет труда. Сходство же компонентов предложений типа *Оның шашлары тикирейип, денесин муздай қалтыратпа басты* – ‘Его волосы становились дыбом, и холод пробежал по телу’ несколько скрыто от непосредственного наблюдения. На первый взгляд, события, обозначенные частями, будто бы разные. Но, как видно из примера, и то, и другое является следствием, отражением эмоции страха. В этом и заключается их сходство.

Еще пример: *Қуптан ўағында қалың тоғай серпилди де, жазық далаңлық басланды* (К. Мамбетов. Посқан ел) – ‘После захода солнца кончались густые за-

росли и начиналась широкая степь. Здесь вполне правомерен вопрос: что сходного в лексической семантике слов *серпилди* ‘кончались’ и *басланды* ‘начиналась’? На каком основании возможно здесь употребление союза *де* ‘и’ и какое сходство семантики компонентов обозначается союзом?

Дело в том, что «весьма важным организующим фактором однородности является сходство вещественных значений самих однородных членов. Так, слова ‘синий’ и ‘красный’ могут быть однородными членами потому, что их вещественные значения находят точку соприкосновения в понятии ‘цвет’. Слова ‘деревня’ и ‘родные’ могут быть однородными потому, что их можно подвести под некую “географическую” рубрику: ‘*поеду в деревню и к родным*’ и т.д.» [Пешковский 1956: 442–443]. Следовательно, переводя понятие однородности в семантический план, можно сказать, что два члена являются однородными, если они, обнаруживая определенное грамматическое и вещественное сходство, одинаково относятся к некой общей для них семантике. Значит, в вышеуказанном примере семантика компонентов подается как в каком-то отношении одинаковая, сходная по отношению к единому для них компонента *куптан ұағында* ‘после захода солнца’.

В других случаях тождественная семантика, обозначаемая союзом, выражается целым придаточным предложением. Например: *Анасы менен қызы жазылысып ала қойсын дегендей, Төребай көп иркилмей отынға кетти, ал Багдагул суў қабағын арқалап суўға кетти* (Т. Қайыпбергенов. Қарақалпақ қызы) – ‘Чтобы мать с дочерью пошептались вдоволь, Төребай скоро отправился за дровами, а Багдагуль пошла за водой’.

Чаще всего бывает наоборот, когда тождественная семантика компонентов выражается не придаточным, а главным предложением (многокомпонентные предложения с однородным соподчинением придаточных): *Дәстүр бойынша, тамақ желинип болған соң, я үйден узатып баратырғанда, қонақтан жол болсын соралады* (Т. Қайыпбергенов. Түсиниксизлер) – ‘По обычаю, у гостя спрашивают о причине приезда после того, когда закончится трапеза, или когда его провожают из дома’. *Сөз желиси бирден алып кетти ме, я болмаса өзিনিң алдында отырған аға султанды умытты ма, ол жағы белгисиз* (К. Мамбетов. Посқан ел) – ‘Неизвестно, то ли разговор резко усилился, или забыл сидящего перед собой старшего султана’.

В предложении *Аманлық анаўсының найзасы менен әлле қашан ойнап турған еди, ол да Маманның ислегенин иследи* – ‘Аманлық уже держал в руке копье другого (нукера), и он повторил действия Мамана’ местоимение *ол* ‘он’ может быть понято как *Аманлық* или как другое лицо. Введение союза *да* ‘и’ устанавливает отношения тождества между *Аманлық* и *ол*, и указанная двузначность снимается. В некоторых случаях соединительные союзы выполняют дифференцирующую функцию. Например: *Әжағасы жазады, қарындасы да шығбайлайды* – ‘Брат пишет, и сестренка тоже выводит каракули’. *Оның баласы программист, ал қызы студент* – ‘Его сын – программист, а дочь – студентка’. Здесь союз *да* склоняет понимать сказуемые синонимичными по значению, а союз *ал* – разными.

Эти приемы свидетельствуют о том, что союзы семантически заряжены и что их заряд есть значение сходства.

Выше речь шла о союзах. Но как обстоит дело с выяснением статичного (постоянного) значения частиц, выражающих значение соединения? Этот вопрос до

сих пор не был предметом специального рассмотрения. Известно, однако, что частицы используются в контекстах со значением согласия, подтверждения, причины и следствия, результата, присоединения. Анализ текстов приводит к заключению, что статичным значением соединительных частиц тоже является значение сходства.

Например, наиболее отчетливо значение частицы *да 'u'* обнаруживается в тех случаях, когда она устанавливает отношения сходства между эксплицитной и имплицитной информацией. Например: *Мәжлиске ата-аналар да келди – 'На собрание пришли и родители'*. При помощи частицы *да 'u'* здесь устанавливается сходство семантики предложения с семантикой, представленной за текстом: *'На собрание пришли еще кто-то'*. Полный смысл высказывания *'На собрание пришли люди (учителя, ученики и т.д.), пришли и родители'*. Устранение *да 'u'* влечет за собой исчезновение подтекстного значения и отношений сходства: *Мәжлиске ата-аналар келди – 'На собрание пришли родители'*. Раз изъятие частицы *да 'u'* влечет за собой исчезновение семантики сходства, эта семантика принадлежит не контексту, а частице.

Сказанное выше, однако, не означает, что сочиненные компоненты не располагают отношениями различия. Как писал Ф. де Соссюр, различия – это оборотная сторона тождества [Соссюр 1977: 141]. Акцентирование нетождественных сторон внутренней семантико-грамматической организации компонентов имеет место при наличии сопоставительно-противительных отношений между компонентами. В плане различий однородные компоненты могут быть противопоставлены по утверждению-отрицанию, лексико-семантическим соотношениям антонимического типа, противопоставлением аксиологической семантики компонентов в плане «хорошо – плохо».

Таким образом, проблема тождеств и различий может стать надежной базой для исследования системы сложного предложения в тюркских языках.

Литература

- Варрон 1936 – *Марк Теренций Варрон*. О латинском языке // В кн.: Античные теории языка и стиля. – М.–Л., ОГИЗ, 1936. – С. 98. {*Marcus Terentius Varro. De linguæ latinæ...* // In the book: The theories on language and style of the Antiquity. – Moscow–Leningrad, OGIЗ – 1936. – P. 98.}
- Гумбольдт 1956 – *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и о его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX вв. (Сост. В.А. Звегинцев). – М., Учпедгиз, 1956. – С. 81–85. {*Wilhelm von Humboldt. The Heterogeneity of Language and its Influence on the Intellectual Development of Mankind.* // *The Chrestomathy on History of Linguistics of the 19th and 20th Centuries.* (Edited by V.A. Zvegintsev). – Moscow, Uchpedgiz, 1956. – PP. 81–85.}
- Ибн-Сина 1980 – *Ибн-Сина*. Книга о душе. Избранные философские произведения. – М., Наука, 1980. – С. 470. {*Ibn Sina (Avicenna). Compendium on the Soul. Selected philosophical works.* – Moscow, Nauka, 1980. – P. 470.}
- Общая психология 1976 – *Общая психология* / Под ред. А.В. Петровского – М., Наука, 1976. – С. 325–326. {*General Psychology* / Edited by A.V. Petrovskiy – Moscow, Nauka, 1976. – PP. 325–326.}
- Пешковский 1956 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М., Учпедгиз, 1956. – С. 442–443. {*A.M. Peshkovskiy. The Russian Syntax in the Field of Science.* – Moscow, Uchpedgiz, 1956. – PP. 442–443.}
- Соссюр 1977 – *Ф. де Соссюр*. Труды по языкознанию (переводы с французского под ред. А.А. Холодовича). – М., Прогресс, 1977. – С. 141. {*Ferdinand de Saussure. Works on Linguistics* (translated from French and edited by A.A. Kholodovitch). – Moscow, Progress, 1977. – P. 141.}

- Холодов 1991 – *Холодов Н.Н.* Синтаксические инварианты ядерного (субинвариантного) бинома языка // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. – Тверь, 1991. – С. 93–96. {*N.N. Kholodov.* The Syntactic Invariants of the Nuclear (Subinvariantal) Language Binominal // Actual Problems of Philology in Higher and Middle School. – Tver, 1991. – PP. 93–96.}
- Холодов. За древними... 1991 – *Холодов Н.Н.* За древними тайнами русского слова «И» – тайны иных масштабов. – Иваново, 1991. – 120 С. {*N.N. Kholodov.* Following the Mysteries of the Russian Word “AND” – the Mysteries of Other Scales. – Ivanovo, 1991. – 120 pp.}

The coordinate compound (complex) sentence in the field of dichotomy of identities and differences based on the Karakalpak language data

Aytmurat I. Alniyazov

Nukus

Summary: The article is devoted to the interpretation of complex sentences of Turkic languages, including Karakalpak, from the point of view of the concept of identities and differences. The functions of conjunctions are analyzed here by reflecting the relations of identity and differences between the components of a compound sentence, as well as the structural-semantic types of compound sentences with such conjunctions.

Keywords: complex (coordinate compound) sentences, Turkic languages, the Karakalpak language, structural and semantic types of sentences, conjunctions, identity and difference relation

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ПО ФОНЕТИКЕ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ КАЙТАКСКОГО ДИАЛЕКТА КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА¹

А.В. Дыбо, З.К. Кочакаева

г. Москва

Резюме: В статье описываются некоторые наблюдения, сделанные в результате сбора полевого материала и последующего акустического анализа, над особенностями консонантизма янгикентского говора кайтакского диалекта кумыкского языка.

Ключевые слова: тюркские языки Кавказа, кумыкский язык, кайтакский диалект кумыкского языка, экспериментальная фонетика, программа Praat, консонантизм.

Кайтакский диалект кумыкского языка распространен в Каякентском районе респ. Дагестан, в селениях Алходжакент, Усеми-кент, Каякент, Башлыкент, Утамыш, Гаша, Джаванкент, Капкаякент, Дружба, Каранайаул, Викри, Герга, а также в трех селах Кайтакского района: Янгикент, Туменлер, Маджалис, и в селении Уллубийаул Карабудахкентского района.

Кайтакский диалект по своим фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям наиболее отдален от кумыкского литературного языка и в связи с этим представляет для исследователей большой лингвистический интерес.

Несмотря на то что в последнее время частично были описаны говоры кайтакского диалекта, по нему не предпринимались инструментально-фонетические исследования.

Кумыкскими диалектами в разные годы занимались исследователи [Дмитриев 1940; Керимов 1953; Хангишиев, Ольмесов 1987, 1997; Гаджихмедов 1985; Гаджихмедов 2005; Гаджиева 2006; Абдуллаева 2006; Кочакаева 2009] и др.

Т.И. Гаджихмедов в своей кандидатской диссертации «Янгикентский говор кайтакского диалекта кумыкского языка» и нескольких публикациях [Гаджихмедов 2000, 2001, 2003, 2005] выделил в системе консонантизма исследуемого говора смычногортанные согласные, не характерные для литературного кумыкского языка: /kʲ, tʲ, t͡ʃ, pʲ, kʲʲ/ (наличие таковых в кайтакском диалекте отмечено

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-18-00501, проект «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России».

Дыбо Анна Владимировна – чл.-корр. РАН, зав. Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН. e-mail: adybo@mail.ru

Кочакаева Зарема Калабзаровна – к.ф.н., научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН. e-mail: z.tarkovskaya@gmail.com

еще Н.К. Дмитриевым, см. [Дмитриев 1940: 32]), а в системе вокализма он указывает, что в янгикентском говоре кайтакского диалекта четкой корреляции гласных по ряду нет, и вся система предстает в следующем виде: /а, о, оь, у, уь, и, э, аь/. Вопрос о сингармонизме в кайтакском диалекте рассмотрен также уже в [Дмитриев 1940: 32–33], где выдвинуто предположение, что в диалекте рядный сингармонизм «вывернут наизнанку», диссимилятивен, то есть переднерядные основы выбирают заднерядные варианты аффиксов и, наоборот, заднерядные основы выбирают переднерядные варианты аффиксов, примеры: *гет-махь* ‘уходить’, *уйь-да* ‘в доме’, но *ат-ни* ‘коня’, *бар-ингиз* ‘вы все’. Здесь сразу обращает на себя внимание то, что в качестве примеров на задний вокализм после переднего приведены аффиксы с широкими гласными (ср. *сам-кьан* ‘он продал’), а на передний вокализм после заднего – с узкими гласными. Это говорит скорее не о распределении гармонических типов по морфемам, как предполагал сам Н.К. Дмитриев, а о смещении в фонетико-фонологической системе при сохранении морфонологического сингармонизма (например, о позиционном распределении звуков *и* и *ы* непервого слога: *ы* только после увулярных согласных; мы рассчитываем решить этот вопрос после полного анализа собранного материала).

Также Т.И. Гаджихмедов отмечает, что из гласных звуков особого внимания заслуживает ларингальный [аь]. Ларингальность является дифференциальным признаком этой фонемы. Она встречается только в говорах кайтакского диалекта. Фонемный статус данного звука подтверждают следующие примеры: *тала* ‘куча’ – *таьла* ‘огрابتь’, *айир* ‘отделять’ – *аьйир* ‘охота’, *аз* ‘худеть’ – *аьз* ‘мало’, *кьайда* ‘где’ – *кьаьйда* ‘способ’, *ай* ‘луна’ – *аьй* ‘междометие’.

Но так как собранные авторами полевые материалы не сопровождаются аудиофайлами, у исследователей не было возможности услышать живую речь. Соответственно, сделать точные выводы, согласиться или нет с теми выводами, которых приводят авторы.

Материалы и методы. Экспериментальный анализ мы проводим с помощью программы Praat, т. е. полученные нами данные основаны на изучении акустики речи, а наши выводы по физиологии речи, артикуляции, являются своего рода реконструкцией.

Обследуемые говоры. Обследуются янгикентский и башлыкентский говор кайтакского диалекта кумыкского языка. Носитель янгикентского говора – Абдулжалилова Зазай Гамидовна, 1957 г. р.; башлыкентского – Ильбаева Багу Абдулганиевна, 1958 г. р.

Как известно, в кумыкском литературном языке имеются две заднеязычных фонемы, глухая и звонкая, которые представлены каждая двумя аллофонами, фонетически распределенными в зависимости от рядных характеристик окружающих гласных. Современные работы предпочитают трактовать эти аллофоны как разные фонемы в связи с тем, что фонетически они сильно друг от друга отличаются, а также поскольку в ряде случаев в язык вошли диалектные слова с узадненным вокализмом. Ср.: «Согласные [к], [г] позиционно, как правило, перемещаются около переднерядных гласных: *кирит* ‘замок’, *гелин* ‘невеста’, *гиев* ‘жених’, *гел* ‘приходи’. Согласные [к], [г] около заднерядных встречаются реже: *гоган* ‘терн’ (обшетьюрк. *gö:ken [ЭСТЯ 1980: 65] – З.К.), *кама* ‘сливочное масло’» [Ольмесов 2000: 26]. «Фонемы», характерные для заднерядного окружения, описывают как заднеязычные, а характерные для переднерядного окружения – как среднеязычные.

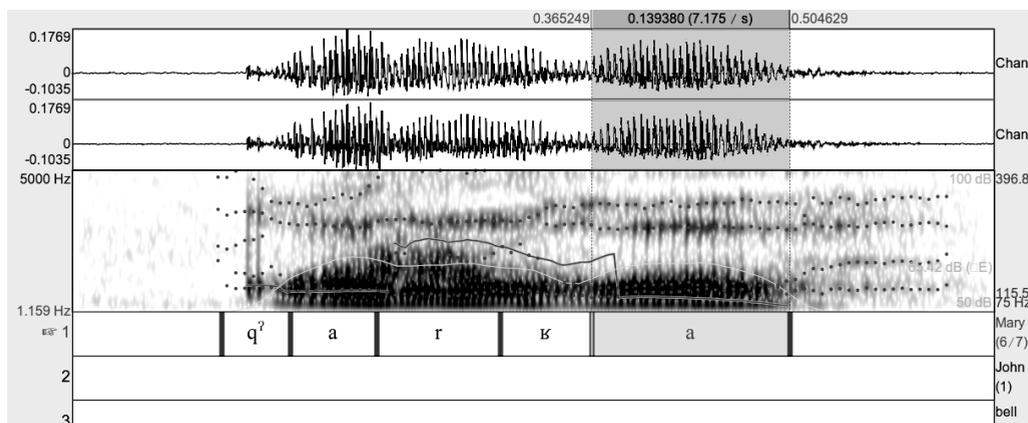
Материал двух говоров кайтакского диалекта показывает следующее.

Анализ данных. Ниже дается анализ соответствий литературным «среднеязычным» фонемам /k/, /g/ и «заднеязычным» /q/, /g/ в янгикентском и башлыкентском говорах кайтакского диалекта кумыкского языка с помощью программы Praat. Транскрипция дается в системе МФА. Полевые записи были осуществлены автором статьи в 2018–2019 гг., фонетические словарики (по опросу 110-словников с фразовыми контекстами по М. Сводешу) выложены на сайте программы Лингводок (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/999/303/perspective/999/310/view?page=3>; <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/998/8/perspective/998/13/view?page=13>).

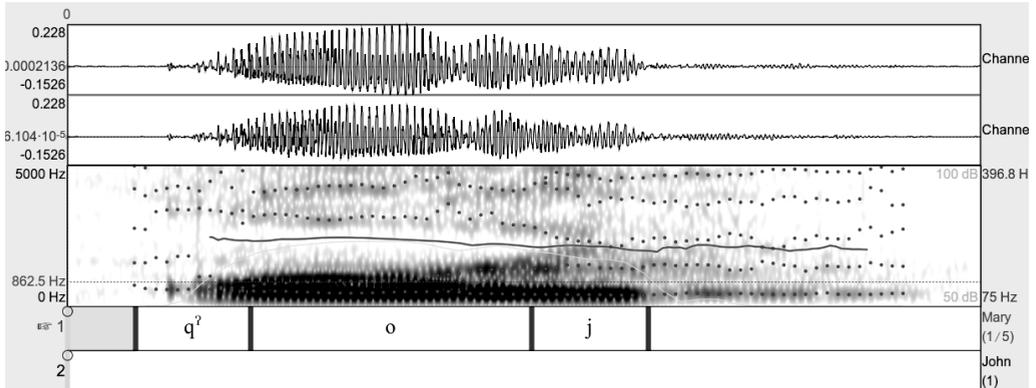
Янгикентский говор

Фонема /q/. Начальный /q/ в янгикентском говоре реализуется обычно как смычногортанный (на спектрограммах виден дополнительный взрыв):

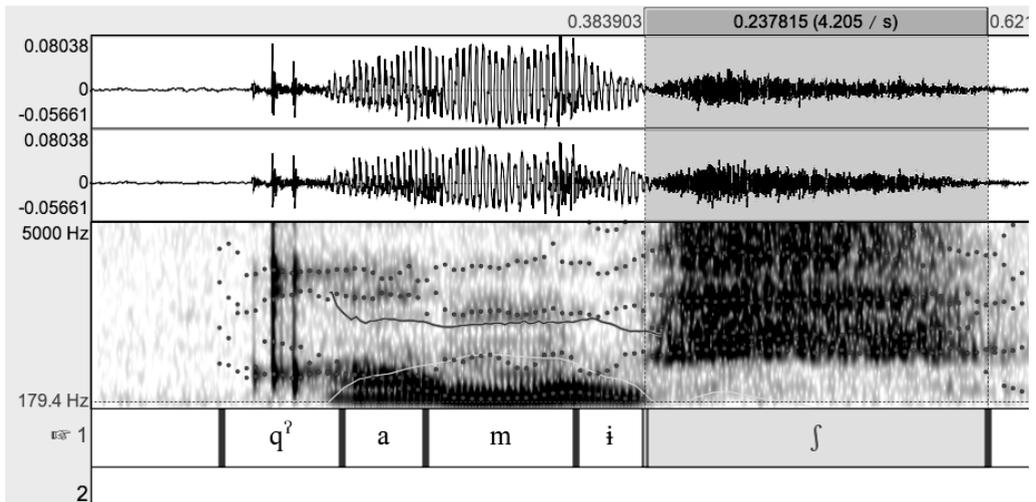
Къаргъа 'ворона' [qʰагва:]

Къой 'овца' [q^ʷo:j]

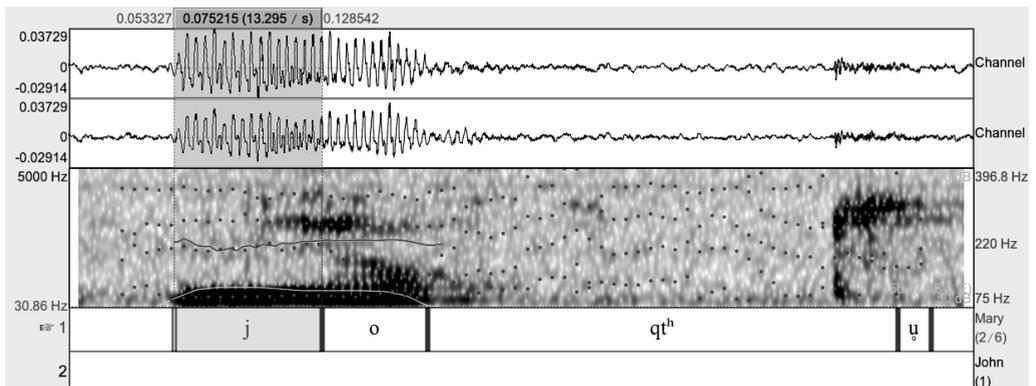

Къамыш 'камыш' [q^ʷamɨʃ]:

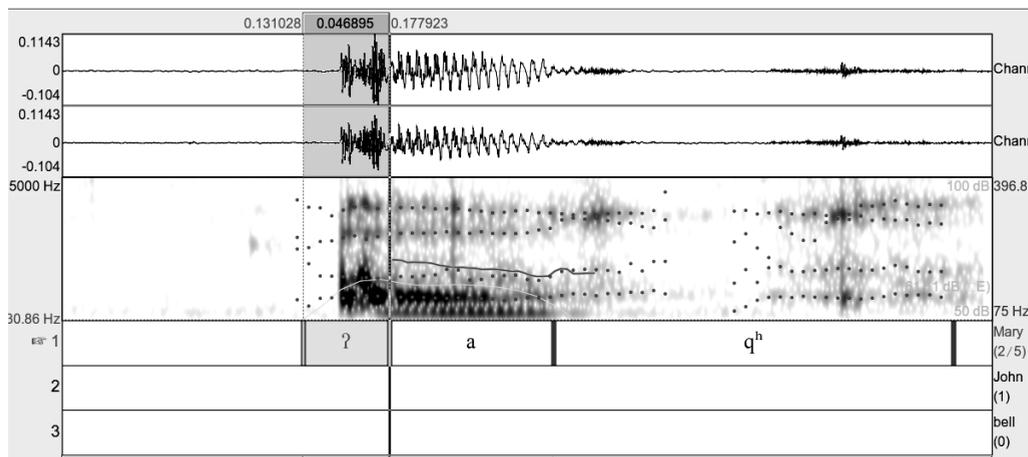
Внутри слова перед согласным дополнительная артикуляция гортанной смычки отсутствует:

Ёкъту 'нет' [joqt^hʉ].

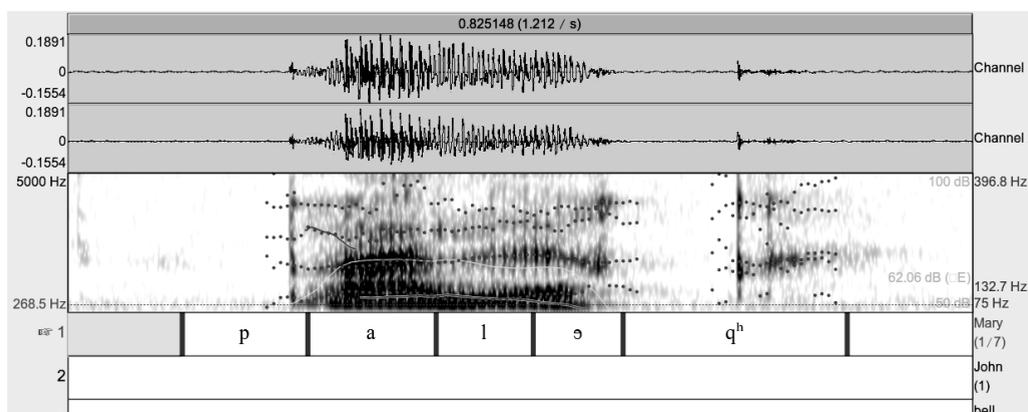

На конце слова увулярный глухой в янгикентском – это придыхательный согласный, практически увулярная аффриката (но не фрикативный, как следует из описания Н.К. Дмитриева):

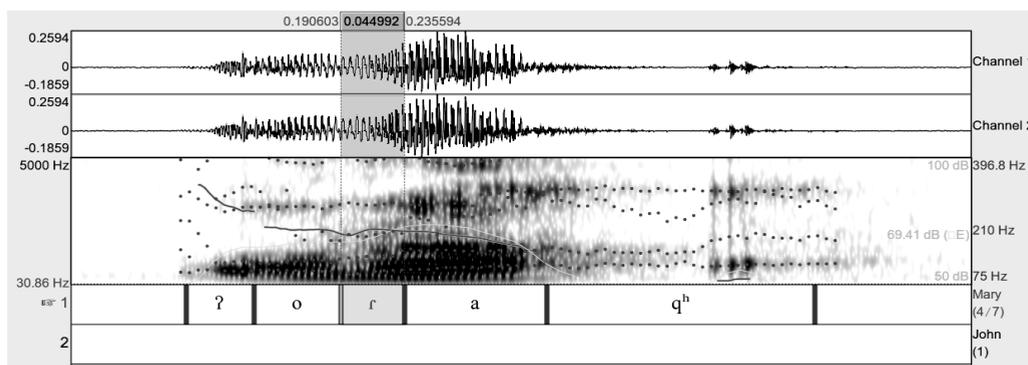
Акъ ‘белый’ [ʔaɣ^h]

Балыкъ ‘рыба’ [paɣ^h]

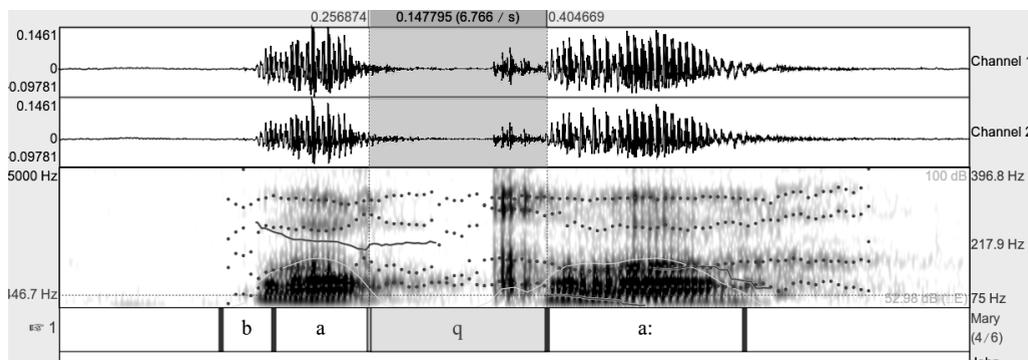

Оракъ ‘серп’ [ʔoɣaɣ^h]

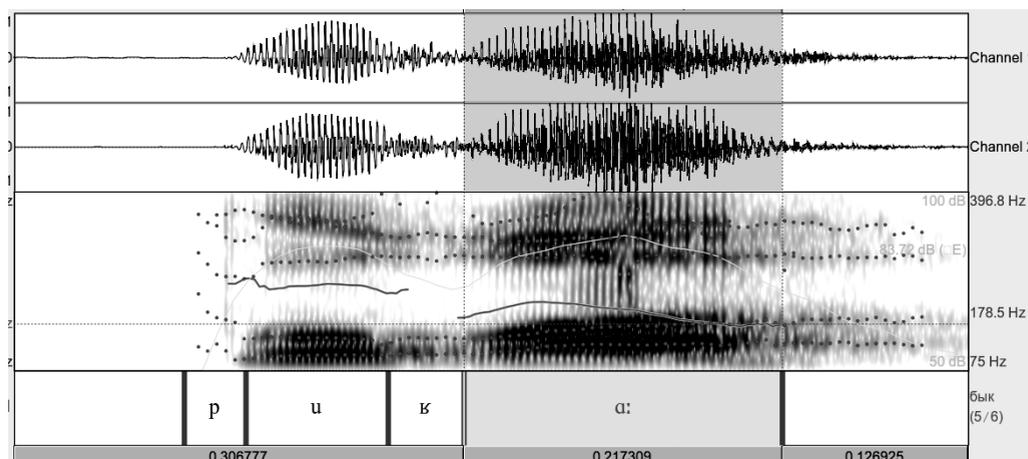
Значительно менее выражена придыхательность /q/ в интервокальной позиции:

Бакъа 'лягушка' [baqa:]

Фонема /g/ в начале и на конце слова не встречается; встречается в середине слова в интервокальной и постсонантной позициях. В обеих позициях реализуется как увулярный фрикативный:

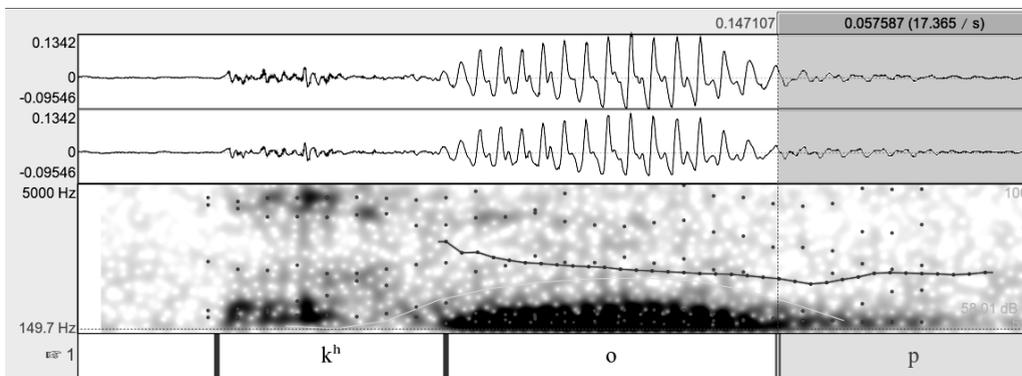
Бугъа 'бык' [piva:]

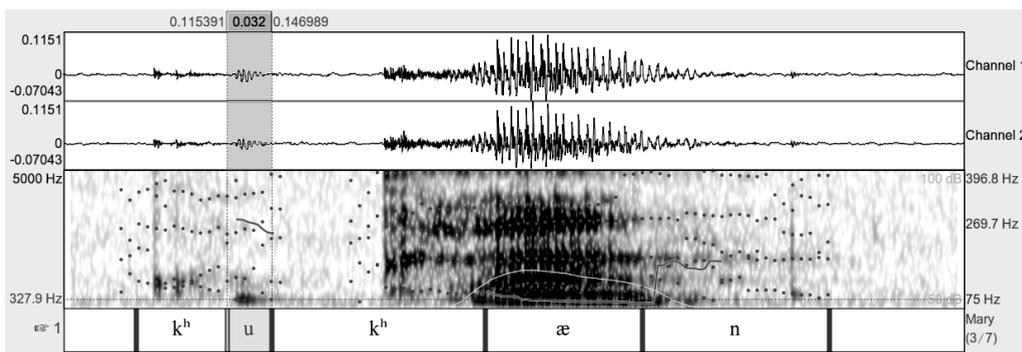
Къаргъа 'ворона' [qʰagva:] см. выше.

Фонема /k/ в начале слова представлена глухим придыхательным веларным (не среднеязычным):

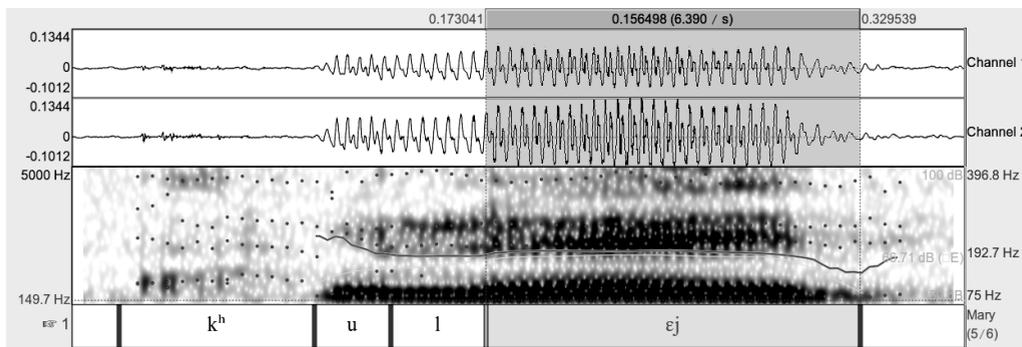
Кён 'много' [k^hoɾ]

Кокан 'чернослив' [k^huk^hæɲ]

Кюлей 'смеется' [k^huɫɛj]

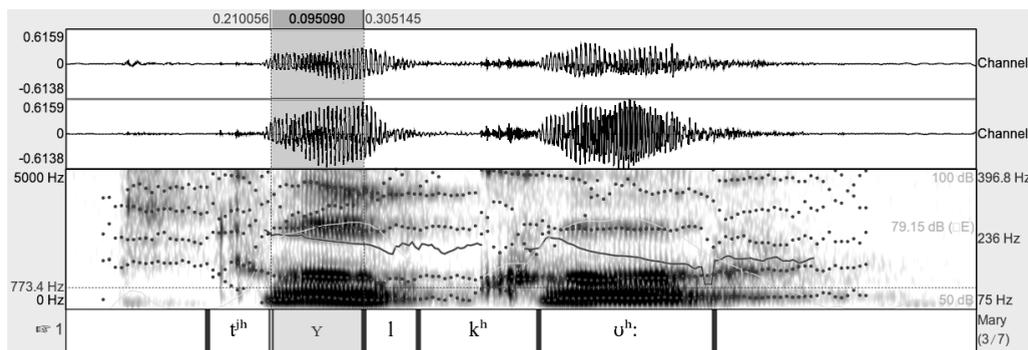
Отметим, что все встретившиеся случаи начального глухого веларного в исконных словах находятся перед рефlekсами переднерядных огубленных гласных, которые в этом говоре потеряли переднерядность; перед неогубленными передними *e* и *i* находим только звонкий начальный веларный, который звучит

как палатализованный, см. ниже. Возможно, что распределение начальной звонкости-глухости для велярных, не совпадающее в кумыкском с таковым для огузских языков (см. [СИГТЯ 2002: 000]), для кумыкских диалектов связано именно с подобными факторами.

В интервокальной позиции /k/ также выступает как взрывной глухой придыхательный велярный, см. выше *Кокан* ‘чернослив’ [k^huk^hæŋ].

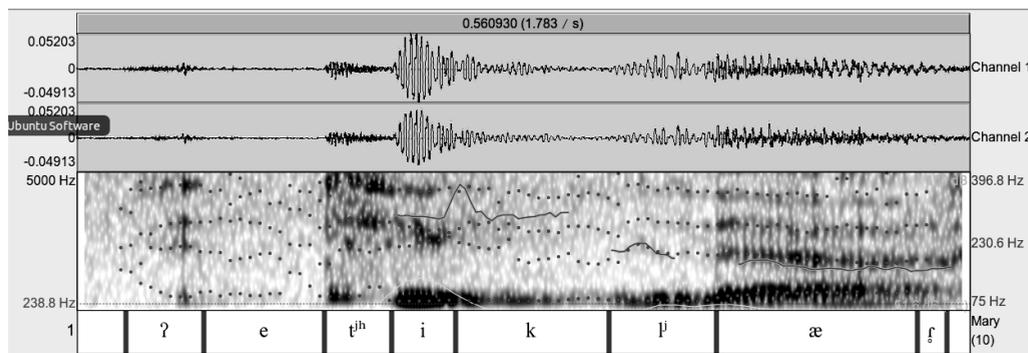
То же самое в постсонантной позиции:

Тюкю ‘лиса’ [t^hɥlk^hɔ^h:]

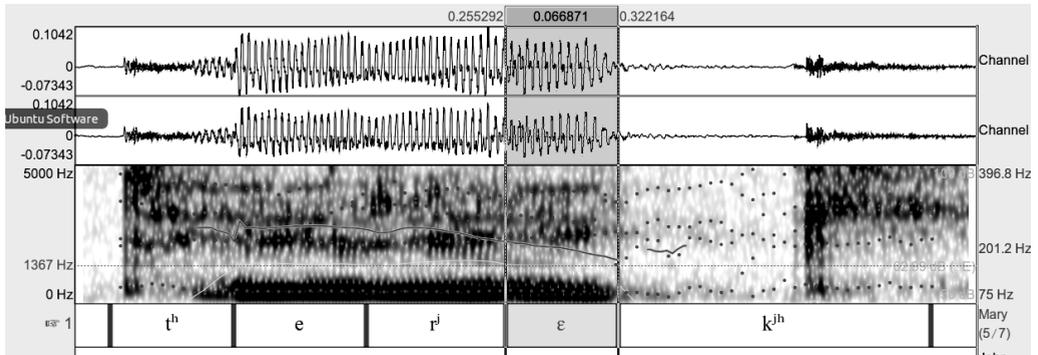
В пресонантной позиции придыхательность пропадает:

Этиклер ‘сапоги’ [ʔetiklæŋ]

На конце слова находим взрывной глухой придыхательный веллярный палатализованный:

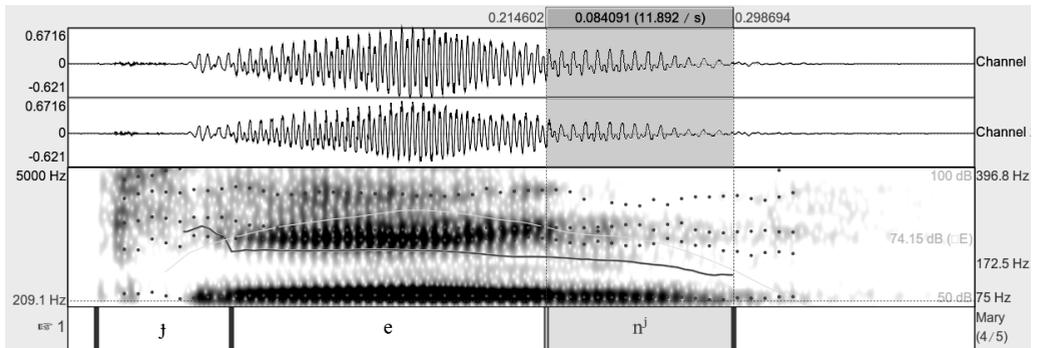
Терек 'дерево' [tʰerɪkʰ]

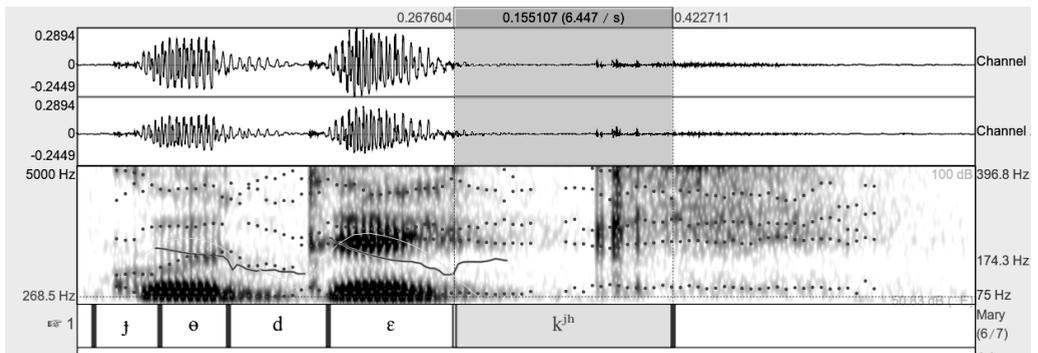
См. также ниже 'олень', 'буйволенок'.

Фонема /g/ представлена в начале слова звонким/непридыхательным взрывным средняязычным:

Ген 'широкий' [ɟenʲ]

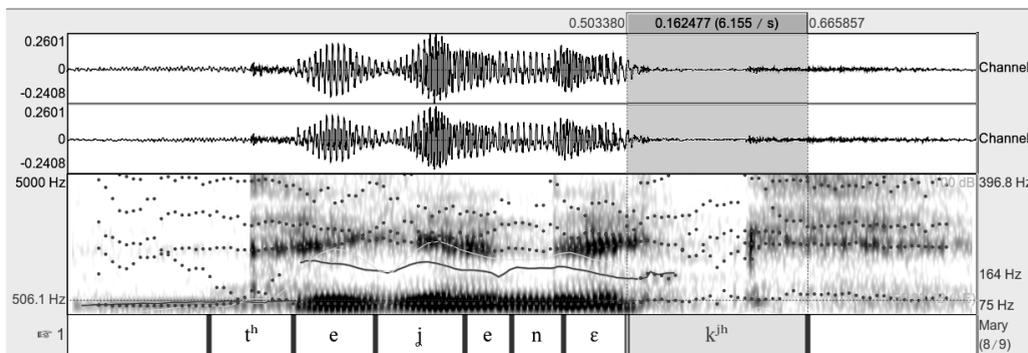

Гёдек 'буйволенок' [ɟøɛkʰ]

В интервокальной позиции это среднеязычный звонкий фрикативный:

Тегенек 'колючка' [tʰejɛnɛkʰ]

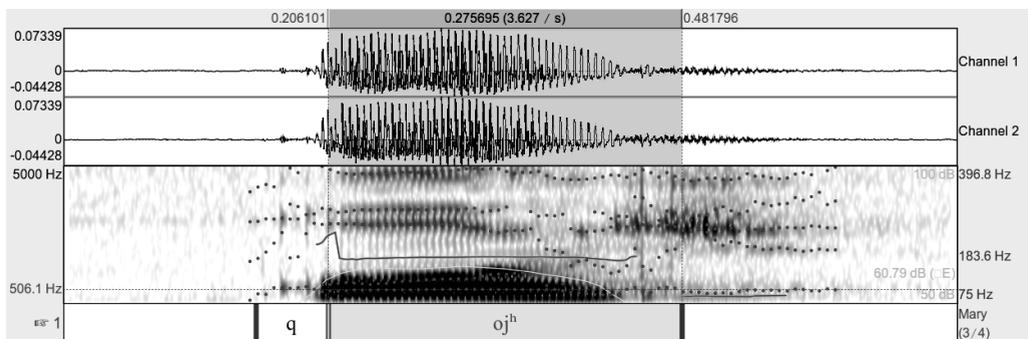
В других позициях фонема не встретилась в нашем материале.

Башлыкентский говор

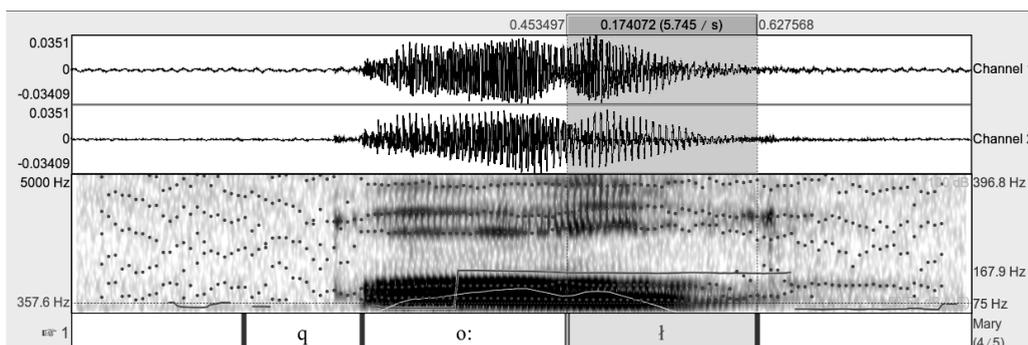
В башлыкентском говоре обнаруживаются следующие отличия.

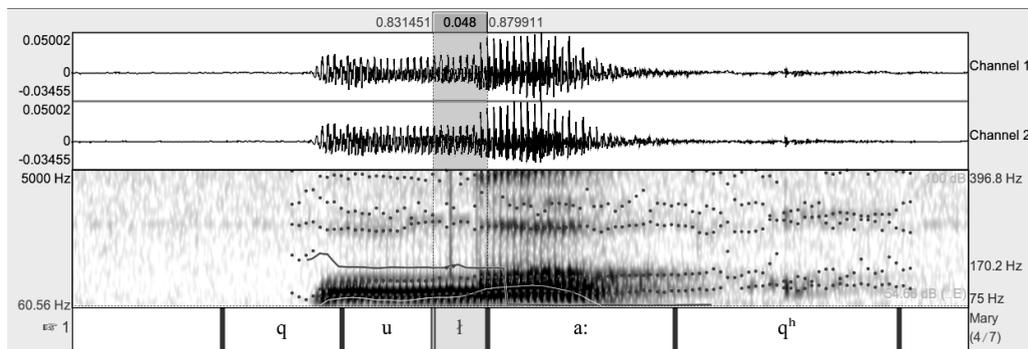
Фонема /q/. Начальный /q/ не обнаруживает смычногортанной артикуляции, это взрывной глухой непродыхательный увулярный:

Къой 'овца' [qo:jʰ]

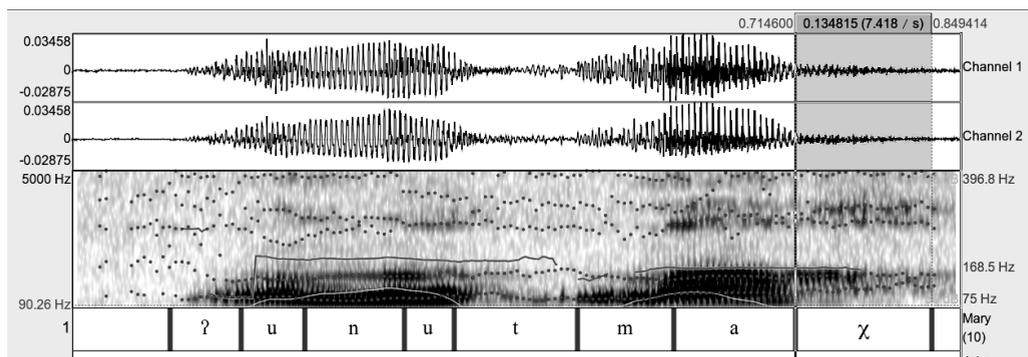
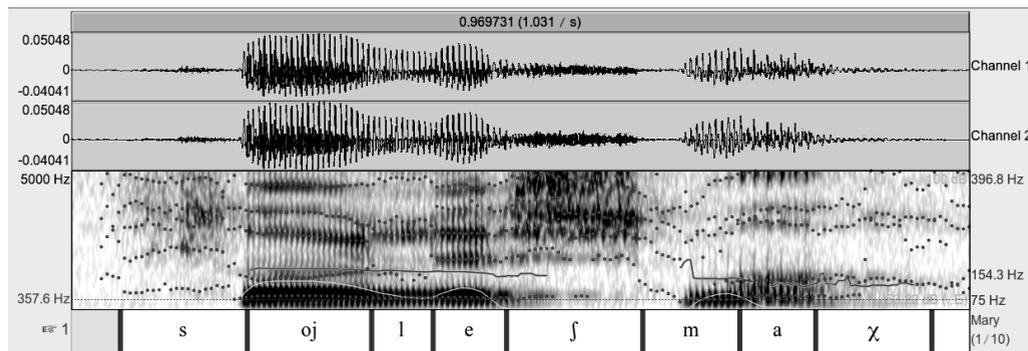

Къол 'рука' [qo:l]

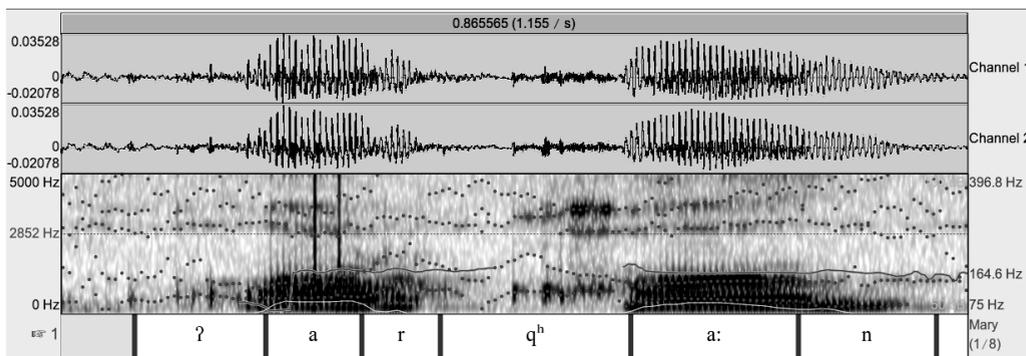
Къулакъ 'ухо' [qulaq^h]

Конечный увулярный, как и в янгикентском говоре, реализуется как взрывной придыхательный (ср. 'ухо'), за исключением аффикса инфинитива *-макъ*, который регулярно выступает с конечным увулярным фрикативным, в том числе при передних основах:

Унутмакъ 'забывать' [ʔunutmaχ]*Сейлешмек* 'договариваться' [sojleʃmaχ]

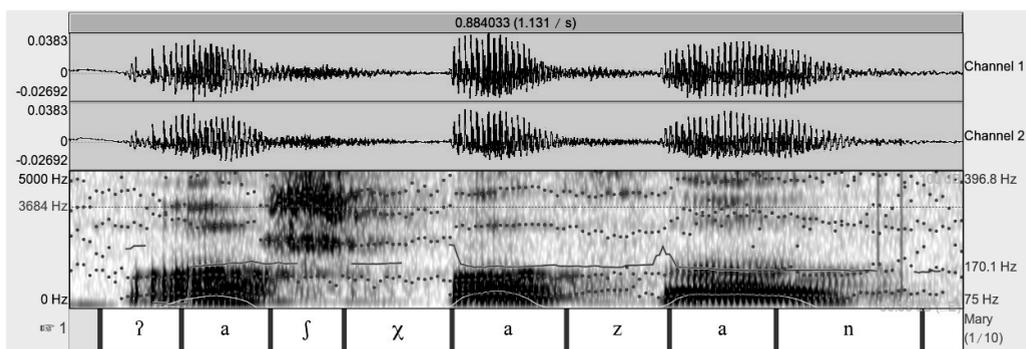
В интервокальной и постсонантной позиции /q/ также придыхательный:

Аркъан 'аркан' [ʔarq^ha:n]

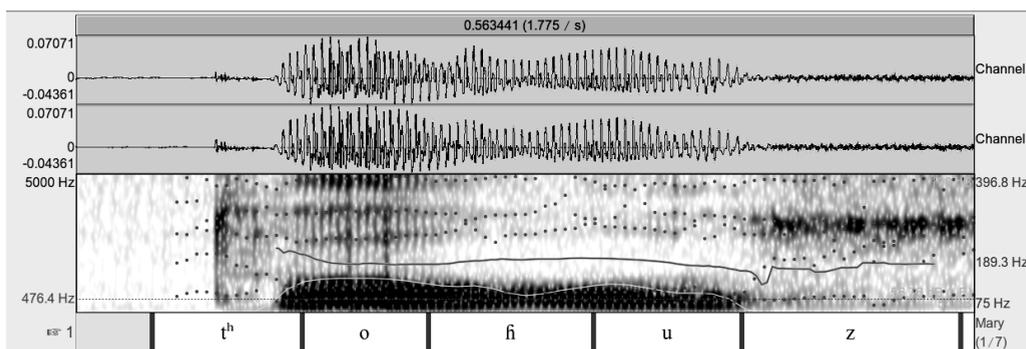
После фрикативного мы вновь сталкиваемся с фрикативной реализацией:

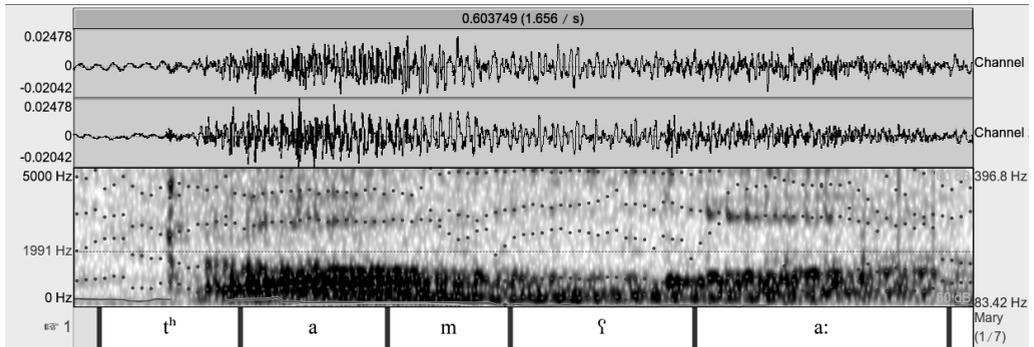
Ашкъазан 'желудок' [ʔaʃχazan]

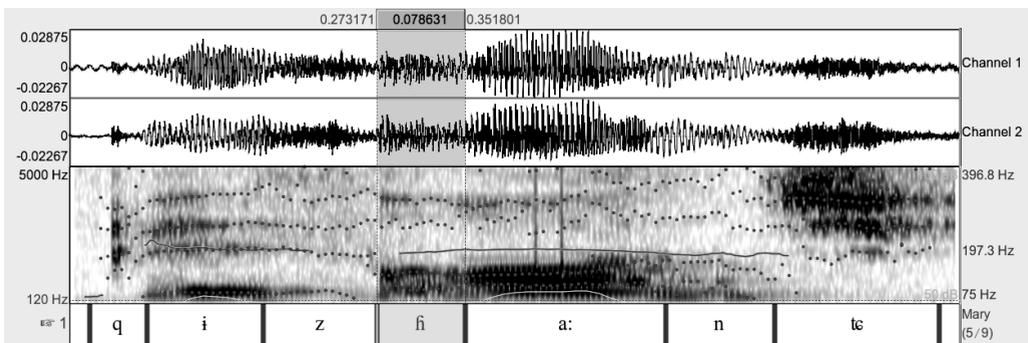
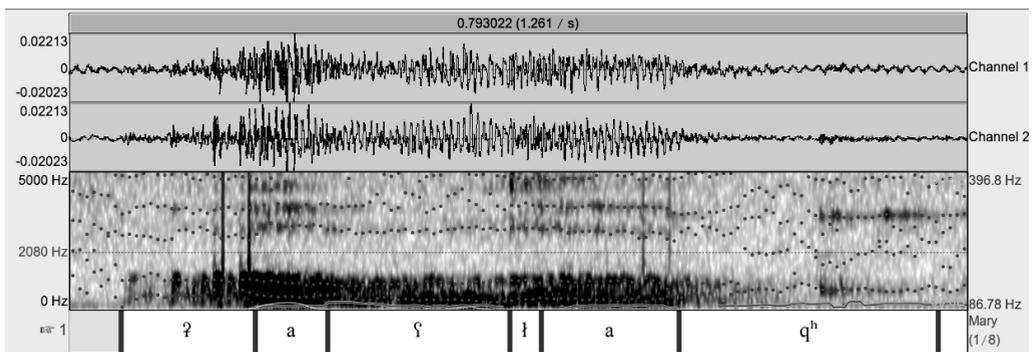
Фонема /g/ в начале и на конце слова не встречается, встречается в середине слова в интервокальной, пресонантной, постсонантной и после звонкого фрикативного позициях. Во всех позициях реализуется как ларингальный или фарингальный звонкий фрикативный:

Тогъуз 'девять' [t^hoɦuz]

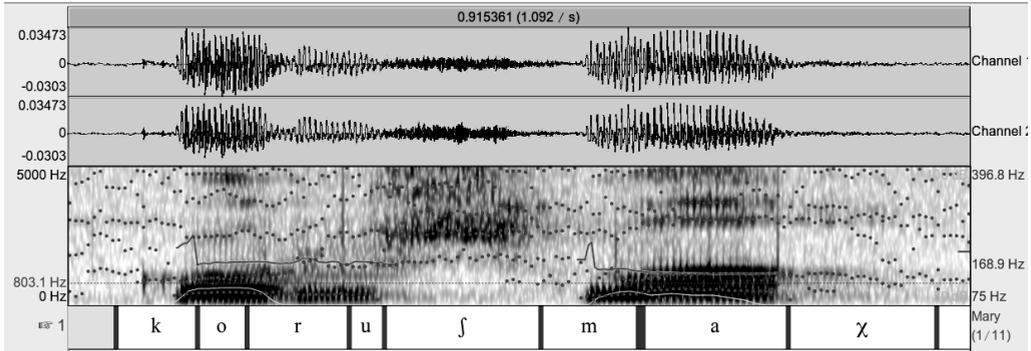
Тамгъа 'пятно' [t^hamʁa:]

Къызгъанч 'жадный' [qɪzʁa:ntɕ]

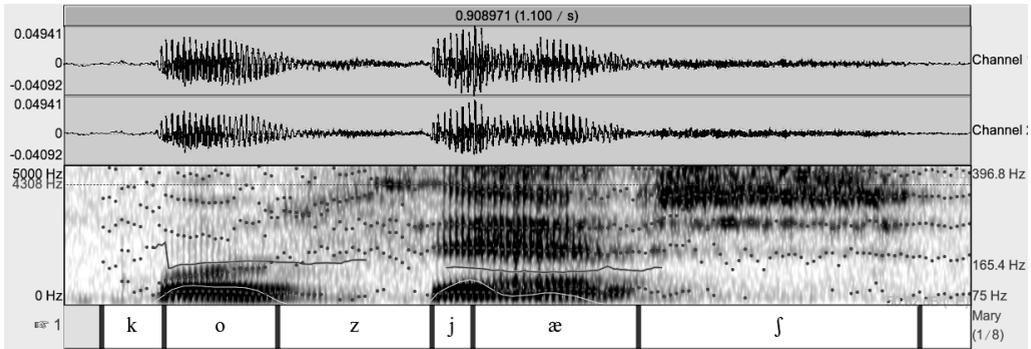
Агълакъ 'поле' [ʔaʁla:q^h]

Поведение фонем /k/ и /g/ в начале слова близко к янгикентскому, но заднеязычная реализация – непридыхательная, а реализация палатального (среднеязычного, перед *i* и *e*) оказывается глухой:

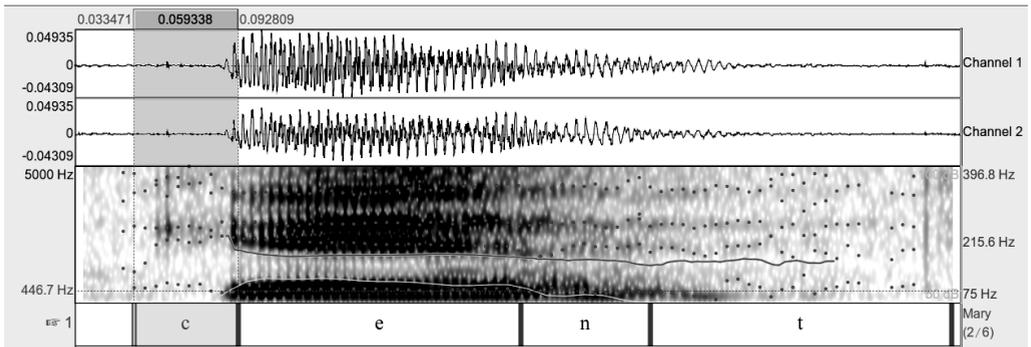
кёрюшмек 'встречаться' [koɟʃma:χ]

Гёзьяш 'слеза' [kozjæʃ]

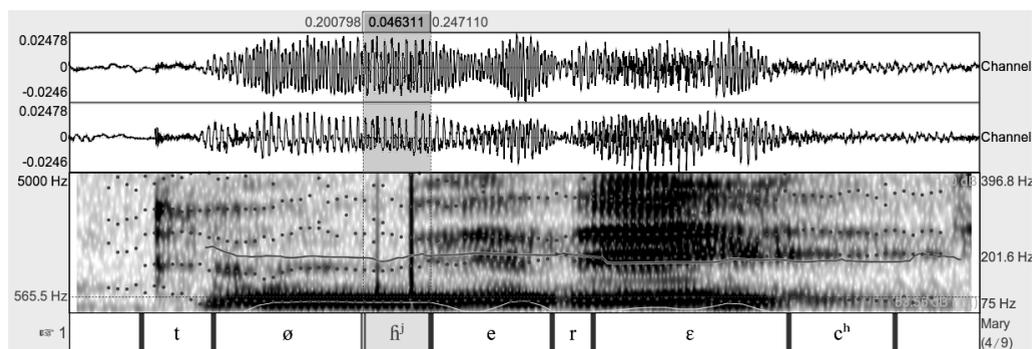
Гент 'село' [cent]

В конечной позиции выступает скорее придыхательная реализация палатального, чем палатализованный заднеязычный (см. ниже 'круглый').

В интервокальной позиции на месте /g/ выступает палатализованный звонкий ларингальный:

Дёгерек 'круглый' [tɕiɛɾɕʰ]

Заключение

Итак, между поведением заднеязычных согласных в двух близких говорах кайтакского диалекта кумыкского языка наблюдаются значительные различия, которые можно, используя морфонологическую запись, свести в следующую таблицу:

«Глухой»	Заднерядн. окружение ({q})		Переднерядное окружение ({k})	
	Янгикент	Башлыкент	Янгикент	Башлыкент
#_	qʔ-	q-	k ^h -, j-	k-, c-
_ _	-q-	-q ^h -, -χ-	-k ^h -, -k-	?
_ #	-q ^h	-q ^h -, -χ	-k ^h	-c ^h
«Звонкий»				
_ _	-к-	-fi- ~ -ʃ-	-j-	-fi-

Разнообразная реализация заднеязычных в разных позициях напоминает поведение заднеязычных в азербайджанских диалектах (см. [СИГТЯ 2002: 56–59]). И эти явления, и наблюдаемая обязательная гортанная смычка при неприкрытой гласной в начале слова заставляют думать о контактном влиянии восточнокавказских языков. Разумеется, для уверенных утверждений необходим больший объем материала от нескольких информантов, чтобы исключить идиолектные особенности.

Литература

- Абдуллаева 2006 – *Абдуллаева А.У.* Агроботаническая лексика алходжакентского говора кумыкского языка: автореферат дис. ... кандидата наук. – Махачкала, 2006. {*A.U. Abdullayeva. The Agribotanical Lexis of the Alkhodjakent Dialect of the Kumyk Language, Abstract of PhD Candidate Theses. – Makhachkala, 2006.*}
- Гаджихмедов 2005 – *Гаджихмедов Т.И.* Янгикентский говор кайтакского диалекта кумыкского языка: автореферат дис. ... кандидата наук. – Махачкала, 2005. {*T.I. Gadziakhmedov. The Yangikent Sub-Dialect of the Kaytak Dialect of the Kumyk Language, Abstract of PhD Candidate Theses. – Makhachkala, 2005.*}

- Гаджиева 2006 – *Гаджиева М.А.* Фонетические и морфологические особенности отемшского говора кумыкского языка: автореферат дис. ... кандидата наук. – Махачкала, 2006. {*M.A. Gadzhieva. Phonetical and Morphological Features of the Otemish Dialect of the Kumyk Language, Abstract of PhD Candidate Theses. – Makhachkala, 2006.*}
- Дмитриев 1940 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 203 с. {*N.K. Dmitriyev. Grammar of the Kumyk Language. – Moscow–Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940. – 203 pp.*}
- Дмитриев 1949 – *Дмитриев Н.К.* Материалы по истории кумыкского языка // В сб.: Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. II. – М.–Л., 1949. – С. 183–247. {*N.K. Dmitriyev. Data on History of the Kumyk Language // In Compendium: Languages of Northern Caucasus and Daghestan, Edition 2. – Moscow–Leningrad, 1949. – PP. 183–247.*}
- Керимов 1953 – *Керимов И.А.* Кайтакский диалект кумыкского языка: автореф. диссертации канд. филол. наук. – М., 1953. {*I.A. Kerimov. The Kaytak Dialect of the Kumyk Language: Abstract of PhD Candidate Theses. – Moscow, 1953.*}
- Керимов 1967 – *Керимов И.А.* Очерки кумыкской диалектологии. – Махачкала, 1967. {*I.A. Kerimov. Sketches on the Kumyk Dialectology. – Makhachkala, 1967.*}
- Клапрот 1814 – *Julius Heinrich Klapproth.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien (in den Jahren 1807 und 1808). – Bd. 1–2. – Halle–Berlin, 1814.
- Кочакаева 2009 – *Кочакаева З.К.* Лексико-семантические особенности уллубийаульского говора кумыкского языка: автореферат дис. ... кандидата наук. – Махачкала, 2009. {*Z.K. Kochakayeva. Lexicosemantical Features of the Ullubiyaul Sub-Dialect of the Kumyk Language: Abstract of PhD Candidate Theses. – Makhachkala, 2009.*}
- Макаров 1948 – *Макаров Т.Н.* Татарская грамматика кавказского наречия. – Тифлис, 1948. {*T.N. Makarov. The Tatar Grammar of the Caucasian Dialect. – Tiflis/Tbilisi, 1948.*}
- Ольмесов 1997 – *Ольмесов Н.Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфология. – Махачкала, 1997 {*N.Kh. Olmesov. Comparative and Historical Research on the Dialectal System of Kumyk. Phonetics. Morphology. – Makhachkala, 1997.*}
- Ольмесов 1987 – *Ольмесов Н.Х.* Фонетика кумыкского языка (система гласных). Учебное пособие. – Махачкала, 1987. {*N.Kh. Olmesov. The Kumyk Phonetics (System of Vowels). Tutorial Manual. – Makhachkala, 1987.*}
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002. {*The Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages. Regional Reconstructions. – Moscow: Nauka, 2002.*}
- С.К.Я. – Современный кумыкский язык. – Махачкала, 2014. – С. 7, 29, 31, 32 {*The Modern Kumyk Language. – Makhachkala, 2014. – PP. 7, 29, 31, 32.*}
- Шифнер 1871 – *Franz Anton (Anton Antonowitsch) Schiefner.* Qumiqische Gesprache. Nach einer vom Akademiker Schiefner mitgeteilten Handschrift abgeschrieben von C. Salemann. – Reval, 1871.
- ЭСТЯ 1980 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». – М.: Наука, 1980. {*E.V. Sevortyan. Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Intra-Turkic Stems Beginning on «V», «G», «D». – Moscow: Nauka, 1980.*}

Интернет-источники

- Altaic languages >> Turkic languages >> Kumyk >> Qaytaq dialectal group >> Jangikent dialect, Qaytaq dialect group, Qumyq language. speaker – Zazaj Ğ. Abdulžalilowa, née 1957. recorded in 2017 by Zarema K. Koçakajewa >> Lexical Entries
<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/998/8/perspective/998/13/edit>
- Altaic languages >> Turkic languages >> Kumyk >> Qaytaq dialectal group >> Jangikent dialect, Qaytaq dialect group, Qumyq language. speaker – Zazaj Ğ. Abdulžalilowa, née 1957. recorded in 2017 by Zarema K. Koçakajewa >> Paradigms
<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/998/8/perspective/998/14/edit>

Altaic languages >> Turkic languages >> Kumyk >> Qaytaq dialectal group >> Bašlykent dialect, Qaytaq dialect group, Qumyq language. speaker – Bagu A. Ijbajewa, née 1958. recorded in 2017 by Zarema K. Kočakajewa >> Lexical Entries

Altaic languages >> Turkic languages >> Kumyk >> Qaytaq dialectal group >> Bašlykent dialect, Qaytaq dialect group, Qumyq language. speaker – Bagu A. Ijbajewa, née 1958. recorded in 2017 by Zarema K. Kočakajewa >> Paradigmatic forms

<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/999/303/perspective/999/311/edit>

The experimental data on phonetics of the gutturals in the Kaytak dialect of the Kumyk language

Anna V. Dybo, Zarema K. Kochakayeva

Moscow

Summary: The article describes some observations made as a result of collecting field material and subsequent acoustic analysis on the features of the consonants in the Kaitak dialect of the Kumyk language.

Keywords: Turkic languages of the Caucasus, the Kumyk language, the Kaytak (Kaytag) dialect of the Kumyk language, experimental phonetics, PRAAT program, consonant system.

О MORFOЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЛОЖНЫХ ФИТОНИМОВ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

А.З. Отемисов

г. Нукус (Узбекистан)

Резюме: В статье рассматривается морфологическая структура сложных фитонимов каракалпакского языка. Значительная часть этих слов образована синтаксическим способом. В статье подробно анализируются структурные типы данной группы лексики, приводится обширный языковой материал. Исследование представляется важным как для каракалпакской лингвистики, так и для тюркологии вообще, так как подробное описание и классификация фитонимов предпринята для каракалпакского языка впервые. Статья обращает внимание на изначальные компоненты составных фитонимов и их частичечную характеристику. Одним из выводов является утверждение о значительной роли комбинации корней для образования составных названий представителей флоры.

Ключевые слова: растения, флора, каракалпакский язык, словообразование, фитоним, способы образования слов, сложные слова, имя существительное, имя прилагательное, глагол, имя числительное, имя, морфологическая структура.

Сложение слов, являясь самым древним и плодотворным способом образования слов, считается одним из основных факторов, обеспечивающих развитие и всестороннее обогащение всех языков. В общем языкознании существуют следующие способы словообразования: 1) морфологический, 2) синтаксический, 3) морфолого-синтаксический. В исследованиях по словообразованию в тюркских языках Э.В. Севортян, А.А. Юлдашев, Ф.А. Ганиев, Б.О. Орузбаева, Н. Оралбаева, Б. Касым, А. Салкынбай и др. отмечают, что рост и развитие словарного состава – эта черта, присущая всем живым языкам. Как известно, для выполнения коммуникативной функции языка, его словарный состав подвергается изменениям, которые происходят в различных сферах жизнедеятельности людей. Люди стремятся обозначить все бесчисленные изменения, которые происходят в жизни, от самых крупных до мельчайших; результатом этого процесса является непрерывный рост словарного состава языка. В частности, А.А. Юлдашев отмечал, что «новое слово обязательно должно быть связано и по значению, и по строению с системой данного языка. Оно возникает исключительно за счет стабилизированных средств языка (система словообразующих форм и готовые основы)». В любом языке сложные слова образуются с целью обозначения новых понятий.

Отемисов Азиз Зарлыкбаевич – ассистент-преподаватель, Каракалпакский государственный университет имени Бердаха. Нукус, Узбекистан; e-mail: utemisov.aziz@mail.ru

Сложные слова в тюркских языках являются одним из сложных и спорных вопросов. Поэтому в тюркологии изучению сложных слов, определению их природы, описанию особенностей, свободных и фразеологических словосочетаний посвящен целый ряд исследований [Адилова 1958, Р. Бердыев 1955, Ганиев 1982, Егоров 1971, Ермеков 1950, Жарекешов 1949, Мадалиев 1966, Маматова 1982, Муратов 1961, Хожиева 1963].

Словарный состав каракалпакского языка, как и других языков, регулярно изменяется и пополняется новыми словами и наименованиями. Способы образования сложных слов в каракалпакском языкознании до настоящего времени считаются одной из малоизученных проблем. В исследованиях, посвященных сложным словам, до 1970-х гг. отмечали, что сложные слова в основном образуются *синтаксическим* способом, в котором сложное слово появляется путем склеивания или сращивания самостоятельных слов разных частей речи в одну лексическую единицу [Баскаков 1952: 170; Кадарбаев 1961: 48].

Однако в последние годы появился ряд исследований, в частности, труды А. Бекбергенова, Б. Шаниязова, А. Кыдырбаева, в которых отдельно выделен *морфолого-синтаксический способ*, а в учебниках, изданных после 1980-х гг., помимо синтаксического способа указан и морфолого-синтаксический способ образования сложных слов. А. Бекбергенов в своих трудах употребляет термин *словосложение*, который прочно установился в каракалпакском языке. Согласно его классификации, способом словосложения образуются составные слова, повторные слова, слитные слова, парные слова, сложносокращенные слова и аббревиатуры [Бекбергенов 1999: 50–54].

В академической грамматике каракалпакского языка приводятся следующие основные структурные виды сложных слов: 1) составные слова; 2) парные слова; 3) повторные слова; 4) слова, образованные слиянием слов; 5) сокращенные слова. В последних изданных учебниках сложные слова рассматриваются в таком же структурном виде без изменения [Кудайбергенов 201: 252].

Фитонимы не были предметом специального исследования в каракалпакском языкознании. Исследовательской целью данной статьи является сбор и систематизация фитонимов с точки зрения словообразования и структуры.

Большую часть фитонимов каракалпакского языка составляют сложные слова. Они по большей части образуются в результате сочетания слов и словосложением. Путем историко-этимологического анализа можно выявить происхождение таких слов. Так, например, слово *атқулақ* состоит из двух слов *ат* 'конь' + *кулак* 'ухо', означает 'конское ухо' – 'подорожник'. Слово образовалось в результате названия сходных по внешности предметов на основе метафоры. Части некоторых сложных слов хотя слились, образовав слово с единым значением, однако употребляются без фонетических изменений, сохраняя свою изначальную форму, к примеру, *қумгүнжи* состоит из двух слов *қум* 'песок' + *гүнжи* 'кунжут' означает 'песчаный кунжут' – 'гелиотроп аргузиевый'; *ақбас* состоит из слов *ак* 'белый' + *бас* 'голова', букв. 'белая голова' – 'карелиния каспийская'; *қарабарақ* состоит из слов *қара* 'черный' + *барақ* 'лист' букв. 'черный лист' – 'солянокосник каспийский'; *пышыққуйрық* состоит из слов *пышық* 'кошка' + *қуйрық* 'хвост' букв. 'кошачий хвост' – 'многобородник'; *түйетабан* состоит из слов *түйе* 'верблюд' + *табан* 'пята', букв. 'верблюжья пята' – 'лопух' и т.д. Слож-

ные слова такого типа легко отличаются от словосочетаний, так как у них нет грамматической связи между компонентами. Подобные слова такого типа в современном каракалпакском языке пишутся то слитно, то раздельно. На наш взгляд, правильнее будет слитное написание, потому что эти слова воспринимаются и функционируют в языке уже в своих новых значениях, не всегда соотносимых с их отдельными компонентами. Например, разложить на компоненты и объяснить происхождение слова *сүтилмек* 'цинанхум сибирский' очень трудно.

Далее приведем классификацию фитонимов каракалпакского языка с точки зрения словообразования.

Конструкция типа «существительное + существительное»

В словообразовании фитонимов принимают участие в основном определительные словосочетания первого типа тюркского изафета. Сложные фитонимы, образованные по типу изафета I, составляют значительную часть фитонимов в каракалпакском языке. Анализ таких названий проводим в зависимости от семантики первого и второго компонентов. В названиях каждого фитонима приводятся сначала отдельные компоненты слова с переводом, затем его буквальное значение, затем ботанический термин.

Первый компонент фитонимов типа «существительное+ существительное» может состоять из слов со следующими значениями:

а) названия домашних животных и их частей:

түй 'верблюд' + *қарын* 'желудок' = *түйқарын*, букв. 'верблюжий желудок' – 'солянка чушиная';

сыйыр 'корова' + *қуйрық* 'хвост' = *сыйырқуйруқ*, букв. 'коровий хвост' – 'мелколепестник канадский';

теке 'козел' + *сақал* 'борода' = *текесақал*, букв. 'козлиная борода' – 'додарция восточная';

қозы 'ягненок' + *қулақ* 'уши' = *қозықулақ*, букв. 'уши ягненка' – 'зобник клубненосный';

айғыр 'конь, жеребец' + *жал* 'грива' = *айғыржал*, букв. 'конская грива' – 'ковыль';

түйе 'верблюд' + *сиңир* 'жила' = *түйесиңир*, букв. 'верблюжья жила' – 'ломонос восточный';

бота 'верблюжонок' + *көс* 'глаз' = *ботакөс*, букв. 'око верблюжонка' – 'незабудка полевая';

гиз 'вол' + *өлең* 'трава' = *гизөлең*, букв. 'воложья трава' – 'осока береговая';

қой 'овца' + *қат* 'нут, ягода' = *қойноқат*, букв. 'овечий нут' – 'нут бараний';

ийт 'собака' + *түйнек* 'завязь' = *ийттүйнек*, букв. 'собачья завязь' – 'дыня полевая';

пышық 'кошка' + *қуйрық* 'хвост' = *пышыққуйрық*, букв. 'кошачий хвост' – 'многобородник';

ешек 'осел' + *ем* 'корм' = *ешекем*, букв. 'ослиный корм' – 'оносма песчаная';

ешек 'осел' + *сор* 'марь' = *ешексора*, букв. 'ослиная марь' – 'цирица запрокинутая';

б) названия домашних и диких зверей:

қоян 'заяц' + ерин 'губы' = қоянерин, букв. 'заячы губы' – 'заячы губы';

қоян 'заяц' + тобық 'лодыжка' = қоянтобық, букв. 'заячыя лодыжка' – 'козелец';

қоян 'заяц' + арпа 'ячмень' = қоянарпа, букв. 'ячмень заячий' – 'ячмень заячий';

кийик 'сайгак' + шөп 'трава' = кийикишөп, букв. 'сайгачья трава' – 'франкения жестковолосатая';

доңыз 'кабан' + өлең 'трава' = доңызөлең, букв. 'кабанья трава' – 'клубнекамыш морской';

бұғы 'олень, бык' + ем 'корм, лекарство' = бұғыжем, букв. 'олений корм' – 'колокольчик олений';

тұлқи 'лиса' + құйрық 'хвост' = тұлқиқұйрық, букв. 'лисий хвост' – 'лисохвост луговой';

қулан 'кулан' + құйрық 'хвост' = қуланқұйрық, букв. 'хвост кулана' – 'эремоспартон безлистный';

шошқа 'свинья' + тикен 'колючка' = шошқатикен, букв. 'свинячья колючка' – 'якорцы стелющиеся';

в) названия птиц:

газ 'гусь' + пәнже 'лапа' = газпәнже, букв. 'гусиная лапа' – 'лапчатка низкая';

тырна 'журавль' + шөп 'трава' = тырнашөп, букв. 'журавлиная трава' – 'жабрица гладковатая';

гарга 'ворона' + тырнақ 'коготь' = гаргатырнақ, букв. 'вороньи когти' – 'крепкоплодник сирийский';

бөдене 'перепелка' + шөп 'трава' = бөденешөп, букв. 'перепелиная трава' – 'вероника';

торғай 'жаворонок' + от 'трава' = торғайоты, букв. 'трава жаворонка' – 'петросимония сибирская';

г) названия различных насекомых, рыб и пресмыкающихся:

бүрге 'блоха' + шөп 'трава' = бүргешөп, букв. 'блошиная трава' – 'блошница простертая';

қурбақа 'лягушка' + шөп 'трава' = қурбақашөп, букв. 'трава лягушки' – 'турнефорция согдийская';

жылан 'змея' + жий 'лох' = жыланжийде, букв. 'змеиный лох' – 'унаби';

сазан 'сазан' + төсек 'постель, ложа' = сазантөсек, букв. 'сазанья ложа' – 'шелковник волосистый';

балық 'рыба' + көз 'глаз' = балықкөз, букв. 'рыбий глаз' – 'климокоптера';

д) явления неживой природы и предметы быта:

жалын 'пламя' + гүл 'цветок' = жалынгүл, букв. 'пламенный цветок' – 'горицвет';

қум 'песок' + гүнжи 'кунжут' = қумгүнжи, букв. 'песчаный кунжут' – 'гелиотроп аргузиевый';

қум 'песок' + тары 'просо' = қумтары, букв. 'песчаное просо' – 'верблюдка леманна';

тас 'камень' + *түйнек* 'завязь' = *тастүйнек*, букв. 'каменная завязь' – 'дыня мелкоплодная';

таў 'гора' + *сағыз* 'смола' = *таўсағыз*, букв. 'горная жвачка' – 'козелец';

жер 'земля' + *тезек* 'катышек, клубок' = *жертезек*, букв. 'земляной катышек' – 'ежовник маловой';

пал 'мед' + *шөп* 'трава' = *палишөп*, букв. 'медовая трава' – 'крупноплодник большеплодный';

шай 'чай' + *от* 'трава' = *шайот*, букв. 'чайная трава' – 'лапчатка гусиная';

май 'масло' + *қараган* 'смотрел, сторожил' = *майқараган*, букв. 'масло смотрящий' – 'майкараган крупноцветковый';

этир 'одеколон' + *гүл* 'цветок' = *этиргүл*, букв. 'одеколонный цветок' – 'хультемия персидская';

қоңыраў 'колокольчик' + *гүл* 'цветок' = *қоңыраўгүл*, букв. 'цветок колокольчик' – 'колокольчик';

мүйиз 'рог' + *жапырақ* 'листик' = *мүйизжапырақ*, букв. 'роголистник' – 'роголистник';

темир 'железо' + *тикен* 'колючка' = *темиртикен*, букв. 'железная колючка' – 'хультемия барбарисолистная';

тарақ 'расческа' + *бас* 'голова' = *тарақбас*, букв. 'голова расчески' – 'анизанта кровельная';

түйме 'пуговица' + *гүл* 'цветок' = *түймегүл*, букв. 'пуговица-цветок' – 'просвирник';

сабын 'мыло' + *шөп* 'трава' = *сабыншөп*, букв. 'мыло трава' – 'очный цвет пашенный';

елек 'сито' + *шөп* 'трава' = *елекшөп*, букв. 'трава сито' – 'ситник';

е) названия, указывающие на возраст, пол или термины родства:

кемпир 'старуха' + *шаш* 'волосы' = *кемпиршаш*, букв. 'волосы старухи' – 'ирис длинностебельный';

кемпир 'старуха' + *шөп* 'трава' = *кемпиршөп*, букв. 'трава старухи' – 'акантолимон каратавский';

гарры 'старый' + *қыз* 'девушка' = *гаррықыз*, букв. 'старая дева' – 'липучка поникшая';

қыз 'девушка' + *балтыр* 'икры' = *қызбалтыр*, букв. 'девчачьи икры' – 'аммотамнус Лемана';

келин 'невестка, сноха' + *бармақ* 'палец' = *келинбармақ*, букв. 'пальчики невестки' – сорт винограда;

мырза 'господин' + *шөп* 'трава' = *мырзашөп*, букв. 'господин трава' – 'толстокрыл многостебельный'.

Второй компонент фитонимов типа «существительное + существительное» может состоять из слов со следующими значениями:

а) *гүл* 'цветок', *шөп* 'трава':

жалын 'пламя' + *гүл* 'цветок' = *жалынгүл*, букв. 'пламенный цветок' – 'горицвет';

назбай 'мята' + гүл 'цветок' = назбайгүл, букв. 'мятный цветок' – 'базилик обыкновенный';

тырна 'журавль' + гүл 'цветок' = тырнагүл, букв. 'журавлиный цветок' – 'журавельник Литвинова';

пәшек 'вьюн' + гүл 'цветок' = пәшекгүл, букв. 'вьюнок цветок' – 'повой заборный';

сыя 'чернила' + шөп 'трава' = сыяшөп, букв. 'чернильная трава' – 'арнебия простертая';

сиңир 'жила' + шөп 'трава' = сиңиршөп, букв. 'жилистая трава' – 'астрагал песочный';

бүрге 'блоха' + шөп 'трава' = бүргешөп, букв. 'блошиная трава' – 'блошница';

бөдене 'перепелка' + шөп 'трава' = бөденешөп, букв. 'перепелиная трава' – 'вероника полевая';

тары 'просо' + шөп 'трава' = тарышөп, букв. 'просяная трава' – 'горлец шереховатый';

сабын 'мыло' + шөп 'трава' = сабыншөп, букв. 'мыльная трава' – 'очный цвет пашенный';

пахта 'хлопок' + шөп 'трава' = пахташөп, букв. 'хлопковая трава' – 'кириловия пушистоцветная';

пал 'мед' + шөп 'трава' = палшөп, букв. 'медовая трава' – 'крупноплодник большеплодный';

б) из названий частей растений:

дәри 'лекарство' + тамыр 'корень' = дәритамыр, букв. 'лекарственный корень' – 'горлец земноводный';

темир 'железо' + тикен 'завязь' = темиртикен, букв. 'железная колючка' – 'хультемия барбарисолистная';

боян 'солод' + жапырақ 'лист' = боянжапырақ, букв. 'солодковый лист' – 'астрагал подложный';

қалқан 'щит' + жапырақ 'лист' = қалқанжапырақ, букв. 'щит лепесток' – 'болотноцветник щитолистный';

ийт 'собака' + түйнек 'завязь' = ийттүйнек, букв. 'собачья завязь' – 'дыня полевая';

тас 'камень' + түйнек 'завязь' = тастүйнек, букв. 'каменная завязь' – 'дыня мелкоплодная';

в) из названий частей тела человека и животных:

тарақ 'расческа' + бас 'голова' = тарақбас, букв. 'голова расчески' – 'анизанта кровельная';

буза 'теленка' + бас 'голова' = бузаұбас, букв. 'голова теленка' – 'галимокнемис';

кемпир 'старуха' + шаш 'волосы' = кемпиришаш, букв. 'волосы старухи' – 'ирис длинностебелный';

бота 'верблюжонок' + көз 'глаз' = ботакөз, букв. 'око верблюжонка' – 'незабудка полевая';

- тырна* 'журавль' + *табан* 'пята' = *тырнатабан*, букв. 'журавлиная пята' – 'кузиния двоякоперистая';
- тырна* 'журавль' + *тумсық* 'нос, клюв' = *тырнатумсық*, букв. 'журавлиный клюв' – 'живокость джунгарская';
- теке* 'козел' + *сақал* 'борода' = *текесақал*, букв. 'козлиная борода' – 'додарция восточная';
- түйе* 'верблюд' + *қарын* 'желудок' = *түйеқарын*, букв. 'верблюжий желудок' – 'солянка чушная';
- арыслан* 'лев' + *ауыз* 'пасть, зев' = *арысланауыз*, букв. и в ботанике так же 'львиный зев';
- гарға* 'ворон' + *тырнақ* 'коготь' = *гарғатырнақ*, букв. 'вороньи когти' – 'крепкоплодник сирийский';
- гарға* 'ворона' + *туяқ* 'копыто' = *гарғатуяқ*, букв. 'воронье копыто' – 'ветреница черешочковая';
- гарға* 'ворон' + *суеқ* 'кость' = *гарғасеяқ*, букв. 'заячья кость' – 'песчаная акация';
- қоян* 'заяц' + *қуйрық* 'хвост' = *қоянқуйрық*, букв. 'заячий хвост' – 'коровяк тараканий';
- айғыр* 'конь' + *жал* 'грива' = *айғыржал*, букв. 'конская грива' – 'ковыль';
- газ* 'гусь' + *пәнже* 'лапка' = *газпәнже*, букв. 'гусяная лапа' – 'лапчатка низкая'.

Конструкция типа «существительное + прилагательное»

Фитонимы могут образовываться и с помощью сложения существительного и прилагательного. Однако такие образования встречаются в языке очень редко, например:

- гөр* 'могила' + *қара* 'черный' = *гөрқара*, букв. 'черная могила' – вид соляноколосника;
- май* 'масло' + *қара* 'черный' = *майқара*, букв. 'масло черное' – 'лепталеум нителестный';
- найза* 'копье' + *гара* 'черный' = *найзагара*, букв. 'черное копье' – 'солянка многолистная';
- ийт* 'собака' + *сийгек* 'моча' = *ийтсийгек*, букв. 'собачья моча' – 'ежовник безлистный'.

Конструкция типа «существительное + причастие»

Фитонимы, образованные путем сложения существительных и причастий, также очень малочисленны:

- ай(га)* 'на луну' + *бағар* 'подниматься, смотреть' = *айгабағар*, букв. 'поднимающийся на луну' – 'подсолнечник';
- май* 'масло' + *қараган* 'охранял, смотрел' = *майқараган*, букв. 'масло смотрящий' – 'крупноцветковый';
- қан* 'кровь' + *тебер* 'пинать' = *қантебер*, букв. 'кровь пинающий' – 'биберштейния многораздельная';

қуққон 'ворон' + бас 'ступать' = қуққонбас, букв. 'птица (ворон) не садит-ся' – 'вьюнок кустарниковый';

тас 'камень' + тесер 'точить' = тастесер, букв. 'камнеточилка' – 'камне-ломка сибирская';

шөп 'трава' + жсыяр 'собирать' = шөпжсыяр, букв. 'собирающая трава' – 'гетерокарий жесткий'.

Наименования таких фитонимов происходят на основании многолетних на-блюдений человека над природой, над свойствами растений, например, растение қантебер с давних пор использовали во время внутреннего кровотечения или кровоизлияния в качестве кровоостанавливающего средства, қуққонбас – расте-ние с колючками, куда не могли садиться птицы, тастесер растет в каменистых местах, пробивая камень и т.д.

Конструкция типа «прилагательное + существительное»

Названия, где определительная часть выражена прилагательным, образуются в результате подчинения прилагательного имени существительному. Основным средством связи между именем существительным и прилагательным является обязательное соседство и порядок слов. Прилагательные обозначают качество, вид, цвет, различные свойства предметов, легко сочетаются с существительными, соответственно, вполне ожидаемо, что такие конструкции в языке наиболее многочисленны:

ақ 'белый' + бас 'голова' = ақбас, букв. 'белая голова' – 'карелиния каспийская';

ақ 'белый' + билек 'запястье' = ақбилек, букв. 'белое запястье' – 'астрагал косматейшии';

қызыл 'красный' + гүл 'цветок' = қызылгүл, букв. 'красный цветок' – 'алтей розовый';

қызыл 'қызыл' + тамыр 'корень' = қызылтамыр, букв. 'красный корень' – 'горлец спорышевидный';

қара 'черный' + қас 'бровь' = қарақас, букв. 'черные брови' – 'ирис германский';

қара 'черный' + барақ 'лист' = қарабарақ, букв. 'черный лист' – 'соляно-колосник';

қара 'черный' + ағаш 'дерево' = қараағаш, букв. 'черное дерево' – 'вяз призе-мистый';

сары 'желтый' + гүл 'цветок' = сарыгүл, букв. 'желтый цветок' – 'одуванчик';

сары 'желтый' + шөп 'трава' = сарышөп, букв. 'желтая трава' – 'пови-лика полевая';

ала 'пестрый' + пұт 'куст' = алапұта, букв. 'пестрый кустарник' – 'лебеда';

көк 'сизый, голубой' + бас 'голова' = көкбас, букв. 'сизая голова' – 'котовник кошачий';

көк 'сизый' + гүл 'цветок' = көкгүл, букв. 'сизый цветок' – 'линделофия длинностолбиковая';

көк 'синий' + сағыз 'смола' = көксағыз, букв. 'синяя жвачка' – 'живица';

қоңыр 'коричневый' + бас 'голова' = қоңырбас, букв. 'коричневая голова' – 'мятлик луковичный';

сасық 'вонючий' + *тамыр* 'корень' = *сасықтамыр*, букв. 'вонючий корень' – 'дорема песчаная'.

Почти все сложные фитонимы такого вида образованы от сложения качественных прилагательных с существительными. Фитонимы, в составе которых есть относительные прилагательные, не многочисленны, например:

сүт 'молоко' + *шөп* 'трава' = *сүтшөп*, букв. 'молочная трава' – 'молочай'.

Незначительное число фитонимов образовано путем сложения глагола и существительного:

күйдирме 'жечь' + *шөп* 'трава' = *күйдирмешөп*, букв. 'жгучая трава' – 'крапива жгучая';

қышытпа 'чесать' + *шөп* 'трава' = *қышытпашөп*, букв. 'трава-чесотка' – 'крапива двудомная'.

Конструкция типа «числительное + существительное»

Основным средством связи между именем существительным и числительным выступает обязательное соседство компонентов. Таких названий фитонимов в каракалпакском языке имеется значительное количество. Числительное как первый компонент обозначает точное количество второго компонента – существительного, например:

төрт 'четыре' + *мүйиз* 'рог' = *төртмүйиз*, букв. 'четыре рога' – 'четверо-зубец четырехрогий';

бес 'пять' + *бийдай* 'пшеница' = *бесбийдай*, букв. 'пять пшениц' – 'канатник Теофраста';

сегиз 'сегис' + *мүйиз* 'рог' = *сегизмүйиз*, букв. 'восемь рогов' – 'восьмирог Леманна';

қырық 'сорок' + *буу* 'часть' = *қырықбууын*, букв. 'сорок частей' – 'хвоц';

мың 'тысяча' + *бас* 'голова' = *мыңбас*, букв. 'тысяча голов' – 'тысячиголов посевной';

мың 'тысяча' + *дууана* 'невменяемый' = *мыңдууана*, букв. 'тысяча невменяемых' – 'белена';

мың 'тысяча' + *жапырақ* 'лист' = *мыңжапырақ*, букв. 'тысяча листов' – 'тысячелистник обыкновенный'.

Числительные *қырық* 'сорок' и *мың* 'тысяча' в названиях *қырықбууын* 'хвоц', *мыңбас* 'тысячиголов', *мыңжапырақ* 'тысячелистник' употреблены в значении 'много'. А. Бекбергенов, изучавший числительные в каракалпакском языке, высказал следующее мнение: «Числительное *сорок*, как и во многих тюркских языках, также в каракалпакских во многих пословицах и поговорках, в сказках, эпосах, традициях употребляются в неизвестном множественном разномобразном сакраментальном значении». По мнению В. Колосовой, «из внутренней формы большинства фитонимов, образованных от числительного *сорок*, следует, что травы эти использовались от большого количества болезней, а само слово *сорок* в таких названиях означает просто 'много'».

Данные, полученные в результате изучения структуры фитонимов каракалпакского языка, позволяют установить, что в структурном отношении большин-

ство из них являются двусоставными. Изредка встречаются трехсоставные названия, например:

тәжж 'корона' + *қораз* 'петух' + *гүл* 'цветок' = *тәжжіқоразгүл*, букв. 'цветок петушья корона' – 'целозия гребенчатая';

сары 'желтый' + *бас* 'голова' + *шөп* 'трава' = *сарбасишөп*, букв. 'желто-головая трава' – 'крестовник зазубренный' и некоторые другие.

В данной статье была предпринята классификация сложных фитонимов каракалпакского языка с точки зрения их морфологического состава. Можно отметить, что большую часть этой группы слов в каракалпакском языке составляют фитонимы, образованные синтаксическим способом. Самая многочисленная группа – это двухкомпонентные названия, состоящие из определяющего слова и определяемого. В качестве определяющего слова наиболее всего употребительны имя существительное, прилагательное и числительное, реже встречаются сочетания с причастиями и глаголами. Трехкомпонентные названия фитонимов наиболее редки.

Литература

- Адилов 1958. – *Адилов М.Н.* Сложные слова в современном азербайджанском языке (имя существительное и имя прилагательное). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Баку, 1958. – 21 с. {*M.N. Adilov. Complicated words of the modern Azerbaijani language (Nouns and adjectives).* – Baku, 1958. – 21 pp. (In Russ.)}
- Баскаков 1952. – *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология, часть I. (части речи и словообразование) – М., 1952. – 544 с. {*N.A. Baskakov. The Karakalpak language. II. Phonetics and morphology, volume 1. (parts of speech and word formation).* – Moscow, 1952. – 544 pp. (In Russ.)}
- Бекбергенов 1976 – *Бекбергенов А.* Қарақалпақ тилинде санлықлар. – Нукус: «Қарақалпақстан», 1976. – 105 с. {*A. Bekbergenov. Numerals in the Karakalpak language.* – Nukus, «Karakalpakstan», 1976. – 105 pp. (In Karakalpak)}.
- Бекбергенов 1979 – *Бекбергенов А.* Қарақалпақ тилинде сөзлердин жасалыўы. – Нукус, 1979. – 128 с. {*A. Bekbergenov. Word formation in the Karakalpak language.* – Nukus, 1979. – 128 pp. (In Karakalpak)}.
- Бекбергенов 1999 – *Бекбергенов А.* Қарақалпақ тилиндеги қоспа сөзлердин классификациясы // Қарақалпақ тилинин мәселелери. Илимий мақалалар. – Нукус, – 1999, С. 50–54. {*A. Bekbergenov. Classification of compound words in the Karakalpak language // Problems of the Karakalpak language. Scientific articles.* – Nukus, 1999. – PP. 50–54. (In Karakalpak)}.
- Бердыев 1955 – *Бердыев Р.* Сложные слова в современном туркменском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1955. – 16 с. {*R. Berdiyev. Compound words of the modern Turkmen language.* Moscow, 1955. – 16 pp. (In Russ.)}.
- Ганиев 1982 – *Ганиев Ф.А.* Образование сложных слов в татарском языке. – М.: «Наука», 1982. – 150 с. {*F.A. Ganiyev. Formation of compound words in the Tatar language.* – Moscow: «Nauka», 1982. – 150 pp. (In Russ.)}.
- Дәўлетов, Дәўлетов, Қудайбергенов 2010 – *Дәўлетов А., Дәўлетов М., Қудайбергенов М.* Ҳазирги карақалпақ әдебий тили. Морфемика. Морфонология. Сөз жасалыўы. Морфология. – Нукус, 2010. – 252 с. {*A. Dawletov, M. Dawletov, M. Khudaybergenov. Current literary language of Karakalpak. Morphemics. Morphology. Word formation. Morphology.* – Nukus, 2010. – 252 pp. (In Karakalpak)}.
- Егоров 1971 – *Егоров В.Г.* Словообразование в тюркских языках. // Структура и история тюркских языков. – М.: «Наука», 1971. – С. 95–107. {*V.G. Yegorov. Stem-composition in Turkic languages. // Structure and history of Turkic languages.* Moscow: «Nauka», 1971. – PP. 95–107. (In Russ.)}.
- Ермеков 1950 – *Ермеков А.* Семантика слитных слов в казахской лексике: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1950. – 10 с. {*A. Yermekov. Semantics of connected words in the Kazakh language.* – Alma-Ata, 1950. – 10 pp. (In Russ.)}.

- Жарекешов 1949 – *Жарекешов Г.* Слитные слова в современном казахском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1949. – 12 с. {*G. Zharekeshov. Connected words of the modern Kazakh language.* – Alma-Ata, 1949. – 12 pp. (In Russ.)}.
- Закиев 1963 – *Закиев М.З.* Синтаксический строй татарского языка. – Казань, 1963. {*M.Z. Zakiyev. The syntactic structure of the Tatar language.* – Kazan, 1963. (In Russ.)}.
- Колосова 2009 – *Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. – М., «Индрик», 2009. – 351 с. {*V.B. Kolosova. Lexis and symbolism of the Slavic folk botany. Ethnolinguistic aspect.* – Moscow, «Indrik», 2009. – 351 pp. (In Russ.)}.
- Қыдырбаев 1961 – *Қыдырбаев А.* Хәзирги каракалпак тилиндеги атлық сөзлер. – Нукус, 1961. – 63 с. {*Qydyrbayev A. Nouns of the modern Karakalpak language.* – Nukus, 1961. – 63 pp. (In Karakalpak)}.
- Мадалиев 1966 – *Мадалиев Б.* Хозирги ўзбек тилида кўшма сўзлар. – Тошкент: «Фан», 1966. – 175 с. {*B. Madaliyev. Compound words of the modern Uzbek language.* – Tashkent: «Fan», 1966. – 175 pp. (In Uzbek)}.
- Маматов 1982 – *Маматов Н.* Ўзбек тилида кўшма сўзлар. – Тошкент, 1982. – 233 с. {*N. Mamatov. Compound words in the Uzbek language.* – Tashkent, 1982. – 233 pp. (In Uzbek)}.
- Муратов 1961 – *Муратов С.Н.* Устойчивые словосочетания в тюркских языках. – М., 1961. – 131 с. {*S.N. Muratov. Stable word combinations of Turkic languages.* – Moscow, 1961. – 131 pp. (In Russ.)}.
- ХҚҚӨТГ 1994 – Хәзирги каракалпак әдебий тилиниң грамматикасы. Сөз жасалыў хәм морфология. – Нукус, 1994. – 451 с. {*GMLRRL. Grammar of the modern literary Karakalpak language. Word formation and morphology.* – Nukus, 1994. – 451 pp. (In Karakalpak)}.
- ХҚҚТ 1981 – Хәзирги каракалпак тили. Морфология. – Нукус, 1981. – 264 с. {*MKKL. The Modern Karakalpak language. Morphology.* – Nukus, 1981. – 264 pp. (In Karakalpak)}.
- Ҳожиев 1963 – *Ҳожиев А.* Ўзбек тилида кўшма, жуфт ва такрорий сўзлар. – Тошкент: «Фан», 1963. – 146 с. {*A. Hodjiyev. Compound, pair and repeated words in the Uzbek language.* – Tashkent: «Fan», 1963. – 146 pp. (In Uzbek)}.
- Шаниязов 2002 – *Шаниязов Б.* Қаракалпак тилида равишларнинг тузилишига кўра турлари: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нукус, 2002. – 20 с. {*B. Shaniyazov. Types of adverbs according to their formation in the Karakalpak language.* – Nukus, 2002. – 20 pp. (In Karakalpak)}.

About the morphological structure of compound phytonyms in the Karakalpak language

Aziz Z. Otemisov

Nukus (Uzbekistan)

Summary: The morphological structure of compound phytonyms in the Karakalpak language is specified in this article. The significant part of them is formed by the syntactic ways. The article deals with the structural types within this lexical group. The conclusions are accompanied by vast linguistic data. Hence, the research in the field of compound words seems to be innovative not only for the modern Karakalpak linguistics itself, but for turkology studies at all, because the attempt to describe this system for Karakalpak likely has been made for the first time. Then it was clarified the difference of word components depending on the lexical categories. One can consider that phytonyms studied here are mainly formed by combining of two roots.

Keywords: plant, flora, phytonym, the Karakalpak language, ways of word formation, complex (compounded) words, noun, adjective, verb, numerals, name, morphological structure

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ПРАВООТНОШЕНИЯХ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ОБЩЕСТВАХ: МОГУТ ЛИ ЭПИТАФИИ ЯВЛЯТЬСЯ ИСТОЧНИКАМИ ПРАВА?¹

А.Р. Мухамадеев

г. Казань

Резюме: В статье рассматриваются тексты из древнетюркских эпитафий. На основе изучения эпитафийных надписей сделаны выводы об одном из возможных их предназначений, кроме непосредственных – как поминальных текстов. По мнению автора статьи, часть эпитафийных текстов являются источниками права, констатирующими некоторые события как правоустанавливающие факты, а также декларирующие для членов общества некоторые действия и нормы поведения. И те, и другие были обязательными для исполнения соплеменниками, сородичами, наследниками и пр. Как источники права, эпитафии могли регулировать взаимоотношения в части права собственности, договоров (клятв), наследования и пр.

Ключевые слова: древние тюрки, письменные памятники, эпитафии, правопреемство, собственность, источник.

Степные тюрко-монгольские государственные образования древности и раннего Средневековья не оставили после себя письменных памятников правотворчества. Многие из этих кочевых обществ, разрастаясь по размерам и уровню развития до степных империй, так и не смогли письменно зафиксировать свои правовые обычаи и установления, нормы поведения и запреты, принципы взаимоотношений в обществе и уголовных наказаний, не говоря уже о целостных законах и кодексах. На сегодняшний день в области истории тюрко-монгольских общественно-правовых взаимоотношений мы не имеем возможности работать с письменными источниками права, такими, например, как «Русская Правда», которые можно подвергнуть детальному анализу. Исключением в части наличия пись-

¹ В статье представлено личное мнение автора, которое может не совпадать с мнением редакции. Данная статья помещена как дискуссионный материал, к обсуждению которого приглашаются все желающие.

менных источников права у тюрко-монгольских народов Средневековья, с некоторыми оговорками, являются Ясы Чингиз-хана и «Закон судный людям» дунайских болгар. Здесь необходимо уточнить, что относительно первого источника некоторые исследователи считают, что он все же не был зафиксирован письменно, а действовал как устный свод правил, а второй является рецепцией византийского кодекса законов Эклоги (создан в начале VIII в. при императоре Льве III Исавре) со значительным вкраплением норм тюркского права. Ради справедливости надо отметить наличие предположений отдельных ученых о том, что письменные памятники права у некоторых кочевников (например, тюрков) на самом деле могли существовать, но до наших дней не сохранились. В целом, возможность такого не исключена.

Все, что мы на сегодняшний день знаем о правовых нормах и правовых взаимоотношениях тюркоязычных народов поздней древности и раннего Средневековья, почерпнуто и сформировано из свидетельств источников других народов – китайских династических хроник, сообщений арабских путешественников и географов, византийских авторов и т. д. Однако они не могут являться источниками права тюрко-монгольских народов того периода, они могут быть лишь источниками по истории права этих обществ. Иными словами, из них мы можем получить информацию о существовании тех или иных законов, действия, применении тех или иных норм права, правил поведения и т. п. на определенном этапе развития отдельных государственных образований, племенных групп тюрко-монгольских сообществ. Но эти сообщения сами по себе не являлись законами или нормами права для исследуемых государств и обществ соответствующего периода, предназначенными и обязательными для исполнения (или запрета). Это – обычное описание иностранцами правовых взаимоотношений, правовых обычаев и традиций современных им кочевников. В большинстве своем это разрозненные данные, отдельные упоминания о правовых нормах и обычаях разных этносов (хунну-гуннов, жуужаней, сяньби, ухуаней, тюрков, уйгуров, енисейских кыргызов и пр.), облаченные в материал этнографического характера.

При таком положении дел изучение истории права народов тюрко-монгольского сообщества требует привлечения дополнительных, иногда и, на первый взгляд, довольно косвенных материалов. Так, ученые-историки давно реконструируют малоизвестные стороны жизни древних и средневековых обществ, прибегая к использованию этнографических, фольклорных и др. материалов современных им родственных народов. Этот прием часто оправдывает себя, позволяя представить примерную картину изучаемого общества или явления. С другой стороны, учитывая значительные временные отрезки, часто сопровождающиеся значительными географическо-климатическими изменениями в жизни этих обществ (перекочевки, переселения), а значит и изменения в образе жизни, ментальности, таковые реконструкции могут и существенно исказить реальную картину. Важными источниками информации в плане воссоздания некоторых моментов жизнедеятельности, в т.ч. военно-политических и государственно-властных, являются немногочисленные письменные источники, в частности эпиграфические надписи.

Другое дело, что даже имеющиеся древнетюркские письменные источники всесторонне и многопланово не изучались. Относительно этого И.Л. Кызласов

вынужден признать: «Фактически вне поля зрения оставалась связь енисейской письменности как с общественным мировоззрением той эпохи в целом, так и с определенными формами религии» [Кызласов 2013: 79].

Эпитафии, как письменный источник, несмотря на специфичность и краткость изложения, ценны конкретностью материала. Влияние Китая в становлении и совершенствовании древнетюркских надмогильных эпитафий для специалистов очевидно. В научно-исторической литературе указывалось на длительную традицию надгробных надписей в Китае, известных со времен Ханьской династии (по крайней мере, с I в. до н.э.) в качестве самостоятельного литературного жанра. Привлекает внимание не только их общее внешнее сходство с тюркскими эпитафиями в композиционном соответствии текста и геральдических знаков, но и основное назначение – служить примером для потомства, определяющее повествование о государственной службе и заслугах перед центральной властью. Как отмечает И.Л. Кызласов, нельзя не увидеть близкую параллель и в том, что в Китае не все члены даже знатных семейств удостоивались таких эпитафийных памятников, а лишь редкие, наиболее выдающиеся деятели [Кызласов 1994: 227].

Вместе с тем, пишет Р.Г. Шарипов, нельзя объяснить это явление в древнетюркской культуре только лишь какими-то иноземными влияниями, будь то Китай династии Тан или Согд. Появление пышных поминальных комплексов, посвященных тюркским каганам, есть явление закономерное для эпохи создания империи, когда имя правителя – причем правителя удачливого, могучего и грозного – обожествлялось и возвеличивалось [Шарипов 2014: 324]. К этому необходимо прибавить роль эпитафийных надписей в фактическом узаконивании правоты и справедливости действий каганов, в т.ч. «устаами» самого покойного правителя.

Наличие письменности стало важным признаком и показателем становления сильных тюркских государств, тюркской цивилизации. В распространении тюркской руники надо видеть следствие развития культуры и укрепления государственности в Центральной Азии того периода, значимых социально-политических и социально-экономических изменений среди кочевых народов. Несмотря на свою специфичность, надписи на эпитафиях, как и надписи на скалах, на тамгах, на предметах быта, также отражают реалии действительности. Уже сам факт отображения явлений и событий в письменном виде, будь то на любых предметах, делает их материализованным источником.

В связи с этим, интересна наскальная руническая надпись из отрогов Курчумского хребта (Восточный Казахстан) со следующим текстом: «Я велел изъясняться письменно». Как определила Н.Г. Шаймердинова, изучившая особенности рунических надписей, по стилю она относится к высокохудожественному литературному языку: «велел», «изъясняться», «письменно». Императив (повеление, приказ), содержащийся в слове «велел», означает приказ человека, наделенного властью; слово «изъясняться» предполагает рассказать, точнее, описать какое-либо событие. Наречие «письменно» означает, что субъект действия хорошо осведомлен об образованности и грамотности адресата, так как требует оповещать его в письменной форме. По мнению исследователя, все содержание предложения содержит важную информацию о достаточной грамотности населения, потому что такие надписи были не единичны и нашли широкое распространение

в Евразийском ареале [Шаймердинова 2014: 261]. Действительно, нет смысла обращаться с призывом (требованием) изъясняться письменно к населению, не умеющему читать и писать. Если подкорректировать расшифровку надписи по ее смыслу, то она могла значить: «Я велел (*всем* – *А.М.*) изъясняться письменно».

Очевидно, что «мода» на памятно-поминальные эпитафии, которые изначально высекали только в честь правителей и их близких, постепенно приобретает в древнетюркском обществе заметное распространение. Как заметил А.Я. Шер, владение населением грамотностью в эпоху каганатов, по всей видимости, было весьма широким – эпитафии на каменных изваяниях свидетельствуют о том, что нередко и сами скульпторы владели рунической письменностью. Надписи вырезались даже на камнях, символизовавших убитых врагов – балбалах: «Это балбал Сабра-таркана» или: «Это каменный балбал шада толесов» [Шер 1966: 49–50].

О жанровой принадлежности древнетюркских эпитафийных надписей среди исследователей единого мнения до сих пор не сформировано. Как считает А. фон Габен, они «являются для нас богатым историческим источником, хотя и не были созданы с этой целью... Богатство содержащегося в них материала позволяет сделать вывод о том, что надписи были чем-то вроде государственного архива» [Кляшторный 2006: 77]. Изначально, тюрколог А. Бомбачи (1964 г.) видел в них «смешение жанров исторического повествования, политической риторики и эпики», причем последняя преобладает, тогда как в своей следующей работе 1968 г. он определяет эти надписи исключительно как памятник древнетюркской историографии, опуская их стилистические особенности. И.В. Кормушин считает, что: «Стремление во что бы то ни стало убедить тех, к кому обращена надпись... естественно, приводило к необходимости воздействовать не только на разум, но и на чувства читателя. Данная установка реализовывалась в особом эмоциональном построении текста, насыщенном метафорами, гиперболами, сравнениями и другими тропами». В целом, жанр надписей И.В. Кормушиным определяется как «сочетание историографических повествований с этико-политическими прокламациями» [Кормушин 1997]. А.Н. Кононов видел в древнетюркских надписях лишь «блестящие исторические хроники» [Аникеева 2010: 77].

Эпитафии указываются исследователями среди важных источников информации по изучению истории древнетюркских государственных образований и обществ в целом. Вплоть до сегодняшнего дня одним из крупных специалистов по истории права тюркоязычных народов остается татарский эмигрант в Турции С. Максуди, занимавшийся этой тематикой еще в 20–40 гг. прошлого века. Ученый делит источники по истории и праву тюрков центральноазиатского периода на две группы: «национальные источники и письменные памятники других народов». Среди прочих к первой группе он относит тюркские эпитафии (орхоно-енисейские надписи) [Максуди 2002: 75–76].

Одним из основных источников права древних тюрков было *торе*, регулировавшее публичные отношения, взаимоотношения власти с соплеменниками, государства с народом. Первые письменные упоминания о *торе* в значении «закон» или «право», данных правителям свыше, относятся к эпохе Тюркского каганата. Обозначения *торе* как «установлений, дарованных тюркам Небом» и «охраняемых Силою Неба» часто встречаются в орхоно-енисейских надписях, высеченных на каменных стелах. В малой надписи памятника в честь Кюль-тегина зафиксировано:

«Небоподобный, неборожденный (*собств.* «на небе» или «из неба возникший») тюркский каган, я нынче сел (на царство)». Большая надпись в честь Кюль-тегина гласит: «Когда было сотворено (*или* возникло) вверху голубое небо (*и*) внизу темная (*букв.* бурая) земля, между (*ними*) обоими были сотворены (*или* возникли) сыны человеческие (т. е. люди). Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев (на царство) они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа...» [Малов 1951: 33, 36]. В переводе С.Г. Кляшторного и Т.И. Султанова последнее предложение выглядит более конкретно: «Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и установили Терю (Закон) народа тюрков...» [Кляшторный, Султанов 2004: 85].

В большой надписи Кюль-тегина критике подвергается целое поколение каганов (братья и сыновья Бумына и Истеми каганов), т.к. они нарушили заповеди предков: «младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам». Именно по этой причине каганы, отступившие от родоплеменной связи поколений, называются «неразумными» и «слабыми» каганами. Вследствие нарушения законов предков уничтожен Первый тюркский каганат. Он распадается на восточную и западную части, между которыми происходят конфликты, над восточным каганатом устанавливается протекторат династии Суй и, как итог, пятидесятилетняя зависимость тюрков от Китая [Кляшторный 1964: 23]. В текстах прослеживается мысль, что те каганы, которые следуют неписанным законам предков, достигают желаемых результатов, как, например, Кутлуг-каган, который возглавил восстание тюрков против табгачей и возродил тюркское государство, сделал его могущественным, т.к. следовал «установлению предков». Последующая преемственность действий двух каганов (Капаган-каган и Бильге-каган) выражается в продолжении дела усиления государства и народа [Шаймердинова 2014: 76–77].

В памятнике в честь Тоньюкука читаем: «Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего хана, оставив своего хана, снова подчинился государству Табгач. Небо, пожалуй, так сказало: я дало (тебе) хана. Ты, оставив (*букв.* твоего) хана, подчинился другим. Из-за этого подчинения небо, – можно думать, – (тебя) поразило (умертило). Тюркский народ ослабел (умер), обессилел, сошел на нет» [Малов 1951: 64–65]. В последнем случае говорится не только о власти и праве, данном свыше, но и прослеживается мысль о том, что отказываться от подобного божественного дара преступно. Отказ подданными от правителя, «посланного небом», губительно не только для самого хана, но и для всей страны и народа.

Призывы каганов на этих надписях имеют прагматический характер, т.к. нацелены на объединение и послушание народа во имя создания сильного государства и общества. Тем не менее, по мысли С.Г. Кляшторного и Т.И. Султанова, единство, которого требуют каганы, единство внутри общины, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных разногласий и принятие такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а, следовательно, и богатство, добываемое путем внеэкономического принуждения, войной и угрозой войны, принадлежали бы аристократии по крови, выделявшей остальной общине установленную традицией долю добычи и дани [Кляшторный, Султанов 2004: 163].

Тем не менее, в указанных надписях увидеть признаки источников права нельзя, поскольку в этих эпитафиях *торе* только упоминаются, а не декларируются от имени законодателя как нормы государственно-публичного права, согласно которым было необходимо действовать, которые нужно было бы обязательно соблюдать в древнетюркском обществе и государстве. Вместе с тем, отнести их к источникам по истории права видится возможным, но опять же несколько затруднительным, т.к. здесь мы не видим описание применения тюрками каких-либо законов или норм права, описаний правовой системы и правоотношений. В рассматриваемых случаях констатируется, что *торе* – закон «данный Небом», единственный закон тюрков, необходимый для применения при устройстве государства и общества, и который будущим поколениям стоит чтить и использовать в качестве руководства. *Торе* в данном случае упоминается лишь по причине того, что он обязывает будущие поколения придерживаться его. Эти надписи – призыв соблюдать законы (установления), тексты назидательного характера. Их можно причислить к источникам по истории права в части того, что они констатируют наличие в древнетюркском обществе неких законов, установлений (возможно, где-то и когда-то оформленных письменно), но, к сожалению, не известных современной науке.

В свете исследуемой проблематики необходимо разяснить понятие «источники права», которое следует отличать от понятия «источники по истории права». Под «источниками права» понимаются те нормы, которых придерживались в том или ином обществе в данный период и на определенной территории, ими регулировались правоотношения современников в обществе и государстве. Под «источниками по истории права» подразумеваются те исторические свидетельства, из которых выявляются данные или сведения о состоянии государства и права в ту или иную историческую эпоху. Это источники для научного изучения истории права, оставленные современниками (довольно часто иностранцами – А.М.) о правовых нормах и взаимоотношениях, применяемых в том или ином обществе или государстве.

Подобных древнетюркских рунических эпитафийных надписей назидательного характера, где законам, государству и правителям приписывается непосредственная связь с высшими силами (Небом), подчеркивается их божественность, а также имеется призыв соблюдать исконные законы и обычаи, обнаружено достаточно много. Так, надпись на памятнике Е-10 (Элегест I) из левобережья Енисея в Туве гласит: «Мой народ, будь тверд, не отступайся от законов государства!» На другой енисейской стеле записано: «Мое имя Эль-Туган-Тутук. Я был посланником божественному государству. Я был начальником шестисоставному войску». Надпись на памятнике Е-14 (Чаа-Холь II) из Тувы, левобережья Верхнего Енисея: «Моим божественным государством, моим беком предводителем не наслаждался, – о жаль мне!». Памятник Е-68 (Эль-Бажы) из левобережья Верхнего Енисея (Тува): «Моему божественному государству с пятнадцати лет я [служил]». Памятник Е-110 (Уюк-Оорзак III) из Тувы: «Мое божественное государство». Древнетюркская надпись из памятника Е-3 (Уюк-Туран), обнаруженного в Уюкско-Туранской котловине в северной части Тувы: «Моим (хранимым) богом государством я не наслаждался...». Надпись на стеле из правобережья Енисея в Туве, памятник Е-44 (Кызыл-Чираа II): «Польза, которую я принес моему божествен-

ному государству, – я (лично) убил девять мужей-воинов (врага)». Надпись на памятнике Е-59 (Хербис-Баары), обнаруженного в правобережье Верхнего Енисея в Туве: «О моя страна, мой хан, мой небоподобный». Надпись из памятника в правобережье Улуг-Хема Е-147 (Ээрбек I): «С семнадцати лет я стал служить моему бого(хранимому) государству... Из моего бого(хранимого) государства я уходил (и возвращался)». Памятник Е-50 из Тувы: «Мои божественные хан и государство» [Кормушин 1997: 185, 193, 202, 223, 237, 247, 254, 269–270, 278].

Несмотря на некую странность вопроса, в связи с поставленной задачей необходимо определиться – можно ли отнести эпитафии именно к источникам права древних тюркских народов? Можем ли мы рассматривать тексты эпитафий (их некоторую часть) как некие обязательные предписания, руководство для дальнейших действий (бездействий) или же как нормы, регулирующие взаимоотношения между членами (слоями) древнетюркского общества? Рассмотрим несколько рунических текстов из эпитафий.

Так, К.Л. Кызласов проявил интерес к Суджинской эпитафии (Монголия, Хангай, предположительно кыргызская), в которой от имени знатного судьи Бойла написано: «Моему наставнику (в вере) я дал сто мужей и стоянку (местожительство)», т. е. судья наделил своего наставника (учителя) правами сотника, подарив ему в удел участок земли и сто мужчин, очевидно, воинов, а не рабов. В тексте употреблено слово «эр» – муж, а не «кул» – раб. Видимо, заключил ученый, в конце IX в. знать имела в частной собственности, на основе феодального права, не только землю и скот, но и воинов из крестьян (в надписях: «карабудун» – «черный народ»), которых можно было дарить другим лицам [Кызласов 1984: 125]. На первый взгляд эта эпитафийная надпись – источник по истории права, т.к. свидетельствует о факте дарения воинов и земельного надела, с последующим их владением. Но, вместе с тем, здесь надо учитывать, что эпитафии имеют предназначением не только сохранить для потомков память о покойном, его достоинствах и делах, через которые ученые выявляют некие исторические факты, традиции и идеологию прошедших эпох. Они «говорят» не только об отдельных фактах и событиях из жизни умершего и имеют назидательный характер, надписи адресованы, в первую очередь, родственникам, потомкам до тех пор, пока род покойного здравствует, а значит, помнит и чтит его. Надо помнить и о том, что предназначены они и для всех соплеменников, членов общества, для которых отдельные слова из надписей должны были иметь особый смысл и указание придерживаться некоторых правил и норм после его смерти. Так, факт владения покойного землей и людьми мог означать, что право собственности на это движимое и недвижимое имущество переходит к его наследникам. Значит, фактически надписи на этом памятнике не только публично удостоверяют право частной собственности умершего, но и объявляют перечисленное имущество достоянием его наследников перед другими членами общества. Это, в свою очередь, может означать лишь то, что перед нами источник права.

О движимом и недвижимом имуществе, точнее, об освоении захваченных земель могут свидетельствовать также строки из Суджинской надписи, в которой свидетельствуется: «Я был богат: у меня было десять аилов, мои кони неисчислимы» [Кляшторный 2007: 196]. Однако из ее содержания еще вовсе не следует, что аилы и стада знатного кыргыза обязательно располагались в Хангае, где он,

по-видимому, был погребен. И.В. Кормушин интерпретирует надпись как декларацию от имени усопшего, назначенного сюда по службе, что эти земли отныне принадлежат кыргызам, а отнюдь не уйгурскому роду Яглакар. В надписи упоминаются две должности меморианта: министр и судья. Последняя, по предположению И.В. Кормушина, была связана с задачей легитимизации захвата земель и прочей крупной собственности на территории каганата [Дробышев 2014: 373–374]. Эти интерпретации и предположения И.В. Кормушина относительно смысла данных эпитафийных строк как декларации от имени покойного легитимности земель только подтверждают наше мнение о них как об источнике права.

Руническая надпись середины IX в. в долине реки Тэс (Северо-Западная Монголия) словно подтверждает раздел захваченных земель между кыргызской знатью. Надпись гласит: «Я, Тёпек Алп Сол, (это) написал». Она повторена дважды, причем в одном случае сопровождается родовой тамгой. Как пишет С.Г. Кляшторный, содержание надписи и наличие тамги указывает на то, что она маркировала новые владения знатного полководца и дипломата, в 843 г. возглавлявшего первое кыргызское посольство к танскому двору [Кляшторный 2006: 348]. Указанная интерпретация надписи также указывает на нее как на источник правоотношений. В совокупности с родовой тамгой эта надпись подтверждает право собственности покойного, а значит и его наследников на землю.

Енисейская древнехакасская эпитафия на стеле Ташебинского чаатаса (Е 40) гласит: «Мое имя мужа-эра – Анар Таз-огя. Мое владение-эль и имеющееся (у меня) золото (я оставил)» [Кызласов 2013: 85]. Из этой надписи можно понять, что у меморианта имелось довольно крупное земельное владение, которое он фактически завещает потомкам.

Сыма Цянь констатировал, что у хунну «у каждого имелся отведенный ему участок земли» [Сыма 2002: 196]. В связи с существованием в обществе хунну частной собственности на скот и рабов, В.С. Таскин характеризует упоминаемое в источниках «отведение участков земли» как выделение уделов шаньюем своим сыновьям, братьям и знати в наследственное пользование. «Владение землей в кочевом обществе сюнну состояло в том, что темник, получивший удел, распоряжался пастбищами и регулировал перекочевки зависимых от него людей», – пишет он [Таскин 1968: 28]. Отмечая скудность источниковых сведений и необходимость уточнения понятия «владение», Е.И. Кычанов задается вопросами: был ли удел административной единицей; являлся ли он владением, данным в кормление, т. е. был ли территорией, данной пользователю, который часть дохода с этого владения получал в качестве жалованья; наконец, если удел отдавался в собственность, то каковы были правомочия собственника. В итоге ученый констатирует, что на все эти и подобные вопросы мы не имеем ответа [Кычанов 2010: 43]. Тем не менее, трудно отрицать наличие у тюркоязычных народов периода поздней древности и раннего Средневековья собственности на землю, скот и пр. Это отчетливо отображено и в эпитафийных надписях, которые не только констатировали этот факт, но и оставались источником права для потомков при вступлении в наследство.

С.В. Киселев на основе енисейских эпитафий сделал выводы о взаимной подчиненности в кыргызском обществе. По его мнению, народ еще не находился на такой ступени подчинения, когда можно было бы говорить о полной его зависи-

мости от аристократии, бегов, каганов и просто батуров. Правда, пишет он, представители знати рассматривают себя в качестве владельцев целых областей, о чем прямо сообщают надписи. Так, на стеле у с. Юдиной в надписи Умай-бега написано: «Из-за моего превосходства владел я этой страной». О том же в надписи на скале Кая-баши в долине Кепчика говорит бег Чигши: «Вы, люди, слышите владельца Кара-Сэнгир ... Кара-Сэнгиром я владел». Но вместе с тем нигде в источниках С.В. Киселев не обнаружил указаний на владение народом. «Я владею» в надписи Эрен-улука, поясняет исследователь, – слова, дополненные акад. Радловым «по смыслу». Во всех надписях народ выступает как самостоятельная сила наряду с ханом и аристократическим родом – элем: «От моего черного народа, от вас, моего эля, я отделился» (т. е. умер. – С.К.) – такова формула аристократической эпитафии. Только однажды в надписи с Белого Июса зафиксировано «моего эля, моего хана народ Тэрс», что может содержать указание на более прочную зависимость [Киселев 1951: 594].

При отнесении эпитафий к источникам права особого внимания заслуживают выводы И.В. Кормушина и на основании других текстов. Так, древнетюркская надпись из памятника Е-3, обнаруженного в Уюкско-Туранской котловине (северная Тува) гласит: «Мои супруги в женских покоях, мои родные сыновья, – как грустно, как жаль мне...». Надпись из памятника в правобережье Улуг-Хема Е-147 (Ээрбек I) читается: «О мои супруги в женских покоях... Моими собственными сыновьями я не наслаждался» [Кормушин 1997: 254].

И.В. Кормушин, уточняя адресатные категории подобных надписей, а именно «мои сыновья по кровному родству; мои родные сыновья; мои собственные сыновья» на их примере делает интересные комментарии. Ученый пишет, что эпитафии не следует считать только памятной надписью, это – многоплановый политический и семейный документ публичного характера, основной смысл которого – путем перечисления должностей и заслуг меморианта удостоверить его права, а через упоминание законных наследников, прежде всего родных сыновей, заявить о правопреемстве. Законные дети (дети-правопреемники) рождаются только от законных супругов, следовательно, употребление совместно другого формульного словосочетания «находящиеся в женских покоях» – не просто банальный эпитет, но и знаковое выражение для «законных супругов» [Кормушин 1997: 193]. Следовательно, в таком случае мы с полной уверенностью также можем отнести подобные эпитафии к источникам права. Подобные эпитафийные надписи, упоминающие законных (родных) детей и жен, в Центральной Азии вовсе не редкость.

Надпись на памятнике Е-11 (Бегре), обнаруженном на северо-востоке Верхнеенисейской котловины, гласит: «О мои друзья, связанные клятвой, и мои добрые товарищи, не связанные клятвой, – я отделился [от вас]!» [Кормушин 1997: 274]. В данном случае И.В. Кормушин отмечает, что впервые письменный эпитафийный текст прямо указывает на один из важнейших институтов средневекового рыцарства – воинское побратимство, скрепленное клятвой. При этом исследователь замечает в надписи две категории соратников – друзей, связанных клятвой, и добрых товарищей, не связанных клятвой. Если в европейской рыцарской традиции, пишет он, воин-побратим выше, значимее родного, то древнетюркская патриархально-родовая структура не допускала подобного снижения ценности

родовых уз, что наглядно демонстрирует надпись E-11 примененной в ней последовательностью вокативных объектов. Строка 6: народ – родственники и родственницы; строка 7: государство – хан; строка 8: родственники со стороны жены, и только следующая строка 9: соратники [Кормушин 1997: 275]. Клятва сама по себе (как договор) является источником права. В данном случае фиксирование факта наличия (или отсутствия) клятвы на эпитафии может быть источником права для наследников покойного при выстраивании последующих взаимоотношений с фигурантами надписи (например, возобновлении клятв с «друзьями» и т. п.). Впрочем, даже сам факт подтверждения смерти в совокупности с надписью о наличии у покойного данных (или принятых) клятв другим людям также является источником права. Это могло дать право другой стороне для автоматического расторжения клятвы (договора), снятия с себя обязательств в связи со смертью меморианта.

Как правило, стелы с надписями-эпитафиями устанавливались на открытых участках местности, что изначально предполагает высокую степень грамотности тех, к кому они были обращены. Будучи написаны от первого лица, наиболее убедительные обращения умерших тюркских героев к представителям своего и будущих поколений передавали им свое видение мира, необходимого образа жизни, всей системы общественных (государственных) ценностей и т. д. Вместе с тем эпитафийные тексты способствовали не только сохранению древнетюркских традиций, но становились источниками правоотношений и могли оставаться таковыми довольно долгий период для будущих поколений при определенном общественно-политическом положении, сохранении привычного социального и государственного устройства.

Таким образом, можно констатировать, что рунические надписи передают реалии древнетюркского общества, ценности и традиции своей эпохи, что стало неким фундаментом для формирования менталитета, истории и культуры, общественно-правовых взаимоотношений современных тюркских народов. Эпитафии, как и другие памятники письменности, являются важными источниками хранения и передачи знаний о древнетюркском мире. Они являются не только прощальными речами с перечислением всех достоинств умершего человека и совершенных им великих и благих дел, они ценны и своей информативностью. В целом, из древнетюркских эпитафийных текстов можно узнать не только о жизни и личности меморианта, но получить сведения для изучения разных областей жизнедеятельности тюркских этносов (государственное устройство, военнополитическая история, отношения вассалитета-сюзеренитета, взаимосвязь слоев населения, социально-экономические моменты, благосостояние и пр.). Важными для нашего исследования стали сообщения из эпитафийных надписей о взаимоотношениях правового характера, которые, несомненно, имеются в наличии. Наряду с призывами и назидательными текстами общего характера, в них можно увидеть сведения и обращения, предназначенные для исполнения как современниками, так и потомками, а значит, являющиеся для них (соплеменников, соседей, родственников, наследников и пр.) источниками конкретных правоотношений. На наш взгляд, признание части древнетюркских эпитафийных надписей, предназначенных для совершения другими членами общества определенных дальнейших действий, становившихся легитимными, что вполне очевидно, дает ос-

нование исследователям применять их как источники права. Учитывая фактическую неизвестность для современной науки письменных источников права тюркских народов древности и раннего Средневековья, это обстоятельство имеет немаловажное значение.

Литература

- Аникеева 2010 – *Аникеева Т.А.* Литература и фольклор древних тюрков Центральной Азии // Новый исторический вестник. – 2010. – № 4(22). – С. 73–82. {*T.A. Anikeyeva. Literature and folklore of Turks of Central Asia // New Historical Bulletin. – 2010. – #4(22). – PP. 73–82.*}
- Дробышев 2014 – *Дробышев Ю.И.* Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.). – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 608 с. {*Yu.I. Drobyshev. Human and nature in the nomad societies of Central Asia (3rd century BC – 16th century AD). – Moscow: The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014. – 608 pp.*}
- Киселев – 1951 – *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. – 644 с. {*S.V. Kiselyov. The Ancient History of the Southern Siberia. – Moscow: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. – 644 pp.*}
- Кляшторный 1964 – *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник для истории Средней Азии. – М.: Изд-во «Наука», 1964. – 212 с. {*S.G. Klyashtorny. The Ancient Turkic Runic Monuments as a Source for the History of Central Asia. – Moscow: “Nauka” Publishing House, 1964. – 212 pp.*}
- Кляшторный 2006 – *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006. – 590 с. {*S.G. Klyashtorny. The Monuments of Ancient Turkic Script and Ethnocultural History of Central Asia. – Saint-Petersburg: Science, 2006. – 590 pp.*}
- Кляшторный 2007 – *Кляшторный С.Г.* Суджинская надпись: этапы интерпретации // Basileus: сборник статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. – М.: Изд-во вост. литературы, 2007. – С. 193–197. {*S.G. Klyashtorny. The Inscription of Sudzha: Periods of Interpretation // Basileus: a compendium of articles, devoted to the 60th anniversary of D.D. Valilyev. – Moscow: The Publishing House of Oriental Literature, 2007. – PP. 193–197.*}
- Кляшторный, Султанов 2004 – *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 368 с. {*S.G. Klyashtorny, T.I. Sultanov. States and Peoples of Eurasian Steppes. Antiquity and Middle Ages. – Saint-Petersburg: The Petropolitan Orientology, 2004. – 368 pp.*}
- Кормушин 1997 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 303 с. {*I.V. Kormushin. Turkic Yenissei Epitaphs. Texts and Researches. – Moscow: Nauka, 1997. – 303 pp.*}
- Кызласов 1984 – *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века. – М.: Высшая школа, 1984. – 167 с. {*L.R. Kyzlasov. History of Southern Siberia in Middle Ages. – Moscow: Higher School, 1984. – 167 pp.*}
- Кызласов 2013 – *Кызласов И.Л.* Религиозная природа енисейской письменности. I // Российская тюркология. – М., 2013. – № 2(9). – С. 79–90. {*I.L. Kyzlasov. The Religion Origins of the Yenissei Script. I // Russian Turcology. – Moscow, 2013. – #2(9). – PP. 79–90.*}
- Кызласов 1994 – *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 327 с. {*I.L. Kyzlasov. The Runic Scripts of the Eurasian Steppes. – Moscow: The publishing firm “Oriental literature” of Russian Academy of Sciences, 1994. – 327 pp.*}
- Кычанов 2010 – *Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Петербургское лингвистическое об-во, 2010. – 364 с. {*Ye.I. Kychanov. The History of Ancient and Medieval States bordering China (from the Huns to Manchurians). – 2nd edition, revised and reinforced. – Saint-Petersburg: The Petropolitan Linguistic Society, 2010. – 364 pp.*}

- Максуди 2002 – *Максуди Садри Арсал*. Тюркская история и право. Перевод с турецкого Р. Мухаметдинова. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002. – 412 с. {*Sadri Maksudi Arsal*. The Turkic History and Law. Translated from Turkish by R. Mukhametdinov. – Kazan: Fan Publishing House, 2002. – 412 pp.}
- Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 452 с. {*S.Ye. Malov*. Monuments of the Ancient Turkic Script. Texts and Research. – Moscow–Leningrad: The Publishing House of Academy of Sciences of the USSR, 1951. – 452 pp.}
- Сыма 2002 – *Сыма Цянь*. Исторические записки: Ши цзи. [В 9 т.]. Т. 8. – М.: Вост. лит., 2002. – 510 с. *Šīmǎ Qiǎn*. The Records of the Grand Historian: Shǐ jì. [In 9 Volumes.] Volume 8. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. – 510 pp.}
- Таскин 1968 – *Таскин В.С.* Скотоводство у сюнну (по китайским источникам) // Вопросы истории и историографии Китая. – М.: Наука, Гл. ред. науч. литературы, 1968. – С. 21–44. {*V.S. Taskin*. The Cattle Breeding of the Xiongnu People (according to the Chinese sources) // Questions of History and Historiography of China. – Moscow: Nauka, The Top Editorial Board of the Scientific Literature, 1968. – pp. 21–44.}
- Шаймердинова 2014 – *Шаймердинова Н.Г.* Древнетюркская картина мира в текстах письменных памятников. – Астана: ЕНУ, 2014. – 261 с. {*N.G. Shaymerdinova*. The Ancient Turkic Worldview in the Texts of Written Monuments. – Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2014. – 261 pp.}
- Шарипов 2014 – *Шарипов П.Г.* Мировоззрение древнетюркской кочевой элиты и культ каменных изваяний // Вестник Башкирского университета. – Уфа, 2014. – Т. 19. – № 1. – С. 324–330. {*R.G. Sharipov*. The Worldview of the Ancient Turkic Nomad Nobility and the Worship of the Stone Sculptures // The Bulletin of Bashkir State University. – Ufa, 2014. – Volume 19. – #1. – pp. 324–330.}
- Шер 1966 – *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. – М.: Наука, 1966. – 139 с. {*Ya.A. Scher*. The Stone Sculptures of Jeti-Su (Seven Rivers Region). – Moscow: Nauka, 1966. – 139 pp.}

To the question of legal relations in ancient Turkic societies: can epitaphs be source of law?

Almaz R. Mukhamadeyev

Kazan

Summary: The article considers texts from the ancient Turkic runic epitaphs. The author of the article, basing on the study of epitaph inscriptions, made conclusions about one of their possible goals, except for their immediate purpose, as funeral texts. According to the author of the article, part of the epitaph texts are sources of law, stating some events as legal facts, and also declaring for members of society some actions and norms of behavior. Both those and others were obligatory for execution by fellow tribesmen, relatives, heirs, etc. As sources of law, epitaphs could regulate relations in terms of property rights, contracts (oaths), inheritance, etc.

Key words: ancient Turkic peoples, written monuments, epitaphs, succession, property, source.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

МЕТРИКА УЗБЕКСКИХ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЙ СИЛЛАБО-ТОНИКИ

Б.В. Орехов

г. Москва

Резюме: В статье рассматриваются эквиваленты силлабо-тонических размеров русской поэзии при переводе на узбекский язык. В центре внимания частотность употребления, которая становится основанием для выводов о функциональности размера. Автором делаются предварительные подсчеты частотности размеров в поэтических книгах современных узбекских авторов. Полученные цифры сравниваются с частотностью размеров в русской поэзии. Основной вопрос – какими силлабическими размерами переводят стихи на русском языке. Почти все русские размеры передаются 11-сложником, исключения делаются для наиболее распространенных в русской поэзии четырехстопного ямба и четырехстопного хорея, а также для коротких строк.

Ключевые слова: стиховедение, перевод, узбекский язык, Пушкин, четырехстопный ямб, силлабическое стихосложение

Проблема соответствия метрики оригинала и перевода поэтического текста ставилась неоднократно как переводчиками-практиками, так и филологами. До собственно научного осмысления она была предметом дискуссии в литературной критике. В 1810-х гг. состоялся спор о том, следует ли переводить Гомера александрийским, народным стихом или русским гекзаметром [Егунов 2001: 157–169]; в 1820-х – следует ли переводить Тассо и Ариосто александрийским стихом или Я5 [Харлап 1981: 4–9]. Филологический подход предполагает не выработку единственного решения, а описание существующего положения вещей. Исследователи обращали внимание на жанровую эквивалентность армянского Я5 и русского вольного ямба [Папаян 1974: 258], 8-сложника «Калевалы» и Х4 у Л.П. Бельского и других переводчиков финского эпоса [Орлицкий 2009]. За вниманием к этой стороне перевода стоит общее представление о неслучайности формы в художественном целом: «Форма произведения всегда менее всего произвольна, всегда предусматривается не сознанием, а как бы инстинктом художника» [Комарович 1922: 200].

Орехов Борис Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: nevmenandr@gmail.com

Особенный интерес представляют случаи, когда поэтические произведения созданы в иной системе стихосложения, нежели господствует в языке, на который текст переводится. В науке накоплен некоторый опыт наблюдения за такого рода взаимодействием поэтических систем на материале русскоязычных переводов европейской поэзии. Многие заметные европейские поэтические традиции классической эпохи, пользовавшиеся интересом русских переводчиков (итальянская, французская, польская), построены на силлабическом принципе. При этом стих русских переводов традиционно силлабо-тонический. Еще в XVIII–XIX вв. русские поэты выработали свой код для передачи некоторых силлабических форм. Я5 для итальянского 11-сложника, Я6 для французского 12-сложника [Папаян 1975: 257] и т. д. Исключения из этой тенденции появлялись постоянно, но оставались на периферии литературного процесса. Самым заметным (см. [Македонская 1998] и др.) из таких отступлений от общего правила за последние десятилетия стал выполненный А.А. Илюшиным перевод «Божественной комедии» русским силлабическим стихом [Данте 2008].

Есть свои наблюдения и над тем, как принято передавать по-русски тюркскую силлабику [Ковалев 1991; Ковалев 2014; Орехов 2019: 189–192]. Что происходит на уровне стиха при обратном направлении перевода (с русского языка на тюркские языки) исследовано заметно хуже. Так, обзревая историю узбекских переводов «Гамлета», исследователи избегают рефлексии над стихотворной формой, ограничиваясь описанием контекста и семантики [Гулямова 1975; Мирзабова 2018], хотя перед нами очевидно любопытный случай: для передачи Шекспира избирается 12-сложник, как мы увидим далее, почти отсутствующий и в переводах русских поэтических текстов, и в современной оригинальной узбекской поэзии.

Выбирая, каким будет метрическое оформление поэтического текста в языке-цели, переводчик может либо исходить из соображений эквивалентности стиху в языке-источнике, либо, игнорируя метрику оригинала, ориентироваться на субъективные представления об уместности той или иной стиховой схемы для данного конкретного текста. Во втором случае выбор будет строго индивидуальным, внесистемным, а значит, слабо предсказуемым на фоне всей переводческой традиции. Кажется, именно так обстояло дело с русскими переводами башкирской поэзии советского времени [Орехов 2019а: 189–192].

Эквивалентность метра в свою очередь может быть осмыслена формально и функционально. Формальная эквивалентность – это результат абсолютизации отдельных черт внешнего сходства стиха оригинала и стиха перевода. Хрестоматийный пример подобного рода – метрические схемы, изобретаемые для передачи на русском языке античных размеров. Русский гекзаметр формально напоминает древнегреческий гекзаметр, если принять за точку отсчета эквивалентность долгих слогов в классическом языке и ударных в современном. Очевидно, что кристаллизации соответствий вроде «Я5 – 11-сложник» и «Я6 – 12-сложник» также способствовало формальное сходство: число слогов в силлабо-тонической и силлабической строках оказывается равным.

Случай Х4 для передачи финского эпического восьмисложного стиха более комплексный, так как к формальному подобию добавляется и функциональное сходство: в русской традиции именно Х4 прочно ассоциируется с фольклорной

тематикой [Гаспаров 2000: 69, 175]. Функциональная эквивалентность предполагает, что в языке-источнике и в языке-цели стихотворные размеры обладают примерно сходным ассоциативным рядом, который в свою очередь является следствием примерно одинаковой распространенности и жанровой закреплённости.

Характерный случай противоречия формальной и функциональной эквивалентности – перевод гомеровского гекзаметра александрийским стихом, т. е. Яб с цезурой после третьей стопы и сдвоенной рифмовкой, подразумевающей чередование женских и мужских окончаний. Предполагается, что законченная мысль, умещавшаяся у Гомера в один стих, в александринах должны быть растянута на две строки. Русский гекзаметр, использованный в XIX в. для классического перевода Н.И. Гнедича, уже назван выше образцом формальной эквивалентности. Александрийский стих совсем не похож на древний размер внешне, в силу названных причин не соотносится с ним по числу слогов, однако именно такого рода Яб было принято в XVIII в. писать эпические поэмы (и трагедии – ещё один образец «высокого» жанра). Поэтому совершенно естественно, что в 1770-х гг. Е.И. Костров избирает для своего перевода «Илиады» именно александрины.

По всей видимости, именно функциональная эквивалентность размеров первична и обладает наибольшим весом при выборе метра перевода. Достижение функционального подобия порой даже становится частью определения художественного перевода как деятельности: «художественный перевод рассматривается как рецептивно-репродуктивный вид речевой деятельности, направленный на установление „функционального подобия“ между произведениями (текстами) двух разных языков и/или на достижение „эстетического воздействия, равного или близкого воздействию текста оригинала“ на рецепторов ПЯ» [Глебов 1988: 39].

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть вопрос о (насколько можно судить, стихийно) формирующихся функциональных эквивалентностях русских силлабо-тонических размеров и форм узбекского силлабического стиха. Материалом исследования послужили современные переводы произведений О. Мандельштама [Мандельштам 2015], Б. Пастернака [Пастернак 2018], А. Вознесенского [Вознесенский 2015] и главным образом – А. Пушкина [Пушкин 2019; Pushkin 2013].

Решающее значение для понимания места стихотворного размера имеет его распространенность. Именно по частотности употребления в поэтической практике мы можем судить о функциональной нагрузке метра. Так, проникая во все стихотворные жанры и став доминирующим в начале XIX в., Я4 становится как бы «типичным представителем русского стиха в целом» [Гаспаров 2000: 113]. Его жанровая привязка стирается, а связанная с этим размером семантика становится предельно обобщенной. Функционально эквивалентным ему в другой стиховой культуре (например, узбекской) должен стать размер, обладающий такими же качествами, а перевод Я4 редким размером должен восприниматься как нарушение принципа функциональной эквивалентности. Из этого следует, что невозможно говорить о метрике узбекских переводов, не представляя себе картину распределения размеров в поэтическом корпусе.

Тем не менее, обобщающие труды, опирающиеся на количественные показатели популярности поэтических размеров в узбекской поэзии, отсутствуют. В отличие от хорошо исследованных киргизского, чувашского, башкирского (и не-

которых других тюркских) стихосложений [Шаповалов 1986; Родионов 1992; Орехов 2019а], узбекская поэтическая культура пока представляет собой проблемный участок на стиховедческой карте. В нашем распоряжении есть только разбросанные по отдельным работам замечания, помогающие лишь весьма приблизительно реконструировать общую картину.

В основополагающей для узбекского стиховедения диссертации [Туйчиев 1963] отсутствуют подсчеты, раскрывающие место силлабических размеров в метрическом репертуаре. В книге [Стеблева 2012: 159–169] количественных данных также нет, но содержатся оценки распространенности некоторых размеров в творчестве отдельных авторов. Так, наиболее заметными оказываются изосиллабические 7-, 9-, 11-сложники, а также регулярное чередование 8- и 7-сложных строк (см. [Орехов 2019б]).

Пока наукой не создано панорамного квантитативного обследования узбекского стихосложения, приходится использовать результаты предварительных подсчетов. В качестве фона здесь выступают 5 поэтических книг современных узбекских авторов [Искандар 2010; Мустафоев 2012; Назармат 2007; Рауф 2018; Шер 2010]. При всей осознаваемой недостаточности этот материал может послужить единственной доступной точкой отсчета для количественной оптики в исследовании переводов русской силлабо-тоники.

В большинстве попавших в выборку оригинальных произведений узбекских поэтов мы обнаруживаем изосиллабическую структуру, то есть равное число слогов в каждой строке в пределах одного стихотворения. В отдельных случаях можно наблюдать также паралогическую структуру (см. [Орехов 2019а: 165]), то есть регулярное чередование строк определенной длины, в данном случае – 8- и 7-сложной.

Совершенно иную картину дает книга А. Шера, которая целиком состоит из форм вольного силлабического стиха (о понятии вольного силлабического стиха см. [Орехов 2019а: 185–186]), т. е. неурегулированных последовательностей строк непредсказуемой длины. При этом строки содержат спорадическую рифму и в целом небольшую разницу в длинах соседних строк, что не позволяет отнести их к чистому верлибру.

Четыре оставшиеся книги позволяют составить общее представление о распределении силлабических размеров в инструментарии современного узбекского поэта. Подавляющее преимущество перед другими метрами имеет 11-сложник (141 стихотворение), с серьезным отставанием от него на втором месте идет 9-сложник (76 стихотворений), затем следуют 7-сложник (69 текстов), 15-сложник (26 стихотворений), чередование 8- и 7-сложных строк (20 стихотворений) и 13-сложник (17 стихотворений). Остальные размеры имеют менее 15 вхождений.

В книгах разных авторов распределение, разумеется, отличается от общего. Так, 11-сложник не является самым востребованным размером для Э. Мустафоева (9 произведений), который предпочитает 8-/7-сложники (16 стихотворений) и 15-сложники (17 текстов). В остальных стихотворных сборниках доминирующее положение 11-сложника не оспаривается.

Вторым по значимости после 11-сложника для И. Искандара выступает не 9-сложник (12 стихотворений), а 7-сложник (23 стихотворения), который полностью отсутствует в книге Мустафоева. Подробнее см. в таблице 1.

Жанровое распределение между размерами в современной поэзии, очевидно, выражено слабо. Так, поэмы Назармата и Э. Мустафоева написаны 9-сложными и 8-/7-сложными стихами, а баллада Назармата – тем же 9-сложником. Это говорит о вполне ожидаемом отсутствии закреплённости метра за определенным жанром.

Таким образом, наиболее близким по функциональности русскому Я4 должен быть узбекский 11-сложник, универсальный размер, выступающий в роли «типичного представителя стиха в целом». Аналог русского Я5 – 9-сложник, тоже частотный, но не такой универсальный, как 11-сложник. Третий по частотности в русской поэзии размер – Х4 – может быть сопоставлен с узбекским 7-сложником, а длинные 15-сложные или короткие 8-/7-сложные строки аналогичны русскому Х5. Разумеется, эти сопоставления сугубо условны, особенно начиная со второй позиции, однако, функциональная нагруженность четырехстопного ямба и 11-сложника несомненна.

Длина строки	Искандар	Мутафоев	Назармат	Рауф	Всего
4	1	0	0	0	1
6	1	0	0	0	1
7	23	0	43	3	69
8	5	2	4	0	11
8/7	2	16	2	0	20
9	12	2	50	12	76
10	2	0	0	0	2
11	29	9	73	30	141
12	1	0	2	0	3
13	3	1	13	0	17
14	6	4	4	0	14
15	0	17	9	0	26
16	0	0	1	1	2
Всего	85	51	201	46	383

Таблица 1. Число стихотворений, написанных силлабическим размером

Какими силлабическими метрами переводилась русская силлабо-тоника на узбекский, удобно представить в виде двудольного графа (рис. 1). Такой граф способен наглядно представить отношения между двумя классами сущностей. Из этой репрезентации видно, что однозначных соответствий между силлаботоническими и силлабическими размерами фактически нет. Это означает, что по метру перевода читатель не может судить о метрике оригинала. Так, чередование 6- и 7-сложных строк служит для передачи только Х4, но сам Х4 может быть передан шестью разными способами, при этом 6-/7-сложник среди них не самый частотный. Эквивалентом Х3 избран только 5-сложник, но сам 5-сложник используется одновременно и для Я3, и для Я2, и для Д2.

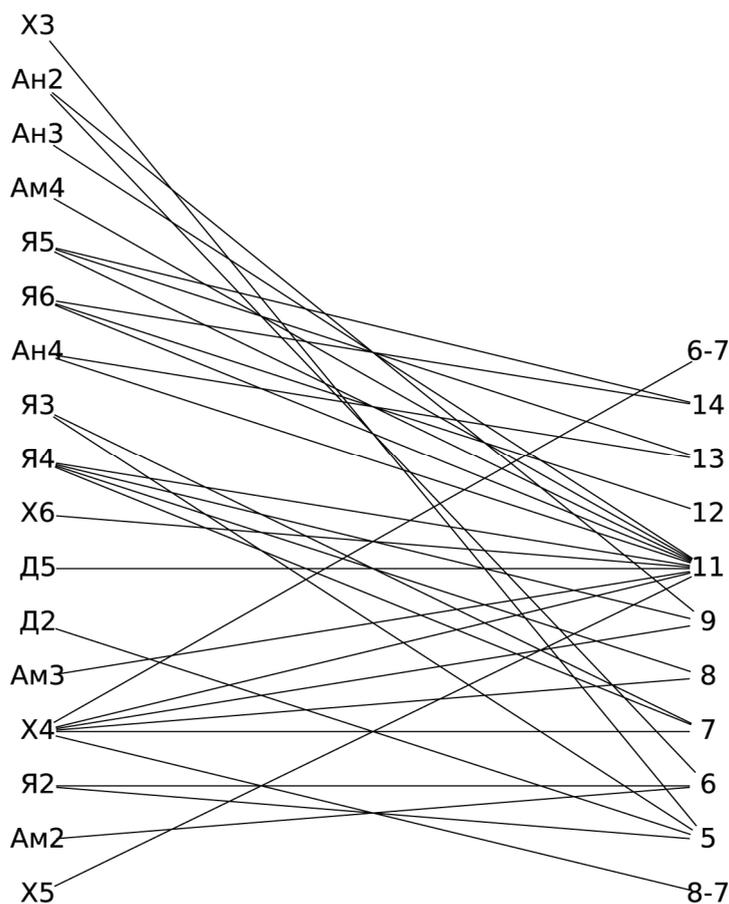

Рис. 1. Двудольный граф метрических соответствий в переводе. Левая доля представляет силлабо-тонические метры (сокращенное обозначение метра и число стоп), правая – число слогов в силлабической строке.

Однако на фоне этого разнообразия все же отчетливо выделяется ряд тенденций.

Во-первых, число размеров переводов заметно меньше числа размеров оригинала: 11 (что приблизительно соответствует картине в выборке оригинальной поэзии: 13) против 17. Таким образом, происходит трансформация метрической системы, которая подстраивается под закономерности языка-цели. Эта трансформация проявляется главным образом в упрощении метрического репертуара. Тенденция весьма предсказуемая, если учитывать, что максимальный диапазон тюркской силлабики вообще может включать не более 14 единиц изосиллабических размеров от сверхкороткого 4-сложника до сверхдлинного 18-сложника (вопрос о том, возможен ли он в башкирской поэзии, дискуссионен, см. [Орехов 2019а: 94, 98]). Расширение этого ряда возможно за счет регулярного чередования строк разной длины, но узбекская традиция этой возможностью почти не пользуется, ограничиваясь изосиллабизмом.

Во-вторых, мы находим некоторые параллели обратному процессу – тому, как в русской поэтической традиции передавались тюркские стиховые формы.

Казахский 6-сложник традиционно передается по-русски Ан2 [Ковалев 1991: 11]. Случай такого же корреспондирования есть и в нашей выборке, причем сравнительно необычный. «Приглашение на луну» («Ойга таклиф») Мандельштама построено как регулярное чередование Ан2 и Х3, а перевод – как чередование 6- и 5-сложных стихов, таким образом, Ан2 оказывается соответствующим именно 6-сложнику. Закрепленный за фольклорной поэтикой благодаря тюркскому эпосу 7-/8-сложник находит естественное воплощение в русском Х4 (хотя более частотным все же оказывается ямб той же стопности [Ковалев 1991: 20]; ср. похожий случай с 8-сложным стихом «Калевалы» выше). Так, пушкинский «Зимний вечер» («Киш окшоми») передан правильным чередованием 8- и 7-сложных стихов. Однако приходится признать, что такие случаи являются единичными и должны, вероятно, иметь статус совпадений, а не репрезентации системных отношений.

Во-вторых, 11-сложник в самом деле выступает как универсальный размер, которым может быть передан практически любой размер оригинала за исключением сверхкоротких. К сверхкоротким мы должны отнести трехстопные варианты двусложных размеров и двусложные варианты трехсложных. Я3 будет передан 7- или 5-сложником («Я наравне с другими...» – «Ўзгала-ла тенгма-тенг...» Мандельштама), а Ан2 – 9-сложником («Реплика в экологической дискуссии» – «Экология борасидаги мунозарада айтилган луқма» Вознесенского), то есть стихами короче 11 слогов.

Более детальную картину можно наблюдать на рис. 2, где дана тепловая карта количественных соответствий размеров в разных системах.

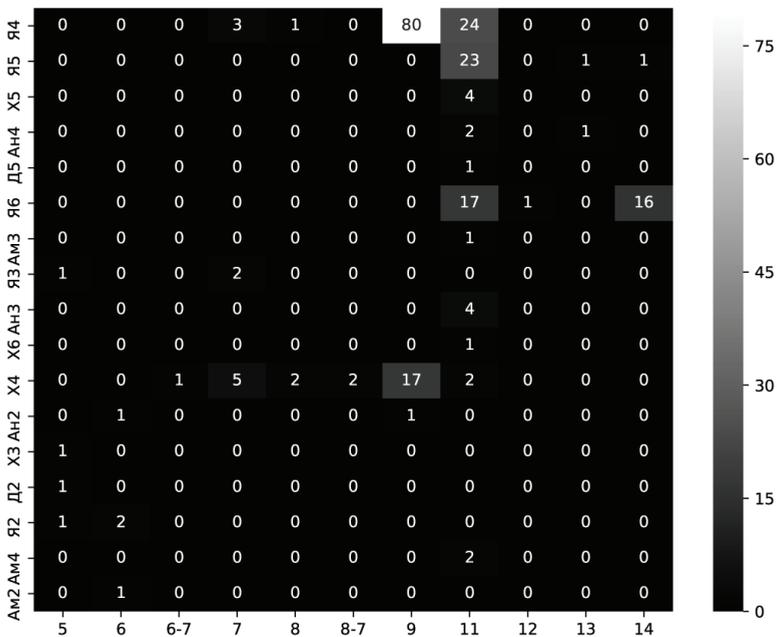

Рис. 2. Тепловая карта передачи русских силлабо-тонических размеров в узбекских переводах. Ячейка окрашена тем более светлым цветом, чем больше соответствий между размерами.

Действительно, практически любой размер русской поэзии может быть передан 11-сложником, но есть особенные случаи, когда другие силлабические метры оказываются более востребованными для перевода силлабо-тоники.

Прежде всего, мы видим, что хотя Я4 в ряде случаев может в переводе стать 11-сложником, самая частотная кросспоэтическая связка – это Я4–9-сложник. Примеры этих отношений есть и в переводах О. Мандельштама («О, как мы любим лицемерить...» – «Тан олгимиз келмайди нечун...»), и в переводах А. Вознесенского («Сон» – «Туш»). Наиболее естественным 9-сложник видится и для перевода Х4. Особое место в этой системе занимает и Я6, в конкуренцию за который вступают 11-сложник и 14-сложник.

Так становится более отчетливо виден вектор происходящего при переводе упрощения метрической системы оригинала. Практически все размеры подлинника передаются универсальным 11-сложником. Если не считать единичных исключений, то самыми заметными отступлениями от этого принципа становятся Я4, Х4 и Я6.

По всей видимости, особое положение Я4 в этом ряду продиктовано его маркированностью в русской поэзии. Любопытный семиотический парадокс в том, что узбекские переводчики ощущают исключительный статус Я4 и, стремясь передать его на своем языке, используют для этого немаркированный 9-сложник, так как функциональная ниша маркированного сходным с Я4 образом 11-сложника уже занята. Именно 9-сложник из всего метрического репертуара выбирается уже по формальному основанию: он самый близкий по числу слогов к Я4 распространенный силлабический размер: строка Я4 с женским окончанием будет иметь как раз 9 слогов. Я4 с мужской клаузулой насчитывает 8 слогов, но как мы видели в таблице 1, узбекская метрика в целом предпочитает стихи нечетной длины.

Случай Х4, очевидным образом, аналогичен: особое его место в русской поэтической культуре провоцирует «отталкивание» от усредненного 11-сложника, а формальное сходство подсказывает использование 9-сложника.

Примечателен случай Я5. Если бы переводчик и стремился из функциональных соображений выделить эту единицу метрической системы, то оказалось бы, что у Я5 нет другого формального эквивалента, кроме того же самого 11-сложника. Я5 с женской клаузулой – это 11 слогов, а Я5 с мужским окончанием – это практически не используемый в узбекской поэзии 10-сложник (в переводах русской поэзии мы его вообще не наблюдаем).

Я6 как 14-сложник передают исключительно в переводах Пушкина. В случае с остальными поэтами используется только 11-сложник. Распределение в пушкинских переводах не вполне ясно. По всей видимости, зависит оно не от метрики оригинала, так как форма александрийского стиха (чередование парных мужских и парных женских рифм) может быть передана обоими способами: «Дева», «Сожженное письмо» – 14-сложник; «Завидую тебе, питомец моря смелый...», «Надеждой сладостной младенчески дыша...» – 11-сложник. Аналогичным образом и Я6 с перекрестной рифмовкой может быть передан и так, и так: К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...»), «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»); перевод изосиллабичен, и 11-сложником переданы те фрагменты текста, которые написаны Я4) – 11-сложник; «Красавица перед зеркалом» – 14-сложник.

Ориентируясь на то, что мы уже знали о формальных соответствиях силлабо-тонических и узбекских силлабических размеров, мы бы ожидали увидеть регулярной формой для передачи Я6 13-сложник: русская ямбическая строка с мужским окончанием + 1 слог. Любопытно в этом случае, что наравне с 11-сложником используется не предсказанный формальный эквивалент Я6, а 14-сложник, который длиннее русской строки Я6 с мужской клаузулой на два слога. Возможно, объяснение этому подсказывает распределение 13- и 14-сложников в оригинальном творчестве узбекских поэтов (таблица 1). 13-сложник хотя и оказывается незначительно частотнее, получает свои цифры за счет поэтической книги одного автора, в то время как 14-сложник практически равномерно распределен по сборникам трех поэтов. Это подталкивает к мысли, что 14-сложник более естественный и менее индивидуально окрашенный размер в узбекской метрической системе (что, разумеется, нуждается в уточнении на более широкой выборке текстов). Сама по себе чувствительная длина, вероятно, может напоминать об эпохе тюркского аруза, то есть ассоциироваться с поэтической древностью: метр аруза рамал-и мусамман-и махзуф, которым написана существенная часть газелей Алишера Навои, в терминах силлабики насчитывает 15 слогов. Вероятно, эти поэтические ассоциации инспирировали решение переводчика о передаче части Я6 Пушкина не универсальным силлабическим 11-сложником, а хранящим память жанра длинным 14-сложником. Показательно в этом смысле, что строки Я6 не нуждающихся в «состаривании» поэтов XX в. Мандельштама и Вознесенского переводятся только 11-сложником.

Как мы видим, выбор метрического эквивалента при переводе на узбекский язык происходит в два этапа. Сначала задействуются общие соображения формальной эквивалентности. Если силлабо-тонический размер оказывается короче некоторого психологического предела, то для него выбирается соответствие из набора нечетных силлабических метров короче 11 слогов. В противном случае вступают в силу соображения функциональной эквивалентности. Если они из-за маркированности силлабо-тонического размера не позволяют приравнять его к 11-сложнику, то выбирается 9-сложник или (для придания оттенка поэтической старины) 14-сложник. Все прочие случаи передаются 11-сложником.

Формальные и функциональные ограничения тесно взаимодействуют и в равной степени влияют на выбор метрического эквивалента. Но увидеть детальную картину механизмов, работающих при переводе силлабо-тоники силлабикой мы сможем только после подробного количественного обследования современной узбекской метрики.

Сокращения

- Ам2 – двустопный амфибрахий
- Ам3 – трехстопный амфибрахий
- Ам4 – четырехстопный амфибрахий
- Ан2 – двустопный анапест
- Ан3 – трехстопный анапест
- Ан4 – четырехстопный анапест
- Д2 – двустопный дактиль
- Д5 – пятистопный дактиль

- Х3 – трехстопный хорей
 Х4 – четырехстопный хорей
 Х5 – пятистопный хорей
 Х6 – шестистопный хорей
 Я2 – двустопный ямб
 Я3 – трехстопный ямб
 Я4 – четырехстопный ямб
 Я5 – пятистопный ямб
 Я6 – шестистопный ямб

Литература

- Вознесенский 2015 – *Вознесенский А.* Шеърлар. – Тошкент, 2015. {*A. Voznesensky. Poems. – Tashkent, 2015.*}
- Гаспаров 2000 – *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. – М., 2000. {*M.L. Gasparov. Essay on the history of Russian verse. – Moscow, 2000.*}
- Глебов 1988 – *Глебов С.Ю.* Об одном этнопсихолингвистическом аспекте художественного перевода // Вестник ЛГУ. 1988. Сер. 2. Вып. 2. – С. 39–44. {*S.Yu. Glebov. About one ethnopsycholinguistic aspect of literary translation // Bulletin of Leningrad State University. 1988. Ser. 2. Issue 2. – PP. 39–44.*}
- Гулямова 1974 – *Гулямова Д.* «Гамлет» на узбекском языке // Мастерство перевода. Сборник Десятый. 1974. – М., 1975. – С. 321–331. {*D. Gulyamova. “Hamlet” in the Uzbek language // Mastery of translation. Collection 10th. 1974. – Moscow, 1975. – PP. 321–331.*}
- Данте 2008 – *Данте Алигьери.* Божественная комедия. М., 2008. {*Dante Alighieri. The Divine Comedy. – Moscow, 2008.*}
- Искандар 2010 – *Искандар И.* Яшил хиргойи (шеърлар). Тошкент, 2010. {*I. Iskandar. The green ring (poems). – Tashkent, 2010.*}
- Ковалев 1991 – *Ковалев П.А.* Освоение стихотворных форм тюркоязычной поэзии в русской литературе. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Ташкент, 1991. {*P.A. Kovalev. Borrowing the poetic forms of Turkic poetry in Russian literature. Abstract ... candidate of philological sciences. – Tashkent, 1991.*}
- Ковалев 2014 – *Ковалев П.А.* Формы интерпретации тюркского силлабического стиха в русской поэзии // Имагология и компаративистика. – 2014. – № 2. – С. 114–121. {*P.A. Kovalev. Forms of interpretation of the Turkic syllabic verse in Russian poetry // Imagology and comparative studies. – 2014. – No.2. – PP. 114–121.*}
- Комарович 1922 – *Комарович В.* Ненаписанная поэма Достоевского // Достоевский. Статьи и материалы. I. – Петербург, 1922. – С. 177–207. {*V. Komarovich. The Unwritten Poem by Dostoevsky // Dostoevsky. Articles and materials. I. – Petersburg, 1922. – PP. 177–207.*}
- Македонская 1998 – *Македонская Е.И.* Данте по-русски // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 28–32. {*Ye.I. Macedonskaya (Makedonskaya). Dante in Russian // Russian Speech. – 1998. – No.1. – PP. 28–32.*}
- Мандельштам 2015 – *Мандельштам О.* Шеърлар. – Тошкент, 2015. {*O. Mandelshtam (Mandelstam). Poems. – Tashkent, 2015.*}
- Мирзабова 2018 – *Мирзабова Ж.И.* Сравнительный анализ переводов трагедии «Гамлет» на узбекский язык // Российская тюркология. – 2018. – № 3–4. – С. 65–82. {*Zh.I. Mirzabova. Comparative review of the translations of «The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark» in Uzbek // Russian Turkology. – 2018. – No.34. PP. – 65–82.*}
- Мустафоев 2012 – *Мустафоев Э.* Мен шеърят шойдосиман: шеърлар, сонетлар, баллада ва дoston. – Тошкент, 2012. {*E. Mustafoev. I am a poet of poetry: poems, sonnets, ballads. – Tashkent, 2012.*}
- Назармат 2007 – *Назармат.* Умрим мазмуни: Шеърлар, дostonлар. – Тошкент, 2007. {*Nazarmat. The meaning of my life: Poems. – Tashkent, 2007.*}
- Орехов 2019а – *Орехов Б.В.* Башкирский стих XX века. Корпусное исследование. – СПб., 2019. {*B.V. Orekhov. Bashkir verse of the XX century. Corpus study. – Saint-Petersburg, 2019.*}

- Орехов 2019б – Орехов Б.В. Метр отрезков длиннее строки в башкирском силлабическом стихе // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2019. – Т. 78. – № 2. – С. 41–50. {*B.V. Orekhov. Meter of segments longer than a line in the Bashkir syllabic verse // Bulletin of RAS. A series of literature and language. – 2019. – Vol.78. – No.2. – PP. 41–50.*}
- Орлицкий 2009 – Орлицкий Ю.Б. Стих «Калевалы» в русской поэзии и прозе // Арт. – 2009. – №3. – С. 136–148. {*Yu.B. Orlicsky. "Kalevala" verse in Russian poetry and prose // Art. – 2009. – No.3. – PP. 136–148.*}
- Папаян 1975 – Папаян Р. К вопросу о метрических эквивалентах (Армянская и русская поэзия) // Мастерство перевода. Сборник Десятый. 1974. – М., 1975. – С. 254–277. {*R. Papayan. On the issue of metric equivalents (Armenian and Russian poetry) // Mastery of translation. Collection 10. 1974. – Moscow, 1975. – PP. 254–277.*}
- Пастернак 2018 – Пастернак Б. Доктор Живаго. Роман. – Тошкент, 2018. {*B. Pasternak. Doctor Zhivago. – Tashkent, 2018.*}
- Пушкин 2019 – Пушкин А.С. Тумор: шеърлар, достонлар, драма. – Тошкент, 2019. {*A. Pushkin. Works: poems, drama. – Tashkent, 2019.*}
- Рауф 2018 – Рауф М. Муаллақ чексизлик. Шеърлар. – Тошкент, 2018. {*M. Rauf. Unlimited infinity. Poems. – Tashkent, 2018.*}
- Родионов 1992 – Родионов В.Г. Чувашский стих. Проблемы становления и развития. – Чебоксары, 1992. {*V.G. Rodionov. Chuvash verse. Problems of formation and development. – Cheboksary, 1992.*}
- Стеблева 2012 – Стеблева И.В. Тюркская поэтика: этапы развития: VIII–XX вв. – М., 2012. {*I.V. Stebleva. Turcic poetics: stages of development: 8th–20th centuries. – M., 2012.*}
- Туйчиев 1963 – Туйчиев У. Система бармак в узбекской советской поэзии. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Ташкент, 1963. {*U. Tuychiyev. The system of barmak in Uzbek Soviet poetry. Abstract ... candidate of philological sciences. – Tashkent, 1963.*}
- Харлап 1981 – Харлап М.Г. Силлабика и возможности ее воспроизведения в русском переводе // Мастерство перевода. 1979. – М., 1981. – Сб. 12. – С. 4–50. {*M.G. Kharlap (Harlap). Syllabics and the possibilities of its reproduction in the Russian translation // Mastery of translation. 1979. – Moscow, 1981. – Issue. 12. – PP. 4–50.*}
- Шаповалов 1986 – Шаповалов В. Киргизская стихотворная культура и проблемы перевода. – Фрунзе, 1986. {*V. Shapovalov. Kyrgyz poetic culture and translation problems. – Frunze, 1986.*}
- Шер 2010 – Шер А. Сарбаст кўшиқлар. – Тошкент, 2010. {*A. Sher. Sarbast Songs. – Tashkent, 2010.*}
- Pushkin 2012 – Pushkin A. Tanlangan asarlar. – Toshkent, 2012. {*A. Pushkin. Selected works. – Tashkent, 2012.*}

Uzbek meters in translations of Russian sillabo-tonic poetry

Boris V. Orekhov

Moscow

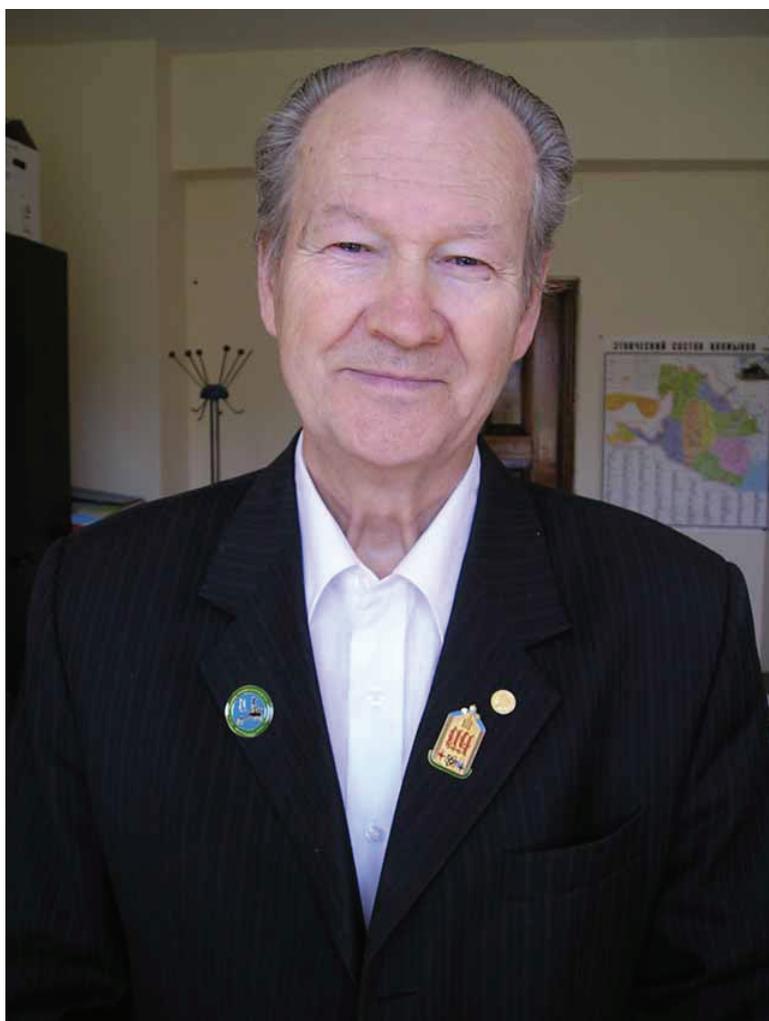
Summary: The article considers equivalents of syllabotonic meters of Russian poetry in their translations into Uzbek. The focus is on the frequency of use, which becomes the basis for conclusions about the functionality of the meter. The author makes preliminary calculations of the frequency of meters in the poetic books of contemporary Uzbek authors. The obtained numbers are compared with the frequency of meters in Russian poetry. The main question is what syllabic meters are used for the poems are translated from Russian. Almost all Russian meters are (and could be) translated by an 11 syllables verse, exceptions are made for the most common in Russian poetry four feet iambus and four feet trochee, as well as for short lines.

Keywords: verse studies, translation, Uzbek language, Pushkin, four feet iambus, syllabic verse system

ПЕРСОНАЛИИ

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ РАССАДИН – ПАМЯТИ УЧЕНОГО И В ГОД 80-ЛЕТИЯ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ

12.11.1939, г. Псков – 15.08.2017, г. Элиста

В.И. РАССАДИН – ТЮРКОЛОГ И МОНГОЛИСТ

Обсуждать все направления деятельности Валентина Ивановича Рассадина очень сложно, настолько многосторонней была его научная и педагогическая деятельность. По своему образованию В.И. Рассадин монголист: он окончил монгольское отделение Восточного факультета Ленинградского государственного университета. Но он также и тюрколог: его кандидатская и докторская диссертации написаны по тофаларскому языку. Можно назвать его человеком, который изучал и спасал миноритарные языки. Для одного из самых любимых своих объектов, для языка тофаларов, он создал алфавит, букварь, словари, написал серию пособий для преподавателей этого языка. Он сделал для тофаларского языка так много, что его попросили заняться в таком же аспекте языком другого малочисленного этноса – сойотов. Носители языка сами попросили Валентина Ивановича восстановить их тюркский язык, так как в настоящее время они в основном «омонголены». Совместно с Э.Ф. Чиспияковым он собрал материал для шорско-русского словаря. Это одна сторона деятельности В.И. Рассадина.

Необыкновенная жизнь у Валентина Ивановича даже в плане географии. Он родился в Пскове в 1939 г., школу закончил на Сахалине в г. Холмске, университет – в Ленинграде, в аспирантуру поступил в Новосибирске в 1962 г., когда там открылся гуманитарный факультет. В это время в Новосибирск приехала Е.И. Убрятова и, позднее, – В.М. Надеяев. Валентин Иванович Рассадин был одним из первых аспирантов Новосибирского государственного университета. Язык, которым он стал заниматься (тофаларский), был малоизученным.

Тему диссертации В.И. Рассадину подсказал В.М. Надеяев, который очень интересовался этим языком. Они ездили вдвоем в Алыгджер – место компактного проживания тофаларов в Саянах. Валентин Иванович, изучая язык тофаларов, проникся заботами этого народа, жил его жизнью. Тесть Валентина Ивановича стал его «проводником» в познании особенностей быта и культуры своих соплеменников. В.И. Рассадин был полностью адаптирован к среде, в которой жили носители изучаемого им языка.

Валентин Иванович с гордостью показывал, что умеет ставить чум – так, как это делают тофалары. Когда сотрудников Бурятского института общественных наук посылали на покос, все жили в палатках и мерзли, а он ставил себе чум. Он даже возил с собой специальное покрытие для чума из брезента. В чуме можно было даже жечь костер: и комаров нет, и тепло, так что «народ» в основном там и гостил.

Будучи аспирантом Е.И. Убрятовой, он проводил со студентами занятия по якутскому языку. Валентин Иванович был необыкновенным человеком: знающим и заинтересованным, очень скромным, очень трудолюбивым, очень спокойным. С ним было очень комфортно работать. Он давал возможность студентам выразить собственное мнение, обычное, ошибочное.

Это был и лингвист, и полиглот. После окончания Ленинградского государственного университета он был направлен в Монголию в Дархан переводчиком. Там он так усовершенствовал свой монгольский, что с гордостью говорил: «В темноте монголы принимают меня за монгола». При свете его, конечно, никто за монгола бы не принял: по происхождению Валентин Иванович был ижорец. В детстве он говорил на родном языке, родственном финскому, знал и финский язык, который с течением времени забыл, но затем его восстановил и переписывался с М. Рясняном по-фински.

Валентин Иванович обладал природным даром к восприятию звучания языков. В.М. Надеяев говорил, что В.И. Рассадин «изумительно слышит». Он сам себе был и томографом, и осциллографом. По звучанию языков В.И. Рассадин дифференцировал языки Сибири и Монголии. Он на слух определял, что монгольский язык образует свою консонантную зону с ведущим признаком «напряженность», а бурятский, вместе с эвенкийским и якутским, образует другую зону, в консонантных системах которых ведущим признаком является глухость//звонкость. Эта точка зрения подтверждается в дальнейших экспериментальных исследованиях.

Темой, проходящей красной нитью в исследованиях В.И. Рассадина, стала роль языковых контактов в формировании тюркских языков Сибири. У него была своя концепция расселения тюркских народов. На эту тему им был прочитан курс лекций в Новосибирском государственном университете.

Проблема языковых контактов рассматривалась уже в его первой монографии «Фонетика и лексика тофаларского языка» (1971), в которой дается не только тщательное описание фонетической и лексической систем этого языка, но, кроме распределения основной лексики тофаларского языка по тематическим, лексико-семантическим группам, проводится разбивка слов по происхождению: древнетюркская, древнеуйгурская, кыпчакская, кыргызская, кетская, селькупская и – один небольшой блок – лексика неизвестного происхождения.

В его второй большой монографии – «Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении» (1978) – проблема языковых контактов получила дальнейшую тщательную разработку. Анализируя грамматические маркеры, В.И. Рассадин показал, как происходит изменение форм в языке, развивавшемся в условиях изоляции, в данном случае, в тофаларском языке. Он определил, что изоляция этноса не исключает процесса языковых контактов. Так, система времен тофаларского глагола соответствует кыпчакско-кыргызско-уйгурской системе. Он назвал тофаларский язык связкой между тувинским и хакасским языками. В.И. Рассадин доказал, что язык тофаларов не диалект тувинского языка, а отдельный язык.

В.И. Рассадин работал в Улан-Удэ и разрабатывал темы по бурятскому языку. Общепринято в рамках алтайской гипотезы (еще с середины XX в.) устанавливать процентное соотношение тюркских, монгольских языков по степени близости. Так, по количеству общих элементов монголы ближе к тюркам, тюрки далеки от тунгусо-маньчжуров, тунгусо-маньчжуры ближе к монголам. Оказывается, что у бурятского языка тунгусская база. Анализируя звуковой состав современных бурятских говоров, он доказал, что бурятские говоры распадаются по данным фонетики на две группы: на более архаичную группу западных говоров и группу восточных говоров. Вокализм бурятских говоров сближается в основных чертах с дагурским языком (предполагаемым родственником киданьского) и ря-

дом восточномонгольских говоров, которые сформировались под сильным тунгусо-маньчжурским влиянием. В области консонантизма влияние тунгусо-маньчжурских языков В.И. Рассадин объясняет появление особого типа 's' вместо шипящих аффрикат, этот «шепелявый» s в результате действия ослабления напряженности дает h и слабый дорсальный d. Эти тунгусо-маньчжурские черты протобуряты принесли с собой в Забайкалье.

Но переход s в h в интервокальной позиции развивается и в якутском, представлен в якутском и переход s в t. Но в бурятском эти изменения связаны с закономерностями, которые не имеют места в якутском, и в лексике, заимствованной в якутский язык из бурятского, эти явления не отмечены.

Но возможность сильного ослабления напряженности под влиянием прибайкальских диалектов эвенкийского языка отрицается и самим В.И. Рассадиным. Он выделяет ареал тюркских языков Саяно-Алтая и Минусинской котловины, где тоже имеет место тенденция к ослаблению напряженности. Этот ареал вместе с некоторыми монгольскими языками и якутским образует обширный ареал с проявлением развития тенденции к ослаблению [Рассадин 1982: 160–171].

Ученый считал возможным, что тенденции развития звуковой системы бурятского, возникшей под влиянием тунгусо-маньчжурских языков, были усилены действием какого-то субстрата или адстрата, которое имело место уже на новой территории обитания бурят.

Таким образом, В.И. Рассадин исследовал результаты межъязыковых контактов не только на лексическом уровне, не только устанавливал фонетические изменения лексики при заимствовании, но и изменения на уровне организации всей фонологической системы контактирующих языков.

Когда изучали миноритарные языки Внутренней Монголии, выяснилось, что один из диалектов близок киданьскому языку. Оказывается, Валентин Иванович писал об этом раньше. Он считал, что, скорее всего, монгольский компонент в якутском в значительной мере киданьский, а наследник киданьского – дагурский язык.

В.И. Рассадин написал небольшую, но необыкновенно важную книгу о монгольских элементах в тюркских языках Сибири. Это не просто полная выборка из всех доступных словарей. В этой книге он приступает к теме, которую продолжает затем в нескольких монографиях: признаки, по которым можно выделить монголизмы в тюркских языках, и признаки, по которым можно выделить тюркизмы в монгольских языках. Он опубликовал несколько монографий о тюркских элементах в монгольских языках и о монгольских элементах в тюркских языках. В них намечены пути для дальнейшего исследования проблемы алтайской общности.

В.И. Рассадина считали антиалтаистом, но он не был антиалтаистом, так же как не был и алтаистом. Его позиция, которая совпадала с формулировкой Ронаташ, была опубликована в статье «Общее наследие или заимствования» в журнале «Общее языкознание» в 1974 г.: что нужно сделать, чтобы говорить о наличии общего наследия, а не перекрестного заимствования? Нужно выделить осадок взвеси, осевшей на дне, который мы можем назвать собственно алтайским.

Валентин Иванович последовательно шаг за шагом разрабатывал эту тему. Первым шагом было выделить все монголизмы в тюркских языках, проанализировать живой «верхний» слой монгольских заимствований. Оказалось, что самый монголизованный язык – якутский: в нем насчитывается 2400 монгольских

заимствований. Особенности монгольских заимствований в якутском языке описаны очень подробно. Вторым языком – тувинским. Тувинцы входили в состав Монгольского государства. До первой трети XX в. монгольский был языком политики и деловой письменности. Играли роль и прямые контакты. Так, Кунгуртук до сих пор практически двуязычный.

Следующий этап – выявить более древние элементы, тюркские в монгольских языках и монгольские элементы в тюркских языках. Валентин Иванович считал, что взаимодействие тюркских и монгольских языков очень древнее, потому что даже те случаи, когда мы имеем дело с лексемами, имеющимися во всех монгольских или во всех тюркских языках, – это совсем необязательно лексика, исконная для данных языков. Среди таких лексем могут быть заимствования на праязыковом уровне. Он считал, что этот древний слой заимствований относится к периоду ранней бронзы.

Валентин Иванович показал различия восточной и западной ветви по характеру тюркских заимствований. Первую ветвь он называл дунхуской, а вторую – хунской. Группы монголов были и в хунском объединении, и в более восточном дунхуском, и по-разному – и качественно, и количественно – представлены в них тюркские элементы. Этот второй шаг, исследование более древних заимствований, В.И. Рассадин сделал в двух своих монографиях, которые вышли в начале 2000-х гг. в Элисте – «Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков» (2007) и «Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков» (2008).

В.И. Рассадин считал, что для решения алтаистической проблемы необходимо менять методику исследований. Первый шаг, это «подробное рассмотрение контактов и взаимодействия конкретных языков, входящих в семью алтайских языков, например, тюркских и монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских, монгольских и тунгусо-маньчжурских и т.д.». Он разрабатывал проблему взаимоотношений тюркских языков с монгольскими и монгольских с тюркскими. Ученый принимал гипотезу о глубокой древности взаимодействия тюркских и монгольских языков. Поэтому наличие слова на общемонгольском уровне не исключает возможности его заимствования. Процесс взаимодействия тюркских и монгольских языков, начавшийся в очень древний период, продолжается и до настоящего времени. В.И. Рассадин выделяет тюркизмы и монголизмы, относящиеся к разным временным срезам и образовавшиеся в результате взаимодействия разных языков этих семей. Им разработана система критериев выделения тюркизмов и монголизмов из состава тюрко-монгольской языковой общности [Рассадин 2007: 22–30]. Он далеко продвинулся в решении поставленной задачи.

В этих книгах разработана методика определения монголизмов и тюркизмов. Валентин Иванович последовательно разбирался, как складываются живые языки, показывал пути смешения, пути контактов, как все эти вещи отразились на языковой системе. Так, бурятская вокальная система перестроилась по эвенкийскому типу, в то время как консонантная не успела. Очевидно, что произошел разрыв между ареалами обитания тунгусов и монголов. Валентин Иванович подошел уже к прямо поставленной задаче – выявить осадок (а, может быть, его и не существует), который можно было бы назвать алтайским.

В следующей книге, которую мы не дождалось, возможно, открылись бы перспективы для изучения этого оставшегося собственно алтайского осадка. Сейчас работы в этом направлении ведутся, но в другом ключе: в настоящее время исследователи начинают широко использовать корейский язык. Сам Валентин Иванович писал, что, к сожалению, не знает ни корейского, ни японского, поэтому не может расширить свою тему за счет этих языков. Он оперировал только теми языками, которые прекрасно знал.

Мы потеряли специалиста, ученого, очень независимого, который не подчинялся никакой моде, работал так, как он видел изучаемую проблему. Если бы в сутках было 30 часов, он работал бы все эти 30 часов. Последние годы Валентин Иванович был уже очень нездоров. Спасибо его супруге, которая помогала ему, печатала, записывала за ним.

Литература

- Рассадин, Шибкеев 1987 – *Рассадин В.И., Шибкеев В.Н.* Тоѳа букварь: Тофаларский букварь для первого класса тофаларских школ. – Иркутск, 1989. {*V.I. Rassadin, V.N. Shibkeyev.* To'fa bukvar'. The Tofa ABC-Book for the 1st grade of Tofa schools. – Irkutsk, 1989}.
- Рассадин 1971 – *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. {*V.I. Rassadin.* Phonetics and lexis of the Tofa language. – Ulan-Ude: The Buryat Book Publishing House, 1971}.
- Рассадин 1995 – *Рассадин В.И.* Тофаларско-русский и русско-тофаларский словарь. – Иркутск, 1995. {*V.I. Rassadin.* The Tofa-Russian and Russian-Tofa Dictionary. – Irkutsk, 1995}.
- Рассадин 1978 – *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978. {*V.I. Rassadin.* The Morphology of the Tofa language in Comparative Point of View. – Moscow, Nauka, 1978}.
- Рассадин 1980 – *Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М., 1980. {*V.I. Rassadin.* The Mongolian-Buryat Loanwords in Turkic Languages of Siberia. – Moscow, 1980}.
- Рассадин 2006 – *Рассадин В.И.* Словарь сойотско-русский. – СПб.: Дрофа, 2006. {*V.I. Rassadin.* The Soyot-Russian Dictionary. – Saint-Petersburg: Drofa, 2006}.
- Рассадин 1982 – *Рассадин В.И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М.: Наука, 1982. {*V.I. Rassadin.* Sketches on the Historical Phonetics of the Buryat Language. – Moscow, Nauka, 1982}.
- Рассадин 2007 – *Рассадин В.И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1: Тюркское влияние на лексику монгольских языков. – Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2007. {*V.I. Rassadin.* Sketches on the History of Formation of the Turkic-Mongolic Language Unity. Part 1: The Turkic Influence on the Lexis of Mongolic Languages. – Elista: Kalmytskiy gosudarstvennyi universitet, 2007}.
- Рассадин 2008 – *Рассадин В.И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. – Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2008. {*V.I. Rassadin.* Sketches on the History of Formation of the Turkic-Mongolian Language Unity. Part 2: The Mongolic Influence on the Lexis of Turkic Languages. – Elista: Kalmytskiy gosudarstvennyi universitet, 2008}.
- Рона-Таш 1974 — *Рона-Таш А.* Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопросы языкознания. 1974. – № 2. – С. 31–45. {*Róna-Tas András.* The Common Heritage or the Borrowings? // *Voprosy yazykoznanija*, 1974. – #2 – PP. 31–45.}

Н.Н. Широкова

д.ф.н., зав. сектора языков народов Сибири,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск

СКРОМНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ВЕЛИКИЙ УЧЕНЫЙ. ПРОФЕССОР В.И. РАССАДИН

Валентин Иванович Рассадин – известный ученый, доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Республики Бурятия, Республики Калмыкия, передовик науки Монголии, почетный профессор Монгольского университета «Гурван эрдэни», «Заслуженный профессор Бурятского государственного университета», «Почетный доктор Академии наук Монголии», иностранный член-корреспондент Международного финно-угорского научного общества (Финляндия), член редакционного совета журнала «Гуманитарный вектор» Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета, «Вестника Калмыцкого государственного университета», журнала «Российская тюркология», член Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, награжден золотой медалью «Хубилай-хан» Академии наук Монголии, «Почетный доктор Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук», награжден серебряной медалью «За заслуги в развитии науки Республики Саха (Якутия)», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», награжден орденом «Полярная звезда» Монголии, медалью «За вклад в развитие Калмыцкого государственного университета».

В Казани: асп. ТюмГУ Г.Н. Ниязова (крайняя слева), д.ф.н. В.И. Рассадин, д.ф.н. А.Т. Тыбыкова, д.ф.н. М.В. Бавуу-Сюрюн, д.ф.н. И.В. Шенцова

Впервые фамилию «Рассадин» я услышала в Казанском университете на факультете татарской истории, филологии и восточных языков. Считаю, любовь татар к В.И. Рассадину и В.И. Рассадина к татарам была взаимной. Будучи первоклассником, маленький Валентин, ижорец по национальности, научился говорить по-татарски от своего друга и одноклассника, с которым сидел за одной партой. Знание татарского языка открыло Валентину Ивановичу путь в мир тюркологии.

В.И. Рассадин известен миру прежде всего как ученый, вдохнувший жизнь в умирающие тюркские тофаларский и сойотский языки, как создатель письменности для этих бесписьменных ранее сибирских тюркских языков. Но очень часто забывается еще один его научный и гражданский подвиг. Профессор Рассадин – переводчик с немецкого языка на русский классического труда академика О.Н. Бётлингга «О языке якутов» (издан в Санкт-Петербурге в 1851 г.). Перевод В.И. Рассадина объемом 47 п.л. был опубликован в издательстве «Наука» в 1989 г.

«Это было в конце 1970-х гг. На заседании комитета советских тюркологов зашел разговор о том, что якутский язык достаточно изучен, но очень ценное исследование Отто Бётлингга недоступно не только для европейских, владеющих немецким, но и для российских исследователей. Одна из основных причин тому – старинный язык середины XIX в., академический, такой язык очень тяжелый. Тогда, в конце 1960-х гг. я был аспирантом Новосибирского университета. Моим руководителем была хорошо известная в научных кругах Е.И. Убрятова. На одной из конференций мне посчастливилось через нее познакомиться с Е.И. Коркиной, профессором, доктором филологических наук. Именно она предложила мне перевести книгу немецкого лингвиста... Бётлингк в своем труде использовал лексику разных языков: якутского, тюркского, монгольского, старо-монгольского, санскритского, тибетского, маньчжурского, арабского...

...Когда работа была закончена и книгу напечатали, Елизавета Ивановна была жива. Первый выпуск вышел в 1989 г. Я находился в это время в командировке. Книгу я получил именно от нее – это было ее последнее послание» [Языки 2014: 86].

Д.ф.н. В.И. Рассадин, д.и.н. И.Л. Кызласов, д.ф.н. П.А. Слепцов

д.ф.н. Г.Ф. Благова, д.ф.н. В.И. Рассадин, д.ф.н. И.В. Кормушин

В труд академика Бётлингга, кроме основного содержания, вошли первый литературный памятник на якутском языке «Воспоминания» А.Я. Уваровского, якутский героический эпос олонхо «Эр Соготох», записанный со слов Уваровского, загадки, перевод на якутский язык песни девушки из народа чудь, а также якутско-немецкий словарь, составленный по материалам путешественников XVIII–XIX вв. и по текстам А.Я. Уваровского. Не будем забывать, что все эти ценные материалы были переведены на русский язык профессором В.И. Рассадиным.

Много сил и энергии в течение своей научной жизни В.И. Рассадин в тесном сотрудничестве со своим научным руководителем Е.И. Убрятовой отдал якутской тематике. «Лексикологи Якутии провели исследование слов неизвестного происхождения, выделенных еще В.В. Радловым, поскольку развитие их этимологии могло послужить исторической основой его гипотезы происхождения якутов от потомков народа, говорившего на неизвестном языке и который, по предположению В.В. Радлова, был сначала омонголен, а затем подвергся тюркизации. Многие годы исследованием этой проблемы занимался Н.К. Антонов, а позднее Г.В. Попов. Слова, столь трудно поддававшиеся этимологизации, оказались тюркскими, монгольскими и реже – тунгусо-маньчжурскими, что допускалось как самим В.В. Радловым, так и С.Е. Маловым, Ст. Калужинским и др. Оставшиеся в этой группе слова неизвестного происхождения составляют теперь небольшой процент. Выдвинутая в свое время В.В. Радловым историческая гипотеза, таким образом, подтверждения не получила, что крайне важно для решения вопроса о происхождении якутов» [Убрятова 1987: 87].

В 2006 г. Валентин Иванович по приглашению ректора приехал на работу в Калмыцкий университет, работал директором «Научного центра монголоведных и алтаистических исследований» Калмыцкого госуниверситета и профессором кафедры калмыцкого языка и монголистики.

Он был одним из лучших представителей Российского комитета тюркологов при отделении историко-филологических наук Российской академии наук. Здесь, в Москве, в 2010 г. мне посчастливилось познакомиться с Валентином Ивановичем, слушать его выступления и доклады. Он постоянно поддерживал научные связи с учеными России, Монголии, Китая, Японии, Южной Кореи, Турции, Финляндии, Чехии, Польши, Венгрии, Германии, Франции, США, Австрии, Литвы.

Д.ф.н. Х.Ч. Алишина, д.и.н. В.Н. Тугужекова,
д.ф.н. В.И. Рассадин, д.ф.н. С.М. Трофимова, к.ф.н. С.Б. Сарбашева

Валентин Иванович приезжал в Москву с верной спутницей жизни, супругой, доктором филологических наук, профессором С.М. Трофимовой. Это был союз двух сердец, преданных науке, объединенных миссией социального служения народу. Как истинный учёный, Валентин Иванович никогда не ограничивался рамками академической науки, он активно осуществлял свою социальную роль в обществе, доносил до общественности свои взгляды, идеи и мировоззрение, в том числе через средства массовой информации.

«Я из ингерманландцев или ижорцев, как называют русские этот народ, родственник карелам и финнам. Свободно общаться и писать могу где-то на десяти языках, это татарский, бурятский, монгольский, калмыцкий, тофаларский, хакасский, тувинский, финский, немецкий, – пишет В.И. Рассадин, и продолжает: – Язык – это такая система, окружающая весь мир человека. Его быт, обычаи, характер народа – и что не менее главное – язык открывает для нас историю народа. Благодаря изучению языка я узнал, что тофалары пережили влияние монголов, бурят и затем русских...»

Иногда люди забывают, что язык – всего лишь строительный материал для построения речи, чтобы выразить мысль, забывают о коммуникативной составляющей языка – речи. Пренебрежения не должно быть ни в одном деле, тем бо-

лее, если оно касается самого главного – языка народа. Нужно заботиться о нем, создавать условия для его развития... Нужно, чтобы в правительстве и других руководящих органах работали люди, владеющие двумя языками... Человек, особенно пожилой, плохо знающий русский язык, не должен быть из-за этого ущемлен в правах... И в детских садах не надо детей учить читать и писать на калмыцком, их надо учить говорить. Сначала говорить, а потом писать. И не надо ребенка с местным диалектом ругать и снижать ему оценку якобы за ошибки. Главное – он говорит на языке, пусть и на диалекте, а литературному научить – это задача учителя» [Языки 2014: 20, 21, 38, 71, 72].

15 августа 2017 г. перестало биться сердце великого ученого и великого гражданина России, олицетворявшего целую эпоху в науке. Очень многое ему удалось сделать непрерывным кропотливым титаническим трудом. Даже будучи тяжелобольным, находясь в больнице, Валентин Иванович думал о работе. Мысли теснились в его голове, обретая стихотворную форму. В последние минуты жизни Валентин Иванович с горечью написал, что не все задуманное выполнил:

«Глухая полночь, ни огонька, ни звука,
Все в мире спит, упав в объятия сна.
Один лишь только я сижу, не сплю
И сотни дум теснятся в голове...
...Нет, я не уйду в небытие
Пока не выполню всего
предназначенья.
Нет, я в вечность не уйду,
Пока не выполню свое предназначенье»...

Светлана Менкеновна, с которой мы подружились за годы знакомства и общения, глубоко переживает уход любимого человека. Она и ученица, и соратница, и единомышленница, и соавтор научных трудов, близко к сердцу приняла духовное завещание мужа, выполняет его, не покладая рук:

«Сейчас я из сойотско-бурятско-русского словаря делаю русско-сойотско-бурятский словарь. Это для того, чтобы по аналогии с картинным словарем тофа языка сделать для сойотов. Хочу озвучить и картинный словарь, и букварь. Диктора не могу найти для сойотов. Единственный, кто знал язык, это Валентин Иванович. Картинный тофа словарь на 600 слов готов был еще в 2006 г., но из-за нехватки денег в филиале „Просвещения“ Санкт-Петербурга не опубликовали. Потом была проблема с художником. Сейчас вроде бы нашелся в Улан-Удэ, обещают к весне подготовить рисунки. Я вышла на председателя Ассоциации коренных народов Крайнего Севера. Обещали с публикацией. Есть тофа записи, их надо оцифровать и т.д. Монография у него осталась неизданной. Шорско-русский словарь не закончен. До него руки не доходят. Надо его привести в порядок и отправить Ирине Невской» (строчки из письма С.М. Трофимовой, 2018 год).

Я благодарна судьбе за то, что имела счастье живого общения с великими тюркологами страны, членами Российского комитета тюркологов В.И. Рассадинным, Е.И. Убрятовой, Д.Г. Тумашевой, Э.Р. Тенишевым, Д.М. Насиловым, Г.Ф. Благовой, Ф.А. Ганиевым... Мы должны сделать всё возможное для увековечения их памяти в истории, для потомков, чтобы молодые ученые знали, на кого равняться и с кого брать пример в этой жизни.

Источники и литература

- Stanisław Kałużyński. *Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache*. Warszawa, 1961.
- Dr. Wilhelm Radloff. *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen*. Sankt-Petersburg, 1908.
- Аксенова Е. *Словарь долганско-русский и русско-долганский*. – СПб., 1992. {*Ye. Aksyonova. The Dolgan-Russian and Russian-Dolgan Dictionary*. – Saint-Petersburg, 1992.}
- Антонов Н.К. *Исследования по исторической лексике якутского языка (Именные основы)*. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Якутск, 1973. {*N.K. Antonov. The Research on Historical Lexis of the Yakut Language (Noun Stems)*. Abstract of PhD Theses ... – Yakutsk, 1973.}
- Антонов Н.К. *Материалы по исторической лексике якутского языка (Именные основы)*. – Якутск, 1971; его же: *О якутских основах неизвестного происхождения*. – В кн. «О.Н. Бётлингк и его труд о языке якутов». – Якутск, 1972. – 149 с.; его же: *Лекции по тюркологии. Новотюркская эпоха*. – Якутск, 1984. {*N.K. Antonov. Data on the Historical Lexis of the Yakut Language (Noun Stems)*. – Yakutsk, 1971; *ejusd.: On Yakut Stems of Uncertain Origin*. – In the Book “O.N. Bötlingk and His Work on the Language of Yakuts”. – Yakutsk, 1972. – 149 pp.; *ejusd.: Lections on Turcology. The Modern Turkic Period*. – Yakutsk, 1984.}
- Афанасьев П.С. *Якутская лексикография*. – Якутск, 1976; И.П. Винокуров. *Падежная система в якутском языке*. – Якутск, 1977; П.А. Слепцов. *История якутского языка*. – Якутск, 1983. {*P.S. Afanasyev. The Yakut Lexicography*. – Yakutsk, 1976; *I.P. Vinokurov. The Case System in the Yakut Language*. – Yakutsk, 1977; *P.A. Sleptsov. The History of the Yakut Language*. – Yakutsk, 1983.}
- Бётлингк О.Н. *О языке якутов* / Пер. с нем. Рассадин В.И. – Новосибирск: Наука, 1989. {*O.N. Bötlingk. On the Language of Yakuts* / Translated from German by V.I. Rassadin. – Novosibirsk: Nauka, 1989.}
- Малов С.Е. *Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам (Изложение доклада на сессии)* // Вестник АН СССР, 1941. – № 5–6. {*S.Ye. Malov. The Yakut Language in its Relation to Other Turkic Languages (Presentation of Report at the Session)* // The Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. – #5–6.}
- Патачакова Д. *Морфемная структура слова в хакасском языке* // Лексикология и словообразование в хакасском языке. – Абакан, 1987. {*D. Patachkova. The Morpheme Structure of Word in the Khakass Language* // Lexicology and Word-Formation in the Khakass Language. – Abakan, 1987.}
- Рассадин И.В. *Особенности традиционной материальной культуры саянских оленеводов-тофаларов* // Этнологические исследования: Сб. ст. Вып. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. {*I.V. Rassadin. The Peculiarities of the Traditional Material Culture of the Sayan Region Reindeer Herders – the Tofa People* // The Ethnologic Research: Compendium of Articles. 1st Edition. – Ulan-Ude: The Publishing House of the Buryat Science Centre of the Siberian Department of the Russian Academy of Sciences, 2000.}
- Рассадин В.И. *Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский / Тоъфа-орус – орус-тоъфа сооттары: Учеб. пособие для учащихся средних школ*. – СПб.: Дрофа, 2005. {*V.I. Rassadin. The Tofa-Russian and Russian-Tofa Dictionary / To'fa-orus – orus-to'fa sootтары: The Training Manual for Middle School Students*. – Saint-Petersburg: Drofa, 2005.}
- Рассадин И.В. *Хозяйство, быт и культура тофаларов*. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. – 190 с. {*I.V. Rassadin. The Household, Way of Life and Culture of the Tofa People*. – Ulan-Ude: The Publishing House of the Buryat Science Centre of the Siberian Department of the Russian Academy of Sciences, 2005. – 190 pp.}
- Рассадин В.И., Рассадин И.В. *Тофалары* // Тюркские народы Восточной Сибири. – М.: Наука, 2008. {*V.I. Rassadin, I.V. Rassadin. The Tofalars* // Turkic Peoples of Eastern Siberia. – Moscow: Nauka, 2008.}
- Рассадин В.И. *Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков*. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. {*V.I. Rassadin. The Tofa Language and Its Place Between the Other Turkic Languages*. – Elista: The Publishing House of the Kalmyk State University, 2014.}
- Тумашева Д.Г. *Диалекты сибирских татар*. – Казань, 1977. {*D.G. Tumasheva. The Dialects of Siberian Tatars*. – Kazan, 1977.}
- Тумашева Д.Г. *Словарь диалектов сибирских татар*. – Казань, 1992. {*D.G. Tumasheva. The Dialectal Dictionary of the Siberian Tatars*. – Kazan, 1992.}

- Убрятова Е.И. Изучение тюркских языков Сибири // Советская тюркология, 1987, № 1. {*Ye.I. Ubryatova. The Siberian Turkic Languages Studies // Soviet Turcology, 1987, #1*}
- Убрятова Е.И. Историческая грамматика якутского языка. – Якутск, 1985. {*Ye.I. Ubryatova. The Historical Grammar of the Yakut Language. – Yakutsk, 1985.*}
- Языки – его стихия. Профессор В.И. Рассадин. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. {*Languages Are in His Nature. Professor V.I. Rassadin. – Elista: The Publishing House of the Kalmyk State University, 2014.*}

На фотографиях представлены сюжеты с Годичных пленумов Российского комитета тюркологов 2009 г. (Казань), 2010, 2012 гг. (Москва).

The images are taken during the Annual Plenaries of the Russian Committee of Turcologists: 2009 (Kazan); 2010, and 2012 (Moscow).

Х.Ч. Алишина

д.ф.н., проф., Тюменский гос. университет

Приложение Appendix

Загадки и песня девушки, извлеченные из книги Отто Бётлингга «О языке якутов». Переводы В.И. Рассадина Yakut riddles and the Chud' maiden song from the data of Otto Bötlingk's book "On the language of Yakuts", translated into Russian by V.I. Rassadin

Загадки Riddles

Кто бы мог это быть, кто без обучения разговаривает на всех языках?
(Эхо из лесочка)

На юрте, говорят, лежат рассыпанные отруби.
(Звезды)

На юрте, говорят, лежит выщербленная ложка.
(Месяц)

Почему лиса оглядывается, когда ее преследует собака?
(Чтобы узнать, как далеко позади нее бежит собака)

Говорят, есть пятнистый жеребец с неизвестным следом, говорят, он шагает без ног.
(Челнок)

Посреди большой поляны стоит дуб, он, говорят, имеет двенадцать ветвей, на каждой ветви, говорят, по четыре птичьих гнезда и в каждом гнезде находится семь яиц.
(Год, месяцы, недели и дни)

Песня девушки из народа чудь, который живет на берегу Финского залива
(перевод В.И. Рассадина)

Chud' maiden song from the coast of Suomenlahti Gulf of Finland
(Translated by V.I. Rassadin)

Если бы пришел мой знакомый, если бы показался мой ранее увиденный: я бы тайком приблизилась и поцеловала бы его, хотя бы его рот и был выпачкан волчьей кровью; крепко сжала бы я ему руку, хотя бы на его ладони и извивалась змея. Если бы холодный ветер имел язык, а весенний ветерок разум, унесли бы они слова, доставили бы они слова и носили бы они красивые речи между нами обоими, которые встретились и полюбили друг друга. Лучше бы не ела я никакой сладкой пищи, лучше бы я забыла жаренное на вертеле мясо господина, к которому я расположена сердцем. Его я приближала к себе целое лето, его я привлекала целую зиму.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОНГОЛОВЕДНЫХ И АЛТАИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (МАТЕРИАЛЫ ФОРУМА)

С 11–14 ноября в г. Элисте на базе ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова» проходила III Международная научная конференция «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований», посвященная 80-летию академика РАН, профессора Валентина Ивановича Рассадина, 30-летию создания тофаларской письменности, 20-летию создания сойотской письменности. Основными организаторами выступили: Правительство Республики Калмыкия, Бурятский государственный университет, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Калмыцкий научный центр РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока РФ.

Основная *цель конференции* – анализ современных научных результатов в области монголоведения, тюркологии и алтаистики с позиций разных отраслей гуманитарного знания, в первую очередь это касается развития, изучения и функционирования монгольских и тюркских языков в современном мире, вопросов изучения исчезающих языков малочисленных народов России. *Задачи*: формирование коммуникаций в области монгольских и тюркских языков в современном мире, сохранение и приумножение культурного достояния тюрко-монгольского мира, истории, археологии и этнографии монгольских и тюркских народов; мобилизация интеллектуальных ресурсов евразийских государств для создания адекватной научно-аналитической защиты общества от религиозного и национального экстремизма, противостояние искаженным трактовкам событий общей истории. *Основные направления работы конференции*: монгольские и тюркские языки в современном мире; литература, фольклор, культура и религия монгольских и тюркских народов; история, археология и этнография монгольских и тюркских народов; актуальные проблемы функционирования письменностей малочисленных народов.

Актуальность данной проблемы определила выбор темы научного мероприятия, поскольку конференция явилась хорошей платформой для развития отечественного и международного сотрудничества, были созданы условия ученым для обмена результатами исследований, выявлялись тенденции научных исследований по научным направлениям, были привлечены молодые ученые к фундаментальным исследованиям по актуальным научным тематикам. В.И. Рассадин впервые осуществил научное описание тофаларского языка и языка сойотов, благодаря чему удалось предотвратить исчезновение этих языков. В последние годы

жизни В.И. Рассадиным разрабатывалась одна из фундаментальных, но спорных проблем алтаистики – проблема сложения тюрко-монгольской языковой общности, наличие которой легло в основу гипотезы генетического родства так называемых алтайских языков. В.И. Рассадин считал причиной нерешенности данной проблемы недостоверную методику проводимых исследований. Таким образом, важность мероприятия обусловлена как «реанимацией» традиционных проблем родства алтайских языков, так и выдвижением новых методов подтверждения «алтайской гипотезы». Сохраняет актуальность и задача создания сравнительных словарей тюрко-монгольских языков, проведение этимологических изысканий в данной области.

Председатель организационного комитета данной конференции Салаев Бадма Катинович, ректор ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», сопредседатели – Базаров Борис Ванданович, академик РАН, доктор исторических наук, директор ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Бурятского научного центра СО РАН; Головки Евгений Васильевич, академик РАН, доктор филологических наук, директор ФГБУН «Институт лингвистических исследований» РАН. Заместитель председателя организационного комитета – Трофимова Светлана Менкеновна, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова».

На конференции обсуждались теоретические и практические проблемы монголистики, тюркологии и алтаистики в современном мире, которые являются ключевыми для современной алтаистики; сравнительно-исторического и сравнительно-типологического языкознания; средневековой и монгольской и тюркской литературы; древней и средневековой археологии и истории тюрко-монгольских регионов и сопредельных территорий; духовной и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Ставились и обсуждались вопросы развития регионального и международного научного сотрудничества, создания условий российским и зарубежным ученым для обмена результатами исследований, вопросы выявления тенденций научных исследований по направлениям, привлечение молодых ученых к фундаментальным исследованиям по актуальной научной тематике. Работа четырех секций была организована в форме свободного обмена и дискуссионных площадок.

В работе конференции приняли участие более 100 ведущих ученых, представляющих университеты, научные и общественные организации России, Германии, Венгрии, Финляндии, Польши, Чехии, Азербайджана, Казахстана, Киргизстана, Узбекистана, Китая, Монголии, Японии. В частности, ведущие ученые Института языкознания РАН, Бурятского государственного университета, Института монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН, Института лингвистических исследований РАН, Калмыцкого научного центра РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Читинского государственного университета, Тюменского государственного университета, Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмулы, Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока РФ, отделения РАН и многих других вузов и научных организаций Российской Федерации. На откры-

тии конференции, состоявшемся в Большом зале заседаний Правительства Республики Калмыкия, присутствовало около 350 человек (профессорско-преподавательский состав, научные сотрудники, студенты, магистранты, аспиранты КалмГУ, ученые Калмыцкого научного центра РАН, учителя школ, члены общественных организаций, известные политики, предприниматели, писатели, представители республиканских СМИ и др.). Участников и гостей конференции с ее открытием пришли поздравить учащиеся Калмыцкой национальной гимназии им. А.Ш. Кичикова, прозвучали приветствия Главы Республики Калмыкия, Председателя Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия, Главы администрации города Элиста. В адрес конференции поступили также приветственные адреса и телеграммы из разных регионов России и стран Ближнего зарубежья.

На Пленарном заседании было заслушано 6 научных докладов ведущих ученых России и зарубежных стран. Доклады Б.К. Салаева и Н.Н. Широковой были посвящены анализу научной деятельности проф. В.И. Рассадина – рассматривался его вклад как в изучение определенных языков и диалектов, так и в формулирование и решение общих проблем тюркологии, алтаистики и монголоведения. Еще одной из фундаментальных проблем, обсуждаемой в докладах Пленарного заседания конференции, является языковое взаимодействие, которое проявляется и как заимствование, и как более сложные процессы двуязычия. Это часть самой важной проблемы – сохранения языков в ситуации многоязычия. Наиболее четко эта проблема поставлена в докладе Юхи Антеро Янхунена «Монгольские языки – сила, слабость, угрозы». Самой срочной проблемой является разработка такого типа двуязычия, которое не будет переходным этапом к моноязычию. В докладе Мехмета Ольмеза «From earlier period to Middle Ages Turkic – Mongolian Language Contact: An Overview» отмечается, что до недавнего времени большинство исследователей были склонны начинать историю интенсивных тюрко-монгольских контактов лишь с эпохи Чингис-хана, но ученым из Турции были приведены весомые доводы в пользу того, что они существовали уже в VI в. н.э. Можно утверждать, что на примере подробного исследования научного наследия В.И. Рассадина были выявлены основные этапы формирования и развития тюркологии, алтаистики и монголоведения.

На четырех секциях заявлено 180 докладов, было заслушано 105 докладов. В рамках секции № 4, кроме заслушивания докладов, проведен круглый стол по проблемам сохранения миноритарных языков, на котором обсуждались вопросы описания коренных языков, преподавания, поддержания и ревитализации коренных языков и хакатон, приуроченные к объявленному ООН Году языков коренных народов.

На секции № 1 «Монгольские и тюркские языки в современном мире» было заслушано 32 научных доклада и сообщения, в которых обсуждались актуальные проблемы типологии и взаимодействия в грамматическом строе и лексике древних и современных алтайских, главным образом, тюркских и монгольских языков.

Значительная часть сообщений была посвящена вопросам системного изучения тюркских и монгольских письменных памятников как лингвистического и культурного наследия народов Азии. Обсуждались также вопросы тюрко-монгольского языкового и культурного взаимодействия в ономастической и иной лексике; традиционные знания тюркских и монгольских народов были рассмот-

рены в качестве креативного ресурса дальнейшего развития гуманитарной науки в междисциплинарном аспекте. Все доклады и сообщения излагались через призму научных взглядов В.И. Рассадина, подчеркивался его вклад в различные аспекты изучения тюрко-монгольского взаимодействия.

Первый доклад принадлежал Х.Ч. Алишиной, М.Г. Усмановой и С.М. Трофимовой и назывался «Названия одежды и обуви в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар в сравнении с другими языками». Слова данных семантических групп, часто представляющие собой локально употребляющуюся этнографическую лексику, были рассмотрены на общетюркском фоне и частично в связи с монгольскими и финно-угорскими параллелями.

Доклад Н.Д. Алмадаковой «Теленгитский язык и тюрко-монгольские лексические параллели» был посвящен монгольским лексическим заимствованиям в улаганском и чуйском диалектах малоизученного теленгитского языка, который до недавнего времени сам считался диалектом алтайского. Были рассмотрены слова, называющие домашних животных и предметы конской упряжи. Изучение этих заимствований в сопоставлении с данными диалекта алтай-кижи, на котором базируется алтайский литературный язык, позволило автору доклада заключить, что каждый из диалектов характеризуется своим набором монголизмов. В докладе Н.И. Даниловой «Форма глагольного залога в якутском языке в сравнительном аспекте» была поставлена задача выявления общих признаков и особенностей в способах выражения и семантической структуре залоговых отношений якутского языка в сопоставлении с другими тюркскими, а также монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Согласно выводу автора, в рассмотренных языках наблюдается значительное сходство в выражении залоговых отношений, причем почти все показатели залогов оказываются полисемичными. Е.А. Оганова в докладе «Об употреблении отглагольного имени на -mA и формы на -DIđI (-AcAđI) в современном турецком языке» изложила результаты исследования условий употребления этих двух грамматических форм, которое было проведено на материале большого текстового корпуса. Используясь в полипредикативных конструкциях для обозначения подчиненного действия, эти отглагольные образования, как оказалось, с одной стороны противопоставляются по отношению к параметру реальности/нереальности описываемого действия, а с другой – их употребление регулируется семантикой основного предиката предложения. В докладе А.А. Озоновой «Заместительные конструкции алтайского языка (в сопоставлении с бурятским)» сравниваются алтайские и бурятские грамматические конструкции, выражающие предпочтение одного действия другому. Автор выявляет их сходства и различия, выражающиеся, в частности, отличиями в форме главного сказуемого, а также реальностью/ирреальностью альтернатив.

В.В. Понарядов в докладе «Бесмысленные фразы в монгольском словаре “Мукаддимат ал-Адаб”» раскрывает причины, которые привели к появлению в этом известном среднемонгольском словаре текстовых примеров, являющихся аномальными с точки зрения семантики или грамматики. Поскольку словарь создавался как переводный с арабского и персидского языков, значительные типологические различия в грамматическом строе между этими языками и среднемонгольским заставляли составителя словаря принимать не всегда удачные переводческие решения, результатом которых и явилось появление в нем «бесмыс-

ленных» монгольских фраз. Отдельно подчеркивается желательность подготовки нового издания словаря, в котором учитывались бы материалы всех языков, представленных в оригинальной рукописи.

Доклад Э. Рагагнин «О частице GXy в уйгуро-урянхайском (туха) языке» был посвящен этимологизации данного грамматического элемента, не встречающегося в других тюркских языках, но весьма частотного в уйгуро-урянхайском. По мнению Э. Рагагнин, его следует сопоставить с некоторыми сарыг-югурскими и чувашскими указательными местоимениями. Тем не менее, функция рассматриваемой частицы в уйгуро-урянхайском языке, особенно в позиции после непредикативных именных форм, остается невыясненной. П.О. Рыкин в докладе «Лингвистические особенности монгольской исторической хроники *Erdeni tunumal neretü sudur* (начало XVII в.)» показал, что данный памятник, относящийся к малоизученной в лингвистическом отношении эпохе перехода от среднемонгольского языкового состояния к классическому письменному монгольскому языку, характеризуется множеством интересных грамматических особенностей, которые отражают не только его хронологию, но и принадлежность к юго-восточному диалектному ареалу. Особого внимания заслуживают факты смешения в нем морфологии показателей родительного и винительного падежей. Они еще не получили в монголистике убедительной интерпретации, и изучение хроники *Erdeni tunumal neretü sudur* способно пролить новый свет на это важное явление. И.Я. Селютина в докладе «Общность и специфика консонантных систем монгольских и сибирских тюркских языков» изложила результаты инструментального исследования фонетико-фонологических систем монгольских языков. Она отмечает, что халха-монгольский и калмыцкий консонантизм по организации отличается от хори-бурятского. Они должны быть отнесены к различным классификационным типам, первый из которых сближается с тюркскими языками байкало-саянской группы, а второй – с алтае-саянскими тюркскими языками.

В докладе Н.И. Даниловой «Форма глагольного залога в якутском языке в сравнительном аспекте» была поставлена задача выявления общих признаков и особенностей в способах выражения и семантической структуре залоговых отношений якутского языка в сопоставлении с другими тюркскими, а также монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Согласно выводу автора, в рассмотренных языках наблюдается значительное сходство в выражении залоговых отношений, причем почти все показатели залогов оказываются полисемичными.

В докладе А.Р. Тазрановой «Формы диминутива имени существительного в теленгитском диалекте алтайского языка и тофаларском» исследуется употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов. В сравниваемых языках их наборы достаточно сильно различаются. В алтайском языке привлекают внимание случаи использования в диминутивной функции показателя винительного падежа, что в других тюркских языках не встречается.

Н.Н. Телицин и А.Д. Передняя являются авторами доклада «К вопросу о существовании форм субъективной оценки в древнеуйгурском языке», который тоже посвящен диминутивам. Результатом их исследования является вывод, что в древнеуйгурском языке наличествуют именные и глагольные формы субъективной оценки, значение которых заключается в выражении «меры присутствия».

Б. Хабтагаева в своем докладе «О некоторых фонетических критериях монгольских заимствований в саяно-тюркских языках» показала, как различия в освоении стягивающихся бивокалических комплексов и начальных согласных *q*, *č*, *u* позволяют разграничить в тувинском, тофаларском и других саяно-тюркских языках различные пласты монгольских заимствований. По различающимся фонетическим рефлексам удастся выявить два или три хронологических этапа освоения монголизмов саяно-тюркскими языками.

Доклады вызвали живой отклик у слушателей, по всем докладам задавались вопросы. Широкий круг тем, которым были посвящены доклады, отражает современный прогресс монгольской и тюркской лингвистики у нас в стране и за рубежом. Ряд затронутых в докладах вопросов имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Отраженные в докладах результаты научных исследований, несомненно, найдут применение при преподавании различных тюркских и монгольских языков, при составлении словарей и других справочных изданий и будут в дальнейшем использоваться не только лингвистами, но также специалистами в области истории, этнографии и культурологии.

Секция № 2 «Литература, фольклор, культура и религия монгольских и тюркских народов». Заслушано 26 докладов. В центре внимания ученых, выступавших по проблемам фольклора, находились вопросы мифологии, поэтики героического эпоса, идейно-тематического своеобразия жанров сказки и малых жанров устного народного творчества тюрко-монгольских народов. Литературоведческие доклады касались проблем мифопоэтики, образной системы, мотивной структуры, художественного мира произведений отдельных авторов, фольклорно-литературных связей, темы репрессий и исторической памяти. Доклады по культуре и религии были посвящены рассмотрению обрядовой и песенной культуры тюркских и монгольских народов, буддийской картины мира, особенностей тибетского буддизма и др. Участники конференции, обсудив широкий круг вопросов, обобщили предложения, прозвучавшие в докладах и выступлениях. Результаты научных исследований, прозвучавшие в докладах и выступлениях, безусловно, имеют научную и практическую ценность, они могут быть использованы в практике преподавания в вузах, а также в сузах и школе. Стоит отметить высокий научный уровень подготовленных докладов, а также ценность подобных дискуссий, позволяющих обмениваться мнениями и научными идеями с коллегами из научных институтов и вузов различных регионов и стран. С.И. Иманова представила доклад «Концепт “семья” в азербайджанской прозе второй половины XX века». Л.Д. Дашиева – «Буддийские песнопения в обрядовой культуре бурят». О.В. Новикова представила экспедиционные материалы новосибирской школы по музыкальному фольклору бурят, в том числе шаманские, обрядовые, песни-благопожелания. С.Ш. Аязбекова в теоретическом аспекте исследовала особенности Монгольской цивилизации в контексте мировых и локальных цивилизаций в сравнительном аспекте с тенгрианским и номадическим типами. Р.Г. Кулиева рассмотрела в своем докладе культ коня в тюркской мифологии на примере азербайджанской, башкирской и якутской культур, подчеркнув сакральный характер этого образа. Л.Ц. Халхарова остановилась на художественной интерпретации темы этнической памяти в творчестве В. Басаа. Привлек внимание доклад Д.С. Аязбековой, в котором она репрезентировала образ Чингис-хана в

кинематографе в социально-политическом контексте. В целом, секция рассмотрела различные аспекты духовной культуры тюрко-монгольских народов в контексте современности; состоялся плодотворный обмен мнениями. Уяснение социокультурных и других процессов, происходивших/происходящих в регионах проживания тюркских и монгольских народов, способствует более глубокому пониманию их цивилизационной самобытности, духовных потребностей и способов вербального самовыражения, что в свою очередь определяет сбалансированность внутренней и внешней политики, проводимой Российской Федерацией.

Работа секции прошла на высоком научном уровне. Перечень стран показал, насколько широкий резонанс вызвала эта конференция у ученых-тюркологов, монголоведов. В целом конференция, как высказывались участники секции, сблизила ученых разных стран и дала мощный импульс новым исканиям в области тюркологии, монголоведения и алтаистики.

Секция № 3. «История, археология и этнография монгольских и тюркских народов». В рамках работы секции было заслушано 25 докладов. География выступающих: Россия (Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Ростов-на-Дону, Красноярск, Улан-Удэ, Чита, Элиста), зарубежье – Казахстан, Польша, Китай.

Тематика докладов охватывала различные аспекты взаимоотношений и взаимовлияний тюркских и монгольских этносов (историография, введение в научный оборот рассекреченных документов из архивов ФСБ, вопросы этногенеза монгольских и тюркских народов и его отражение в культурных памятниках, история калмыцко-казахских отношений, калмыцкие (ойратские) произведения из собрания Государственного Эрмитажа, китайско-российские приграничные отношения и др.) от древности вплоть до наших дней, затрагивающие проблемы археологии, этнографии, истории, религии, искусствоведения, социологии.

Доклад В.А. Семенова и М.Е. Килуновской «Древние оленеводы на северо-востоке Саяно-Алтайского нагорья» посвящен исследованию оленеводческих культур Восточного Саяна: тоджинцев, тофаларов, сойотов, цаатанов. Эти культуры всегда интересовали В.И. Рассадина, так как их исследование через призму археологии затрагивает проблемы генезиса как самого оленеводства, так и связанных с ним материальной культуры, погребального обряда, становления и развития языков. Авторы предложили соотнести возникновение оленеводства с таштыкской культурой, распространенной на Верхнем Енисее с начала I тысячелетия н.э. Древней истории, вернее искусству было отведено большое внимание в докладе Аннеты Голубиовска-Тобияш «Охота среди тюркских народов как волшебная игра в свете памятников наскального искусства, искусства ваения и руники». Автором были привлечены разнообразные источники, которые касаются охоты (к сожалению, не всегда соответствующие действительным датировкам), на примере которых этот самый распространенный вид деятельности рассматривается как некий сакральный акт. Проблемам генезиса культур древних кочевников был посвящен доклад Т.Ю. Сем «Тюркские и монгольские элементы в составе тунгусо-маньчжуров: этнонимы и культура (от древности и средневековья до этнографических реалий)», в котором истоки традиций в оформлении жилищ, культовых мест, одежды и утвари предложено искать в культурах скифского времени, например, пазырыкской распространенной на Алтае. В докладе Ю.И. Елихиной рассказывалось о великолепной коллекции «Калмыцких (ойрат-

ских) произведений из собрания Государственного Эрмитажа», состоящей в основном из буддийских реликвий. «О ранних формах христианства и его отношениях с империей Монголов в XIII в.» было рассказано аспирантом из Сирии Сухейлом Лаванд. Серия докладов раскрывала вопросы, связанные с историей взаимоотношений Китайской Цинской империи с монгольским и тюркским населением Центральной Азии и Сибири. Доклады были посвящены историографическому аспекту данной проблемы – В.Г. Дацышен «Взаимоотношения между монгольским и тюркским населением Синьцзяна в период Цинской империи в советской литературе», в котором раскрывалась историография о политике Китая в отношении местного населения Синьцзяна; культурно-этическому – Д.Г. Кукуев «Махачин» и культура насилия на цинском пограничье в Джунгарии». Интересный доклад Н.В. Цыремпилова затрагивал историю джунгарского ханства XVIII в. В нем говорилось о соратнике Амурсаны-хане Аблае (Абылае), а конкретно о загадочном фортификационном сооружении на Иртыше, которое могло служить крепостью, торговой факторией и монастырем. Похожая проблематика, касающаяся военных пограничных отношений, но на территории Тангутского государства, была рассмотрена в докладе С.В. Дмитриева «Terminustanguticus. Организация охраны границ Тангутского государства и анализ основных терминов». Калмыцко-казахским связям в XVIII в. был посвящен коллективный доклад И.В. Торопицына, Ж.Б. Кундакбаевой и Д.А. Сусевой «“Калмыцкая-де ханша к нему, Абдулмамет-хану, присылала сватов”. Династический брак как способ укрепления калмыцко-казахских отношений в XVIII веке». Еще об одном интересном герое XVIII–XIX вв. калмыцком и немецком художнике Федоре Ивановиче Калмыке мы узнали из сообщения И.Г. Ковалева «Творчество Федора Калмыка в научном обороте». Интересно, что этот выдающийся человек уделял большое внимание археологическим раскопкам: гравюры посещенных им Акрополя в Афинах и Помпей в Италии являются уникальными источниками того времени. Также немаловажно, что графические работы Ф. Калмыка еще находятся в частных коллекциях. Острые вопросы современной истории монгольских и тюркских народов были затронуты в докладе К.В. Орловой «О документах из Центрального архива ФСБ РФ», в котором она осветила в основном буддийские (ламаистские) документы Монголии, доклад Ли Пин «Культура и образование дауров Китая в XX веке» вызвал интерес. Доклад Т.Ю. Сем был посвящен тюркским и монгольским элементам в составе тунгусо-маньчжуров на примере сходства жилищ, одежды, строения седел, погребального обряда, шаманского пантеона. Были также освещены отдельные вопросы этногенеза и этнонимии тунгусо-маньчжуров в связи с тюрко-монгольскими древними образованиями в Центральной и Восточной Азии. Все доклады вызвали живой интерес.

Таким образом, на секции были рассмотрены ключевые вопросы, от историографии, архивных материалов и методологии исследования, связанные с этногенезом монгольских и тюркских языков, до конкретно-исторических исследований в области тюркологии и монголоведения и, шире, алтаистики на примере культур этих народов. В результате все участники секции пришли к выводу о необходимости проведения междисциплинарных исследований, привлечения большего числа специалистов, особенно по археологии и этнографии, что будет способствовать более полному раскрытию проблем, связанных с происхождением

ем, взаимовлиянием и развитием монгольских и тюркских народов, история которых очень тесно переплетена, имеет выход на историю других регионов России и Китая. Было высказано мнение об увековечивании памяти профессора В.И. Рассадина.

Секция № 4. «Актуальные проблемы функционирования письменностей малочисленных народов». География выступающих: Россия (Москва, Санкт-Петербург, Улан-Удэ, Кызыл, Элиста, Сорокская школа-интернат Республики Бурятия). В рамках работы секции было заслушано 24 доклада.

Целый ряд докладов был посвящен анализу научной деятельности проф. В.И. Рассадина – рассматривался его вклад как в изучение определенных языков и диалектов, так и в формулирование и решение общих проблем тюркологии, алтаистики и монголоведения. Можно утверждать, что на примере подробного исследования научного наследия В.И. Рассадина были выявлены основные этапы формирования и развития тюркологии, алтаистики и монголоведения, проанализирован широкий круг вопросов, связанных с лексикой, морфологией и грамматикой тюркских и монгольских языков, выявлены основные проблемы, связанные с их изучением, уточнен и скорректирован терминологический аппарат, выработаны общие подходы к исследованию ряда важных лингвистических проблем в будущем. Доклады вносят существенный вклад в дальнейшую разработку проблемы тюркско-монгольских языковых и цивилизационных контактов, а также способствуют дальнейшему развитию лексикологии как отдельной области современной лингвистики.

С.Ц. Содномов выступил с докладом «В.И. Рассадин – создатель первых учебных книг для начального обучения грамоте родного языка»; С.М. Трофимова – «Профессор В.И. Рассадин и тофаларский язык»; Т.Б. Агранат – «Ижорский – херитажный язык В.И. Рассадина»; Ж.Б. Бадагаров – «О дагурском словнике Витсена»; О.Н. Пустогачева – «Фольклор – богатство младописьменных и бесписьменных языков коренных малочисленных народов (на примере челканского языка)»; М.В. Бавуу-Сюрюн – «Уйгур-уряньхайский язык: проблемы документирования»; И.А. Грунтов, О.М. Мазо – «Хамниганские говоры России, Монголии и Китая в контексте соседних монгольских языков».

В связи с объявлением Генеральной Ассамблеей ООН 2019 года «Международным годом языков коренных народов», а также 30-летием создания тофаларской письменности, 20-летием создания сойотской письменности в целях привлечения внимания научного сообщества Российской Федерации к актуальным проблемам сохранения, изучения и актуализации письменностей малочисленных народов, на взгляд участников конференции, очень важной является проблема сохранения данных об уходящих языках. В рамках секции 4 «Актуальные проблемы функционирования письменностей малочисленных народов», как было сказано выше, впервые в Республике Калмыкия был проведен хакатон «Создаем игры для детей по тофаларскому языку». Участники команды проведения хакатона: представители КалмГУ и учителя школ и детских садов города Элиста. Основная цель проведения данного мероприятия: разработать материалы, способствующие мотивации к освоению и изучению детьми дошкольного и школьного возраста малочисленных языков, на примере тофаларского языка. Модераторами была проведена увлекательная дискуссия, в которой приняли участие ученые,

методисты, учителя, представители Министерства образования и науки Республики Калмыкия, Центра по развитию калмыцкого языка, Президент Иркутской региональной общественной организации «Союз содействия коренным малочисленным народам Севера Иркутской области», а также Председатель Республиканского центра по развитию бурятского языка при Министерстве образования и науки Республики Бурятия и делегация от Окинского района Республики Бурятия, где компактно проживают сойоты. Проведение хакатона дало возможность, во-первых, формирования у участников опыта работы в новых технологиях (игровых, функциональное чтение, мобильное образование и т. д.) и форматах групповых коммуникаций (хакатон), который они смогут перенести на учащихся и коллег (трансляция опыта), во-вторых, создания в процессе подготовки к хакатону материалов для мотивации педагогов и трансляции ими мотивации (аргументированной научно) на родителей учащихся с целью популяризации и изучения коренных языков. Данные материалы были апробированы/проверены и расширены в процессе хакатона и, в-третьих, опыт для организаторов и участников хакатона по работе с поколением Z со словарями коренных (иностранных, родных) языков – в системе игровых карточек с иллюстрациями без глубокой детализации, в-четвертых, опыт использования и модификации модульных полифункциональных игр (не-дидактических, не вызывающих у ученика страха ошибки и тем самым приводящих к демотивации) в неподготовленной и частично подготовленной аудитории. Игры были разработаны применительно к тофаларскому языку, но могут использоваться с любыми языками народов РФ и мира. На взгляд участников конференции, такие дискуссионные площадки особенно необходимы для учителей малочисленных языков Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проведение таких познавательных игр будут стимулировать овладение родным языком.

Таким образом, анализируя доклады участников научной конференции, можно выделить следующие темы: языковые контакты; исследования по языкам малочисленных народов; языки и культура; лексика в лингвокультурном аспекте; лексика традиционной культуры; текстология; язык памятников; грамматические категории в монгольских и тюркских языках. В докладах и сообщениях обсуждались актуальные проблемы типологии и взаимодействия в грамматическом строе и лексике древних и современных алтайских, главным образом, тюркских и монгольских языков. Значительная часть сообщений была посвящена вопросам системного изучения тюркских и монгольских письменных памятников как лингвистического и культурного наследия народов Азии. Обсуждались также вопросы тюрко-монгольского языкового и культурного взаимодействия в ономастической и иной лексике; традиционные знания тюркских и монгольских народов были рассмотрены в качестве креативного ресурса дальнейшего развития гуманитарной науки в междисциплинарном аспекте. Все доклады и сообщения излагались через призму научных взглядов В.И. Рассадина, подчеркивался его вклад в различные аспекты изучения тюрко-монгольского взаимодействия. Безусловно, актуальным является возвращение к обсуждению алтайской гипотезы на новом уровне знаний и обсуждение проблем, связанных с фиксацией данных об уходящих языках малых народов Сибири.

Во-вторых, поставленная на конференции проблема тюрко-монгольского языкового взаимодействия подразумевала обсуждение фундаментальной научной проблемы генетического родства языков алтайской семьи. В связи с этим, обсуждались вопросы типологии тюркских и монгольских языков, с позиций методики лингвистической типологии рассматривались регулярные соответствия на различных уровнях алтайских языков, пути структурного развития фонетической, грамматической, лексической систем родственных языков. Еще одной из фундаментальных проблем, обсуждаемой в докладах конференции, является языковое взаимодействие, которое проявляется и как заимствование, и как более сложные процессы двуязычия. Это часть важной, самой важной, проблемы – сохранения языков в ситуации многоязычия. Необходима разработка не только школьных программ, ориентированных на свободное владение двумя языками, но и национальная программа функционирования языков в обществе.

В-третьих, важность с точки зрения развития новых направлений. Эта тема (новые направления) нашла выражение в докладах по этнолингвистике, корпусной лингвистике. Конференция имела важное значение для формирования стратегии исследования языков тюрко-монгольских народов с точки зрения их внутреннего устройства, с учетом результата семантизации языковых единиц рядовыми носителями языка. Подчеркивалось, что, несмотря на неоспоримые достижения в области исследования алтайских языков с позиций классической лингвистики, тюрко-монгольская компаративистика нуждается в развитии подходов на собственной теоретической базе, заложенной усилиями всемирно известных исследователей, в том числе В.И. Рассадина. Работа конференции имеет существенное значение для развития относительно новых в исследовании миноритарных языков междисциплинарных направлений, к примеру, компьютерной или корпусной лингвистики, этнолингвистики. Эти направления в некоторых языках только начинают развиваться. Это очень важное направление и в монголистике, и в тюркологии.

В-четвертых, о возможностях практического использования новых направлений. Результаты научных исследований, представленные в материалах конференции, внесут существенный вклад в развитие существующих в современной науке направлений; найдут практическое использование в разработке новых методов и способов исследования; могут быть непосредственно использованы и для дальнейших научных исследований, и для разработки проблем в рамках преподавания, в разработке учебных программ и учебно-методической литературы для учреждений высшего образования и аспирантуры (актуализация соответствующего языкового материала, составление справочных материалов, словарей, методических пособий, учебников, разработка новых форм преподавания иностранных языков, внедрение в преподавание инновационных технологий и пр.).

В-пятых, в качестве дополнительной информации можно отметить, что участники конференции подчеркнули необходимость расширения научных контактов и интеграционных проектов межрегионального и международного уровня в области тюрко-монгольских языковых и культурных контактов, что позволит расширить научные контакты, повысить научную эффективность гуманитарных

исследований. Уяснение лингвистических и социокультурных процессов, происходивших и происходящих в регионах проживания тюркских и монгольских народов, способствует более глубокому пониманию их цивилизационной самобытности, духовных потребностей и способов вербального самовыражения, что в свою очередь определяет сбалансированность внутренней и внешней политики, проводимой Российской Федерацией.

На основе состоявшегося обсуждения участники конференции сформулировали следующие решения:

1. Рассмотреть возможности применения результатов научных исследований, отраженные в докладах, при преподавании различных тюркских и монгольских языков, при составлении словарей и других справочных изданий для лингвистов и специалистов в области истории, этнографии и культурологии.

2. Разработать программу по сохранению и ревитализации коренных языков РФ на материале калмыцкого, тофаларского и сойотского языков, взяв за основу методологию языковых гнезд и групп «мастер-ученик», апробированную в рамках проекта Хельсинского университета по ревитализации нивхского языка (Сахалинская область, Хабаровский край) и предполагающую организационную и финансовую поддержку для местных активистов.

3. Способствовать созданию линейки учебных пособий по тофаларскому и сойотскому языкам в электронном и в бумажном виде, с учетом языковой ситуации в этнолокальных группах и региональных реалий.

4. Пропагандировать идею о культурном и психологическом преимуществе двуязычия (многоязычия) по сравнению с одноязычием, о пользе воспитания детей в двуязычии (тофаларский (сойотский) язык плюс русский язык), о том, что русский язык, знание которого необходимо всем гражданам РФ, должен усваиваться детьми наравне с этническими.

5. Одобрить практику создания международных временных научных коллективов, реализуемых в КалмГУ, вывести их на более качественный уровень.

6. Отметить вклад В.И. Рассадина в развитие востоковедного направления в КалмГУ и в связи с этим рекомендовать участникам III Международной научной конференции:

- организовать работу по переизданию трудов В.И. Рассадина;
- всемерно содействовать проведению экспедиций и научных мероприятий (конференций, форумов) по вопросам монголоведения, тюркологии и алтаистики в целом;

- провести очередную IV Международную научную конференцию в области монголоведения, тюркологии и алтаистики в г. Элиста;

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»:

- осуществить работу по подготовке к изданию экспедиционных и полевых материалов профессора В.И. Рассадина;

- учредить именную стипендию профессора В.И. Рассадина для студентов, имеющих значимые результаты в области научных исследований по калмыковедению и монголоведению;

- назвать именем профессора Рассадина кабинет в КалмГУ;

-
- установить мемориальную доску о профессоре Рассадине В.И. на здании КалмГУ;
 - выделить в особые условия книжный мемориальный фонд профессора В.И. Рассадина с указанием его имени.

Салаев Б.К., д.биол.н., к.пед.н.,
ректор ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
имени Б.Б. Городовикова»

Трофимова С.М., д.ф.н., проф.
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста

ДАРИЯ БАЙРАМОВНА РАМАЗАНОВА
(17.09.1938 – 24.04.2019)

В г. Казани на 81-м году жизни скончалась известный языковед, диалектолог, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, заслуженный деятель науки и работник культуры Республики Татарстан Дария Байрамовна Рамазанова.

Д.Б. Рамазанова родилась 17 сентября 1938 г. в деревне Пукаль Сабинского района ТАССР. После окончания Шеморданской средней школы (1955) обучалась в Техническом училище № 5 (г. Казань) на токаря, работала на заводе п/я 296 (1956–1964). В 1957–1963 гг. училась на татарском отделении историко-филологического факультета Казанского государственного университета. В 1964–1967 гг. обучалась в аспирантуре (научный руководитель Л.Т. Махмутова) ИЯЛИ КФ АН СССР. С 1967 г. ведет научно-исследовательскую работу в области татарской диалектологии, защитила кандидатскую диссертацию на тему «Говоры татар Среднего Прикамья» (1970), докторскую диссертацию на тему «Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования западноприуральского ареала татарского языка» (1998), с 1967 г. – младший, с 1977 г. – старший, с 2000 г. – ведущий, с 2002 г. – главный научный сотрудник ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, с 2008 г. – профессор.

Основным направлением деятельности Д.Б. Рамазановой является татарская диалектология. Ею организовано и проведено около 200 диалектологических и лексикологических экспедиций во все места компактного проживания татарского народа. Исследователем выявлен и описан ряд подговоров и говоров в Приуралье, Поволжье, Западной Сибири (например, мензелинский говор и 4 его подговора, пермский, тепекеевский, стерлитамакский, карсунский и др. говоры). Результатом этой работы стали монографии: «Формирование татарских говоров юго-

западной Башкирии» (1984), «К истории формирования говора пермских татар» (1996), «Татары Восточного Закамья: их распространение, особенности говора» (2001), «Восточные диалекты татарского языка» (на тат. яз.) (2007), «Вопросы татарской диалектологии» (2008) и т.д. В ее многочисленных публикациях раскрыто, интерпретировано и введено в научный оборот большое число языковых явлений, имеющих важное значение для разработок в историческом плане не только татарского, но и других тюркских языков.

При анализе собранного богатого материала основным кредо Д.Б. Рамазановой являлась связь языка с историей носителя. Объяснение диалектных особенностей, идентификация говоров осуществляется Д.Б. Рамазановой с привлечением дополнительных материалов: преданий и легенд, архивных источников, трудов по истории, данных по этнографии и других смежных наук, из родственных и неродственных языков. Такой комплексный подход обуславливает аргументированность анализа, объективность выводов. Памятуя о том, что язык непосредственно связан с этнической историей народа, Д.Б. Рамазанова обратилась к вопросам формирования татарского народа, отдельных его этнографических групп. С одной стороны, ею была тщательно исследована история татар, носителей говоров, распространенных на Урале, нередко именуемых в документах различными названиями, что заставило ученую обратиться к архивам гг. Оренбурга, Уфы, Перми, Москвы. Особенно системно и продолжительно работала Дария Байрамовна в Центральном архиве древних актов (г. Москва), куда ею ежегодно принимались неоднократные, продолжительные поездки.

Д.Б.Рамазанова – один из главных составителей, также и ответственный редактор ряда следующих монументальных работ: «Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» (1989), «Атлас татарских народных говоров» (2015), «Диалектологический словарь» (1993), «Свод индексированного описания всех татарских говоров» («Татар халык сөйләшләр» в 2-х книгах, 2008), «Большой диалектологический словарь» (2009). Она – соавтор в книгах «Татары», «Тартарика: этнография», «Диалекты тюркских языков. Очерки» (2010), «Алтайские языки и восточная филология (памяти Э.Р. Тенишева)» (2005), изданных в Москве в серии «Народы и культуры» и др. Она участвовала в сборе материала для «Общетюркского атласа», «Лингвистического атласа Европы» (Международное предприятие, возглавляемое ЮНЕСКО).

Отметим, что «Атлас татарских народных говоров» (отв. ред. Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хайрутдинова; составители: Д.Б. Рамазанова, Ф.С. Баязитова, Р.С. Барсукова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова) (2015) имеет и электронную версию (2012), выполненную совместно с учеными КФУ, с участием Д.Б. Рамазановой и Р.С. Барсуковой (отв. ред. Ф.И. Салимов и Д.Б. Рамазанова; <http://atlas.antat.ru>). В ходе работы над «Атласом татарских народных говоров» Д.Б. Рамазанова проводила контрольные выезды и в Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Ульяновскую области, в Мордовию, Марий-Эл, Чувашию и др. регионы проживания носителей этих говоров.

С целью изучения всех татарских говоров, в 70-80-е гг., ею целенаправленно проведены десятки диалектологических экспедиций во все места проживания татарского народа. Экспедиционным путем ею изучены (1993–2008 гг.) и описа-

ны все восточные – тоболо-иртышский, барабинский, томский – диалекты татарского языка («Восточные диалекты татарского языка» (на тат. яз.) (2007).

Д.Б. Рамазанова – лингвист широкого профиля. С определенного времени в ее научной деятельности активизируется и другое направление – это лексикология и лексикография. С середины 80-х гг. она занимается обработкой и исследованием различных лексико-семантических групп татарской лексики, научным осмыслением диалектной лексики, сохранившейся в татарских народных говорах. Для этого Д.Б. Рамазановой были предприняты десятки специальных лексикологических экспедиций во все регионы проживания татарского народа, обогащая тем самым ранее накопленный материал. В итоге обобщений богатого конкретного материала ею опубликованы монографии, посвященные терминам родства, названиям одежды, украшений, семейных и родственных отношений: «Термины родства и свойства в татарском языке» (в 2-х кн., 1991), «Названия одежды и украшений в татарском языке» (2002), «Словник названий элементов татарского костюма» (2007), «Родственные и семейные отношения в названиях» (на тат. яз.) (2014), «Лексика, связанная с человеком, в татарском языке» (на тат. яз.) (2013); а также многочисленные статьи, где лексика всего татарского языка исследуется как система в синхронном плане, с диахроническими и этимологическими включениями.

Автора постоянно интересуют глубина семемного состава, ареальный аспект развития семантики, предпосылки возникновения этнографического направления семантики слова. Диахронный аспект исследования становится ведущим в научном творчестве Д.Б. Рамазановой, и в последние годы она начинает заниматься вопросами исторической лексикологии татарского языка, что отразилось в ее статьях, опубликованных в сборниках, в журналах; часть из них издана в виде отдельной книги «Материалы к татарской исторической лексикологии» (на тат. яз.) (2016).

Д.Б. Рамазанова исследовала лексику с различных точек зрения: вариативности, ареальности, серия статей опубликовала под рубрикой «ареальная семантика» и др.

Исследование лексики позволяет сделать важные научные выводы и с точки зрения взаимовлияния и взаимодействия татарских говоров со смежными говорами других языков, что тесно связано с историей формирования народов. Эти вопросы неоднократно затронуты Д.Б. Рамазановой в ряде статей о взаимовлиянии говоров близкородственных языков на смежной территории (1982), о терминах родства в условиях языковых контактов (1989, 1991), о фонетических и лексических особенностях говоров татар, общих с русским, мордовским, чувашским, пермскими языками (1991), Сибири – с определенными татарскими говорами (2000, 2002), Башкирии – со смежными башкирскими говорами.

Этноязыковые контакты особенно ярко отражаются в области лексики, что исследовано в ряде статей Д.Б. Рамазановой, посвященных русским, арабо-персидским и финно-угорским заимствованиям в татарских говорах, коми-зырянско – сибирско-татарским, сибирско-татарско – русским, татарско-монгольским и другим параллелям.

Начало лексикографической деятельности Д.Б. Рамазановой связано с составлением (Г-Ғ, К-Қ, Х, Һ, Ц, Ч – 12,2 п.л.) и изданием (отв. редактор, автор предисловий на русском и татарском языках и раздела «Краткий справочник по татарским диалектам» – 3,0 п.л.) «Диалектологического словаря татарского языка» (1993), «Большого диалектического словаря татарского языка» (2009).

Когда в перестроечные годы татарский язык стал вторым государственным и возникла необходимость создания лексических минимумов по различным отраслям народного хозяйства, Д.Б. Рамазановой были созданы краткие русско-татарские словари по культуре (1995), для работников транспорта (1996), для музыкальных учреждений (1997). Она – автор Краткого (1995) и расширенных (2003, 2007) русско-татарских словарей музыкальных терминов, рецензирует терминологические словари, что также свидетельствует о разнообразии ее научных интересов как ученого. Она – автор буквы [С] в однотономном толковом словаре татарского языка.

Д.Б. Рамазанова проявляла большой интерес и к вопросам духовной культуры татарского народа. Наряду с изучением языковых особенностей, она фиксирует и произведения устного творчества, обрядового фольклора. Ею записаны обычаи и обряды по всем говорам татарского языка. Часть этих материалов издана в качестве приложений к сборникам и монографиям, в виде книг «Свадьбы, свадьбы ...» (на тат. яз.) (1997), «Материалы по культуре и языку сибирских татар» (на тат. яз.) (2000), «Материалы по сибирским диалектам» (на тат. яз.) (2001), «Образцы речи текстов татарских диалектов» (на тат. яз.) (2011), «Образцы поэтических текстов из татарских диалектов» (на тат. яз.) (2013) и т. д.

Д.Б. Рамазанова является автором свыше 500 работ общим объемом 2510 п.л., в том числе 30 книг (16 из них – научные монографии). Она активно участвовала в подготовке к печати и редактировании научных сборников, монографий (св. 50 работ объемом 1329 п.л.), рецензировании (св. 80 работ).

Такую многогранную деятельность Д.Б. Рамазанова успешно сочетала с педагогической работой в вузе (старший преподаватель в КГПИ в 1981 г.; доцент КГУ – 1994–1995 гг.) и школе (учитель – 1991–1996 гг., учитель-методист – 1996–2003 гг. татарского языка физико-математического лицея № 131). Большое внимание уделяла Д.Б. Рамазанова подготовке молодых ученых. Под ее руководством защищены 8 кандидатских диссертаций.

Дария Байрамовна считала своим долгом заниматься пропагандой научных знаний: выступала с научными докладами на Международном конгрессе тюркологов (Уфа, 1997; Турция, 2008), ежегодно участвовала в международных, всероссийских и других научных конференциях, ежегодных итоговых научных сессиях ИЯЛИ Г. Ибрагимова начиная с 1969 по 2016 гг. и т. д. Ею сделано около 460 выступлений в различных аудиториях, по радио и телевидению, в сельской местности, на ученых советах. Ее трудами пользуются не только языковеды, но и историки, этнографы, культурологи, работы ее применяются в учебных заведениях, школе; они востребованы многими научными центрами России и зарубежья.

Д.Б. Рамазанова активно участвовала в научно-организационной деятельности ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 14 лет была заместителем, 2 года – секретарем парторганизации, 2 года исполняла обязанности заведующего отделом языкознания, в 1997–2007 гг. являлась председателем Терминологической комиссии при Кабинете Министров РТ, неоднократно назначалась председателем различных комиссий при Институте. До 2015 г. она являлась членом Ученого совета ИЯЛИ, в 2008–2012 гг. была председателем ГЭК в Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете и членом совета по защите докторских диссертаций при ТГГПУ, являлась членом такого же совета при ИЯЛИ. Она работа-

ла в тесном контакте со многими вузами Татарстана, Башкортостана, Чувашии, Удмуртии, Тюменской области, Сибири. Награждена почетными званиями: «Заслуженный работник культуры Республики Татарстан» (1987), «Заслуженный деятель науки Татарстана» (2012).

В 2016 г. вышел справочник «Рамазанова Дария Байрамовна: Биобиблиографический указатель» (составитель и ответственный редактор М.Р. Булатова. Казань, 2016. 128 с.), где более подробно написано о жизненном пути и научной деятельности ученого, приводится библиография и отдельные статьи о ней.

Многочисленные ученики, коллеги, друзья и близкие скорбят об уходе из жизни Д.Б. Рамазановой. Светлая память о видном татарском ученом, замечательном человеке с доброй и открытой душой навсегда сохранится в наших сердцах.

М.Р. Булатова

кандидат филологических наук,

с.н.с. лексикологии и диалектологии

Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

**РАИСА ХАЛИЛОВНА ХАЛИКОВА
(ПАМЯТИ УЧЕНОГО К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

2 апреля 2019 г. на факультете башкирской филологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (Акмуллинский университет) состоялся республиканский научно-методический семинар «Вклад профессора Р.Х. Халиковой в развитие башкирского языкознания», посвященный 85-летию со дня рождения известного башкирского языковеда-текстолога и историка литературного языка, лингвиста, педагога высшей школы, доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника культуры Башкирской АССР, заведующего кафедрой башкирского языка в 1995–2001 гг. Раисы Халиловны Халиковой (1934–2005). Научная общественность Республики Башкортостан была представлена учеными из федеральных вузов, структурных подразделений Уфимского федерального исследовательского центра РАН и Академии наук Республики Башкортостан. В работе семинара также приняли участие преподаватели башкирского языка и литературы, студенты Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы и Башкирского государственного университета.

Раиса Халиловна Халикова¹ (башк. *Халикова Рәйсә Хәлил кызы*) родилась 16 марта 1934 г. в городе Карши Узбекской ССР. В 1954–1958 гг. обучалась в Институте восточных языков при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по специальности «Филолог-востоковед. Учитель русского

¹ Шакуров Р.З. ХАЛИКОВА Раиса Халиловна // Башкортостан: Краткая энциклопедия / Гл. ред. Р.З.Шакуров. – Уфа: Научн. изд-во «Башк. энциклопедия», 1996. – С. 617.; Шакуров Р.З. ХАЛИКОВА Рәйсә Хәлил кызы // Башкортостан: Кыскаса энциклопедия. Урыс. тул. һәм төз. тәрж. / Баш мөхәрр. Р.З.Шәкүров. – Өфө: «Башк. энциклопедияһы» дәүл.гилми нәшр., 1997. – 615-се б.

и родного языка и литературы в национальной школе». Ее сокурсниками по вузу были Дмитрий Михайлович Насилов и Дарья Петровна Лукашевич. Надо сказать, что они, включая и Раису Халиловну, окончили этот славный вуз с отличием. Д.М. Насилов стал известным ученым-тюркологом, доктором филологических наук, профессором, организатором науки, долгие годы трудился профессором и заведующим на кафедре тюркской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Дарья Петровна Лукашевич выбрала другую стезю: она долгие годы трудилась в ведущих научных издательствах в качестве редактора. Под ее редакцией было издано множество монографий и учебников по тюркологии, а также двуязычных словарей. Д.П. Лукашевич считалась одним из наиболее авторитетных редакторов в этой сфере деятельности.

Свою трудовую деятельность Р.Х. Халикова начала в Башкирском государственном университете им. 40-летия Октября в качестве ассистента кафедры башкирского языка. Она в течение 1958/1959 учебного года вела такие дисциплины, как «Введение в тюркологию» и «Старотюркский язык», и при этом, несмотря на свою молодость, успела заслужить авторитет и уважение среди коллег и студентов.

В 1959–1962 гг. Раиса Халиловна учится в очной аспирантуре на кафедре тюркской филологии Института восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова, и в 1963 г. под научным руководством профессора Владимира Михайловича Насилова на Ученом совете данного института успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Язык башкирских исторических, деловых и актовых документов XVIII в.».

После завершения обучения в аспирантуре в 1962 г. Р.Х. Халикова была направлена на работу в Стерлитамакский государственный педагогический институт, где она проработала до 1967 г. в должности старшего преподавателя, доцента кафедры русского и башкирского языков. Она является организатором и первым заведующим кафедрой башкирского языка и литературы этого вуза.

За период работы в СГПИ Раиса Халиловна основное внимание уделяла проблемам, связанным с совершенствованием преподавания таких ведущих курсов по кафедре башкирского языка, как «Современный башкирский язык», «Введение в тюркологию», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», «Старотюркский язык». Параллельно она продолжила изучение языка письменных источников на тюрки Урало-Поволжья во всех его аспектах. Результаты исследования находят отражение во множестве опубликованных статей по лексике, фонетике, морфологии, синтаксису языка башкирских письменных памятников XVIII–XIX вв. Р.Х. Халикова становится постоянной участницей многих конференций, симпозиумов и семинаров.

В 1967–1973 гг. Р.Х. Халикова работает доцентом кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического института и продолжает активную научную деятельность. Теперь она проявляет себя уже как опытный ученый-методист в области преподавания русского языка и литературы в национальной школе. Так, Раиса Халиловна по заданию Министерства просвещения Башкирской АССР в составе авторского коллектива готовит и издает учебник «Русский язык для 7-8 классов башкирской школы», выдержавший несколько изданий.

В 1975 г. Министерство просвещения РСФСР включило Р.Х. Халикову в качестве ведущего специалиста в области тюркской и русской филологии в состав авторского коллектива по подготовке ряда учебников для тюркоязычных школ России. Так, учебные пособия «Книга для внеклассного чтения учащихся 4 класса национальных школ РСФСР» и «Книга для внеклассного чтения учащихся 5 класса национальных школ РСФСР», напечатанные в Ленинградском отделении издательства «Просвещение», выдержали 4 издания. Эта работа была написана ею в соавторстве с известным советским и российским лингвистом, кандидатом педагогических наук, профессором, заслуженным учителем школ Бурятской АССР Жамсараном Сажиновичем Сажиновым². По этим пособиям обучались и продолжают обучаться школьники более 20 краев, республик и областей Российской Федерации, в том числе Башкортостана, Татарстана, Якутии, Чувашии, Кабардино-Балкарии, Хакасии, Горно-Алтайской Республики, а также Оренбургской, Челябинской, Свердловской, Курганской и других областей.

В 1973–1993 гг. Р.Х. Халикова работает старшим научным сотрудником сектора, а затем и отдела языка Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (ныне – Уфимский федеральный исследовательский центр РАН). В эти годы предметом ее научного исследования были выявление, сбор, описание, а затем изучение башкирских письменных источников на языке тюрки Урало-Поволжья, хранящихся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Самары, Казани, Челябинска, Оренбурга и ряда других городов. Совокупность выявленных текстов подвергалась исследователем лингвистическому анализу на всех языковых уровнях.

За период работы в Институте истории, языка и литературы БФ АН СССР Р.Х. Халикова в соавторстве с учеными-языковедами И.Г. Галяутдиновым, Э.Ф. Ишбердиным подготовила и издала монографии «Очерки истории башкирского литературного языка» (1989)³, «Башкорт эзэби теленең тарихы (История башкирского литературного языка)» (1993; на башкирском языке)⁴, в которых была представлена новая концепция истории формирования башкирского литературного языка. Р.Х. Халикова в качестве соавтора подготовила первый раздел «История башкирского литературного языка до XIX в.», состоящий из двух глав. В этом разделе ею рассмотрен целый комплекс вопросов (например, отношение древнетюркских и среднетюркских памятников к башкирскому языку, формирование тюрки Урало-Поволжья, жанрово-стилевая характеристика тюрки XVI–XVIII вв и т. д.), касающийся развития, статуса и функции тюрки Урало-Поволжья как основы башкирского литературного языка.

Результатом многолетних научных поисков и изучения огромного числа неоднородных по жанру и функциональным особенностям рукописных источников

² Бабушкин С.М. К 100-летию со дня рождения Ж.С. Сажинова (1912–1999) // Вестник Бурятского университета. Вып. 10. Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – С. 234–236.

³ Ишбердин Э.Ф., Халикова Р.Х., Галяутдинов И.Г. и др. Очерки истории башкирского литературного языка / Отв.ред. Э.Ф. Ишбердин. – М.: Наука, 1989. – 256 с.

⁴ Ишбирзин Э.Ф., Халикова Р.Х., Гәләүәтдинов И.Ф. һ.б. Башкорт эзэби теленең тарихы / Яуап. ред. К.Ф. Ишбаев. – Өфө: Китап, 1993. – 320 б.

стала монография Р.Х. Халиковой «Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв.»⁵, увидевшая свет в издательстве «Наука» в 1990 г. Здесь автор определяет язык анализируемых источников как извод тюрки Урало-Поволжья и считает, что данный язык в Башкирии выступал в качестве письменного и не был языком устного общения. Извлеченные автором письменные тексты и анализ их языка позволили ей заключить, что у башкир в указанный период существовали деловая переписка и юридические документы, а также разновидность исторических сочинений (шежере), которые представляют собой региональные разновидности письменного языка тюрки.

Таким образом, исследования Р.Х. Халиковой дают богатый материал для классификации региональных и социально-функциональных разновидностей письменного языка тюрки с общетюркской точки зрения.

В 1992 г. Раиса Халиловна на диссертационном совете Института языкознания РАН успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв.». В качестве ее оппонентов выступили доктора филологических наук, профессора А.Н. Тихонов, Г.Ф. Благова и Т.М. Гарипов. В августе 1995 г. ей было присвоено ученое звание профессора кафедры башкирского языка.

В 1995–2001 гг. Р.Х. Халикова трудилась заведующим кафедрой башкирского языка Башкирского государственного педагогического института. Лекции профессора Р.Х. Халиковой отличались высоким научно-методическим уровнем, поскольку это было продиктовано ее ответственным отношением к своим обязанностям. Она традиционно вела такие дисциплины, как «Современный башкирский язык. Морфология», «История башкирского литературного языка», «Старотюркский язык», а также спецкурсы и спецсеминары по анализу языка древнетюркских и средневековых памятников, руководила курсовыми и дипломными работами. Успешно занималась вопросами подготовки научно-педагогических кадров, являясь руководителем аспирантов и соискателей.

Под руководством доктора филологических наук, профессора Р.Х. Халиковой прошли аспирантскую подготовку и защитили кандидатские диссертации Д.И. Хизбуллина на тему «Лексика, отражающая растительный мир в башкирском и английском языках» (1999), В.З. Тулумбаев на тему «Башкирские тамги и их названия (лингвистическое исследование)» (2001), Н.Б. Салимов на тему «Публицистический стиль башкирского языка» (2002), З.А. Хабибуллина на тему «Лексика современного башкирского языка в сравнении с языком древнетюркских письменных памятников (на материале названий, относящихся к животному миру)» (2004), А.Г. Ильмухаметов «Формирование и развитие официально-делового стиля башкирского литературного языка» (2005).

За 40 лет неутомимой и кропотливой работы на поприще науки Раиса Халиловна Халикова опубликовала более 120 научных работ, среди которых, как было отмечено ранее, монографии, учебники и учебные пособия.

Р.Х. Халикова большое внимание уделяла и общественной работе. Работала председателем месткома в Башкирском государственном педагогическом инсти-

⁵ Халикова Р.Х. Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1990. – 200 с.

туте в 1967–1970 гг., более двадцати лет выполняла обязанности ответственного секретаря первичной организации Всесоюзного общества «Знание» в Башкирском филиале Академии наук СССР. В 1987 г. избрана делегатом Всесоюзного общества «Знание».

Раиса Халиловна в 1997 г. избрана действительным членом общественной организации «Международная тюркская академия», в 1987 г. удостоена почетного звания «Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан», награждена медалью «Ветеран труда», Почетными грамотами Президиумов Академии наук СССР и Башкирского филиала АН СССР. В 1997 г. награждена Почетной грамотой Министерства образования РФ.

Р.Х. Халиковой не стало 14 сентября 2005 г. Она похоронена на Южном кладбище г. Уфы.

Научная деятельность Р.Х. Халиковой является наглядным примером истинного служения верно избранного ею направления в тюркологии – изучения истории башкирского литературного языка.

Информация о Р.Х. Халиковой представлена в трудах «Башкортостан: Краткая энциклопедия» на русском (1996) и башкирском (1997) языках, в 7-ом томе «Башкирской энциклопедии» и интернет-энциклопедии «Википедия».

Шакуров Рашит Закирович,

доктор филологических наук,

профессор кафедры башкирского и сравнительно-сопоставительного языкознания
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы»

Хабибуллина Зулейха Ахметовна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры башкирского и сравнительно-сопоставительного языкознания
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы»

Шаяхметов Винер Абдульманович,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры башкирского и сравнительно-сопоставительного языкознания
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы»

**ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ ГУЗЕВ
(К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Профессор Виктор Григорьевич Гузев родился 3 ноября 1939 г. в Воронеже, в семье служащих. В 1957 г., после окончания средней школы, он поступил на Восточный факультет Ленинградского университета, который закончил с отличием в 1962 г. В годы учебы на Кафедре тюркской филологии Восточного факультета лингвистические взгляды В.Г. Гузева формировались под влиянием его учителей: академика А.Н. Кононова, заведовавшего Кафедрой в то время, и профессора С.Н. Иванова. С 20 ноября 1959 по 20 ноября 1960 г. будущий ученый проходил стажировку в Софийском государственном университете. Во время пребывания в Болгарии В.Г. Гузев проявил большой интерес к изучению диалектов турецкого населения страны, результатом которого стала статья о диалекте села Крепча в северо-восточной Болгарии (опубликована в 1962 г.). Вскоре определились основные направления его будущих научных изысканий на многие годы: фонология, морфология и синтаксис тюркских языков.

После окончания Восточного факультета в 1962 г. проходил курс аспирантуры при кафедре тюркской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета под руководством проф. А.Н. Кононова, где занимался проблемой фонологической интерпретации данных древнетюркских арабографичных письменных памятников.

22 декабря 1966 г. В.Г. Гузевым была защищена кандидатская диссертация на тему «Фонетика староанатолийско-тюркского языка».

В своей диссертационной работе и ранних статьях В.Г. Гузев сумел, преодолевая скептицизм предшествовавших исследований, обосновать возможность арабографичных текстов служить источником теоретических изысканий по фонетике тюркских языков, отраженных в этих текстах; и предложил убедительную фонологическую интерпретацию фонологического строя и морфонологических

закономерностей староанатолийско-тюркского языка. 20 ноября 1986 г. состоялась защита докторской диссертации «Система тюркских словоизменительных категорий в функционально-семантическом аспекте (на материале староанатолийско-тюркского языка)».

В 1965–1973 гг. Виктор Григорьевич работал в должности младшего научно-го сотрудника в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, где участвовал в качестве соавтора в составлении «Биобиблиографического словаря отечественных тюркологов. Дооктябрьский период», выдержавшего два издания (М., 1974 и 1989).

В Ленинградском (Санкт-Петербургском) государственном университете В.Г. Гузев работает с 1973 г. по настоящее время: сначала в должности старшего преподавателя, с 1976 г. – доцента. В июне 1988 г. В.Г. Гузев был избран профессором и заведующим Кафедрой тюркской филологии, которой руководил свыше 25 лет, до ноября 2013 г.

Большинство научных трудов ученого с конца 1970-х гг. по настоящее время посвящены теории тюркской грамматики (в особенности вопросам морфологии). Итоги многолетних исследований по этой тематике подведены В.Г. Гузевым в двух монографиях: «Очерки по теории тюркского словоизменения. Имя. (На материале староанатолийско-тюркского языка)» (Л., 1987) и «Очерки по теории тюркского словоизменения. Глагол. (На материале староанатолийско-тюркского языка)» (Л., 1990).

Виктор Григорьевич обладает уникальным лингвистическим и научным чутьем, которое помогает ему в многообразии концепций и школ обнаружить единомышленников, в сотрудничестве с которыми ему удавалось и удастся невероятно простым образом разрешать многие, не разрешенные до него проблемы. В ряде общих работ о строе тюркских языков, созданных совместно с профессором Д.М. Насиловым, В.Г. Гузев исследует свойства тюркских словоизменительных категорий, в результате чего удастся прийти к выводу об отсутствии нулевых словоизменительных (точнее, формообразовательных) форм в этих языках. Затем, под влиянием идей и сотрудничества с профессором Г.П. Мельниковым, оформляются основные взгляды и положения теории тюркской грамматики, базирующиеся на выявлении уникальных свойств языковых систем, на разграничении таких онтологических реалий, как «язык» и «мышление», «значение» (семантема) и «смысл».

Несомненным вкладом В.Г. Гузева в теорию тюркской грамматики является разработка целостной системы нетрадиционных представлений, преодолевающей укоренившиеся в тюркской грамматике индоевропеистические предрассудки и предполагающей уточнение ряда ключевых лингвистических понятий. Все основные труды В.Г. Гузева по теории тюркской грамматики отличает приверженность функциональному подходу к явлениям языка. Исходя из ключевых положений теории И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Л.В. Щербы, Г.П. Мельникова и их последователей о разграничении в лингвистической науке понятий единиц языковой системы и речи, ученый разработал собственную концепцию «вторичной репрезентации» («вторичного гипостазирования») предметов, свойств и отношений внешнего мира посредством словообразовательных и словоизменительных грамматических категорий. Эта концепция была воспринята

многими учениками и коллегами В.Г. Гузева и получила широкую известность в тюркологии. Фактически ученый создал собственную научную школу функциональной грамматики тюркских языков; в числе его учеников следует особо отметить профессора Мухаммаджана Маматова (Узбекистан), доцента Абдумумина Бабанарова (Узбекистан), доцентов СПбГУ Н.Н. Телицина, М.Э. Дубровину, А.С. Аврутину, А.С. Сулейманову, Л.М. Ульмезову, Н.А. Матушкину, доцента университета Мармара в Стамбуле Озлем Дениз-Йылмаз, защитивших диссертации под его руководством. Разработка концепции продолжается и в настоящее время, ее результаты публикуются в виде статей на русском, немецком и турецком языках.

В 1990-е гг. В.Г. Гузев совместно с видным историком-тюркологом, профессором С.Г. Кляшторным опубликовал цикл статей о древнетюркском (VII–IV вв.) руническом письме, в которых прослеживается хронологически сжатый эволюционный путь тюркской руники: от рисуночного фонда (от тамг) через фонетизацию знаков к словесно-слоговому этапу и далее к попыткам фонемографических (алфавитных) начертаний слов и формантов. Авторы пришли к гипотезе об автохтонном происхождении этой письменности. Итоги проделанной работы представлены в статье: Гузев В.Г., Кляшторный С.Г. Древняя письменность Великой степи // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М. «Восточная литература», 2009. С. 146–176.

Виктор Григорьевич является почетным членом Турецкого лингвистического общества с 20 октября 2000 г. 20 октября 2008 г. ему было присвоено звание кавалера Государственного ордена Турецкой Республики за заслуги перед тюркологической наукой и за воспитание научных кадров. Орден был вручен в Анкаре президентом Турецкой Республики, господином Абдуллой Гюлем.

Помимо участия в составлении упомянутого выше «Биобиблиографического словаря отечественных тюркологов. Дооктябрьский период», В.Г. Гузев является также автором ряда статей по истории отечественной тюркологии, в частности, о таких ее представителях, как С.Е. Малов, Н.А. Баскаков, А.Н. Баскаков, С.Н. Иванов, В.Г. Кондратьев, А.П. Григорьев. До настоящего времени профессором В.Г. Гузевым опубликовано более 150 научных и учебно-методических работ (в числе которых 4 монографии).

В течение своей многолетней преподавательской деятельности В.Г. Гузев подготовил и читал студентам Восточного и Филологического факультетов учебные курсы: «Грамматика современного турецкого литературного языка», «Теоретическая грамматика турецкого языка», «Основы функциональной грамматики тюркских языков», «Сравнительная грамматика тюркских языков», «Староосманский язык», «Турецкая лингвистическая терминология» (курс впервые в истории Кафедры читался на турецком языке), «Древнетюркская руническая письменность в свете фонологии и общей теории письма», «Языки мира (тюркские языки)» и др. Некоторые из этих курсов читаются им и в настоящее время. В.Г. Гузев является автором ряда учебных пособий, среди них следует особо отметить книгу «Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики» (СПб., 2004), написанную на турецком языке совместно с Озлем Дениз-Йылмаз, а также учебное пособие по курсу «Функциональный синтаксис современного турецкого языка» (СПб., 2013).

В.Г. Гузев читал курсы лекций в Ташкентском, Самаркандском и Туркестанском (г. Туркестан, Республика Казахстан) университетах; участвовал во многих научных конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Гамбурге, Лейпциге, Чимкенте, Стамбуле, Анкаре, Чесме (Турция); неоднократно выступал в Турции на «Международных конгрессах по тюркским языкам». Под его руководством защищено семь кандидатских диссертаций. В настоящее время профессор В.Г. Гузев активно продолжает вести учебные занятия, руководит на Кафедре научными исследованиями аспирантов и соискателей.

*Коллектив кафедры тюркской филологии
Восточного отделения
Санкт-Петербургского гос. университета*

**АФАТ МАМЕДОВИЧ КУРБАНОВ
(1929–2009)
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

В этом году научная общественность отметила 90-летний юбилей со дня рождения известного ученого-языковеда, тюрколога и общественного деятеля, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки, лауреата Государственной премии Азербайджанской ССР, заместителя председателя Советского комитета тюркологов Академии наук СССР, члена-корреспондента Академии наук Азербайджанской ССР, члена Национальной академии наук Азербайджана, почетного члена Турецкого лингвистического общества, Бельгийского общества ономастики, Финно-угорского общества Финляндии и других международных академий и обществ, основателя «Научной школы ономастики», председателя Комиссии по азербайджанскому алфавиту и автора нынешнего азербайджанского алфавита Афата Мамедовича Курбанова.

Афат Мамедович Курбанов родился 10 января 1929 г. в семье высокопоставленного военного в селе Джуджи Калининского района Армении (Западного Азербайджана).

А.М. Курбанов получил среднее образование в школах сел Гызыл Шафаг и Илмезли Армении. Из-за нехватки кадров в годы войны и с учетом его грамотности и организаторских способностей в 1945 г. 16-летний подросток был назначен директором семилетней школы и учителем азербайджанского языка в селе Гызыл Шафаг. Именно с этого года А.М. Курбанов начал свою педагогическую деятельность. В 1946 г. А.М. Курбанов был награжден медалью ветерана Второй мировой войны за самоотверженный труд в тылу. Однако самым большим желанием молодого ученого было получение высшего образования. Именно поэтому после года работы директором школы он направился в столицу Грузии, город Тифлис.

После окончания Грузинского учительского института в 1948 г. А.М. Курбанов в 19 лет был назначен директором и учителем азербайджанского языка и литературы в семилетней школе села Орузман Башкечидского района Грузии. Однако в том же году он уволился и приехал в Баку поступать на факультет языка и литературы Азербайджанского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, который окончил с отличием в 1951 г.

В 1962 г. А.М. Курбанов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Язык и стилистика пьесы С. Вургуня «Вагиф», а немного позже, в 1968 г., докторскую диссертацию на тему «Современный азербайджанский литературный язык» в отделении общественных наук Академии наук Азербайджана. В 1970 г. Высшая аттестационная комиссия удостоила А.М. Курбанова звания профессора.

С 1959 г. А.М. Курбанов работал ассистентом на кафедре азербайджанского языкознания, а с 1965 г. – на должности доцента. В 1967–1981 гг. он работал на кафедре филологии Азербайджанского государственного педагогического института заместителем декана – в течение года, деканом – 13 лет, а в 1981–1989 гг. – в должности ректора института и в тот же период был председателем Диссертационного совета по филологическим наукам и Диссертационного совета по педагогическим наукам. С 1979 г. до конца жизни (30 лет) А.М. Курбанов работал заведующим кафедрой азербайджанского языкознания Азербайджанского государственного педагогического университета.

В 70-80-е гг. XX в. под руководством А.М. Курбанова Азербайджанский педагогический институт им. В.И. Ленина был полностью реорганизован, в результате чего значительно повысился уровень образования, были созданы новые кафедры и факультеты, качественно обновлена деятельность возглавляемых им диссертационных советов, построен шестнадцатиэтажный учебный корпус, капитально отремонтированы общежития, создан первый на Кавказе и четвертый в СССР военный факультет. Азербайджанский педагогический институт был отмечен Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, а на торжественном заседании, посвященном 60-летию Института, 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана Гейдар Алиев наградил Институт орденом Трудового Красного Знамени.

С 1969 г. А.М. Курбанов был заместителем председателя учебно-методических советов по азербайджанскому языку при Министерстве высшего и среднего специального образования и Министерстве просвещения Азербайджанской ССР, а впоследствии – активным членом Научно-методического совета, Научно-методического центра по проблемам образования и многих комиссий Министерства образования.

С 1979 г. А.М. Курбанов был членом редакционной коллегии энциклопедического издания «Словарь азербайджанских топонимов», сборника «Язык и литература», журналов «Наука и жизнь», «Образование» и «Тюркология», создателем и главным редактором научно-лингвистического журнала «Языкознание» и научно-ономастического журнала «Ономастика». С 1980 г. он вел напряженную и плодотворную работу в качестве председателя Комиссии по азербайджанскому алфавиту, активного члена Терминологического комитета Национальной академии наук Азербайджана, Специальной комиссии по именам и фамилиям, Комиссии по подготовке закона о государственном языке, Координационного совета,

научных и диссертационных советов Института языкознания имени Насими и других комиссий. Он был членом Союза писателей Азербайджана.

В 1983 г. А.М. Курбанов был избран членом-корреспондентом Академии наук Азербайджана, в 1992–2000 гг. – академиком Азербайджанской академии национального творчества, Международной академии педагогических наук, Российской академии педагогических и социальных наук, Нью-Йоркской академии, почетным членом Турецкого лингвистического общества, действительным членом Постоянного меджлиса тюркского языка, действительным или почетным членом Бельгийского общества ономастики, Финно-угорского общества Финляндии и других организаций.

В 1981 и 1987 гг. Афад Курбанов был депутатом Бакинского городского совета, а в 1990–1995 гг. – депутатом парламента Азербайджана.

Работы А.М. Курбанова «Современный азербайджанский литературный язык» и «Практикум по современному азербайджанскому литературному языку», переиздаваемые с 1967 г., отличаются своей цельностью, оригинальностью и простотой языка и до сих пор являются наиболее используемыми учебниками в высших учебных заведениях и научных учреждениях Азербайджана. В 80-х гг. XX в. впервые профессор А.М. Курбанов сгруппировал и создал систему преподавания предметов языкознания в высших учебных заведениях Азербайджана.

Книга «Общее языкознание», издаваемая с 1977 г., является первым учебником, написанным для педагогических высших учебных заведений Азербайджана. Книга переведена и издана на турецком, русском, английском и французском языках.

Выдающегося азербайджанского ученого-языковеда А.М. Курбанова отличал собственный почерк – собственная научная концепция в области общего языкознания. Данный учебник, охватывающий все области языкознания, остается единственным, используемым в настоящее время в высших учебных заведениях Азербайджана. В нем профессор А.М. Курбанов представил свое решение одной из основных проблем общего языкознания – новое деление мировых языков. Данная им классификация алтайской семьи языков получила мировое признание за новизну и оригинальность, в том числе за новое видение положения тюркских языков в семье алтайских языков.

А.М. Курбанов – один из немногих ученых-языковедов, отмеченных государственной наградой за свои труды, он был удостоен Государственной премии за монографию «Ономалогия азербайджанского языка».

В истории азербайджанского языкознания мало языковедов, создавших научные школы. Вторая половина XX в. считается особым этапом в развитии азербайджанского языкознания, и на этом этапе формирование азербайджанской ономалогии как независимого раздела теоретического языкознания – научной школы ономастики – непосредственно связано с именем известного ученого-языковеда А.М. Курбанова.

Термин «тюркологическое языкознание» был впервые введен в азербайджанское языковедение в 60-70-х гг. XX в. заместителем председателя Советского комитета тюркологов Академии наук СССР, языковедом-тюркологом и алтаистом А.М. Курбановым.

Благодаря усилиям ученого-языковеда А.М. Курбанова как председателя Комиссии по ораторскому и лекционному искусству общества «Знание» с 80-х гг.

XX в. в Педагогическом институте была разработана программа и стал на постоянной основе преподаваться специальный курс «Основы культуры речи».

Программа и первый учебник по фундаментальному преподаванию предмета «Лингвистический анализ художественного текста» в высших педагогических заведениях были разработаны ученым-языковедом А.М. Курбановым в 70-х гг. XX в.

Член Специальной комиссии Национальной академии наук Азербайджана по именам и фамилиям, профессор А.М. Курбанов впервые составил «Энциклопедию азербайджанских личных имен», которая содержит азербайджанские имена, отражает теорию личных имен и определяет традицию выбора имен (именования), а также обоснованную концепцию «Об азербайджанских фамилиях».

Выдающийся языковед-тюрколог А.М. Курбанов стал одним из главных инициаторов и составителей проекта общетюркского алфавита в 1993 г., целью которого было объединение более двухсот шестидесяти миллионов человек, говорящих, читающих и пишущих на двадцати трех языках тюркской группы. Автор нынешнего азербайджанского алфавита, ученый-языковед А.М. Курбанов стал первым ученым, научно обосновавшим необходимость перехода на алфавит с латинской графикой.

*Коллектив
Азербайджанского государственного
педагогического университета,
г. Баку*

**АЙДЕР МЕМЕТОВИЧ МЕМЕТОВ
(К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНОГО)**

В марте 2019 г. доктор филологических наук, профессор, декан факультета крымскотатарской и восточной филологии, заведующий кафедрой восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», член Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, Айдер Меметович Меметов отметил свой семидесятипятилетний юбилей.

Айдер Меметов – Академик Крымской Академии наук (1994), Заслуженный работник народного образования Украины (1995), Заслуженный работник науки и техники Республики Крым (2018), доктор филологических наук (1990), профессор (1991), лауреат Государственной премии АР Крым (2003), член Экспертного совета ВАК Украины (2002–2010), член комиссии Государственного Совета Республики Крым по назначению научных стипендий аспирантам и молодым ученым, член экспертного совета Российского Фонда Фундаментальных исследований, член Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации по филологии и искусствоведению (приказ № 356 от 28.04.2018 г.), член редакционного совета журнала «Российская тюркология», декан факультета крымскотатарской и восточной филологии, зав. кафедрой восточной филологии Таврической Академии (быв. Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. В его послужном списке около 200 опубликованных научных и методических работ, в том числе 8 школь-

ных учебников, 7 учебников для вузов, 4 орфографических словаря, 6 монографий. Им создана своя научная школа «Крымтатарологии и востоковедения» (2015). Под его научным руководством 15 аспирантов защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по крымскотатарскому, турецкому, персидскому и арабскому языкам, один докторант – докторскую диссертацию по крымскотатарскому языку. В жизни Айдера Меметова были серьезные испытания, но он никогда не отступал и сейчас не отступает от своих принципов, своего понимания роли ученого в жизни общества и своего народа.

Родился будущий ученый 22 марта 1944 г. в селе Янджо (сов. с. Путиловка) Куйбышевского района Крымской АССР. В семье он был седьмым ребенком. Через полтора с небольшим месяца после рождения Айдера 18 мая 1944 г. всю его семью вместе со всем крымскотатарским народом по огульному обвинению в измене родине и предательству погрузили в грузовые вагоны для перевозки скота и под зорким присмотром сотрудников НКВД отправили в дальние края – Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизию и за Урал.

В многодетной семье все трудились. Айдер в пятилетнем возрасте выгонял коз на пастбище. Как вспоминает будущий ученый, его будили в четыре часа утра, давали выпить большую ложку рыбьего жира и отправляли пасти коз. Выпас коз – довольно утомительный труд для ребенка, и Айдер попросил родителей отправить его в школу в шестилетнем возрасте. В 1950 г. новая деревянная школа в поселке сгорела. Для 4-х классов начальной школы выделили одну комнату: в одном ряду сидели ученики первого класса, во втором ряду – ученики третьего класса, в третьем ряду – ученики второго класса и в четвертом ряду – ученики четвертого класса. В четырех классах одновременно занятия проводила одна учительница. После окончания 4-х классов отец спросил у Айдера: «Пойдешь учиться дальше или будешь работать?». Айдер выбрал продолжение учебы, так как уже тогда понимал, что без образования нет будущего.

В 1956 г. крымским татарам, как и другим народам, выселенным из родных мест по огульному обвинению в сотрудничестве с оккупантами, разрешили передвигаться по территории Советского Союза. Семья Меметовых стала готовиться к переезду в Узбекистан, где проживали их родственники.

В феврале 1957 г. семья будущего ученого покидает места высылки и переезжает в Узбекистан. Именно здесь будущий ученый после окончания школы мечтает поступить в университет. Сдает документы на физический факультет Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина. Несмотря на успешно сданные вступительные экзамены, ему на заседании конкурсной комиссии отказывают в зачислении на физический факультет. Здесь сыграла свою роль пятая графа, согласно которой крымским татарам был ограничен доступ к высшему образованию. Многие на его месте отказались бы от своей мечты. Но Айдер решил не сдаваться и пошел своим путем.

Он поступает на шоферские курсы и параллельно начинает усиленно заниматься спортом – греко-римской борьбой. После окончания водительских курсов Айдер работает шофером в автобазе № 69 и выступает сначала на районных, а затем на областных, республиканских и союзных соревнованиях. Он становится чемпионом спортивного общества «Пахтакор». В 1963 г. выполняет норматив мастера спорта СССР.

Его приглашают учиться в Физкультурный институт, но он отказывается. Затем, после того как он стал чемпионом Узбекистана, его приглашают в Транспортный институт. Но и там он не желает учиться. Он верит, что его мечта учиться в университете скоро осуществится. В 1964 г. Айдер выигрывает Международный турнир «Приз Поддубного». К нему подходит главный тренер Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина Аркадий Борисович Побережский и приглашает в университет. Вот он долгожданный момент. Айдер с благодарностью принимает приглашение и начинает серьезно готовиться к поступлению в университет. Успешно сдав все вступительные экзамены (на 4 экзаменах получил 20 баллов), Айдер Меметов становится студентом 1-го курса восточного факультета ирано-афганского отделения. Тернистый путь к поступлению в университет, наконец-то, преодолен. Впереди снова учеба и спорт. Но спорт уже на втором месте. В 1967 г. Айдер становится чемпионом Универсиады (г. Новосибирск). В 1968 г. он – призер Всесоюзного общества «Локомотив».

После многочисленных, серьезных достижений в спорте на первое место теперь выходит учеба. Заметив способности Айдера в изучении иностранных языков, один из его учителей Илья Альбертович Киссен предлагает ему серьезно заняться наукой. Для начала собрать фактический материал по персидским заимствованиям в крымскотатарском языке для дипломной работы. Айдер с большим рвением приступил к работе и в течение короткого времени собрал столько материала, что потом его хватило и на кандидатскую диссертацию. Убеленный сединой профессор Айдер Меметович до сих пор с искренней благодарностью вспоминает своего первого научного наставника Илью Альбертовича Киссена, открывшего ему дорогу в науку, и своего тренера Аркадия Борисовича Побережского, без которого очень сложно было бы осуществить свою мечту – поступить в университет.

Будучи студентом 5-го курса восточного факультета Айдер по совместительству устраивается на работу в газету «Ленин Байраги» на должность младшего литсотрудника. Здесь он близко знакомится почти со всей крымскотатарской интеллигенцией, проживавшей в Ташкенте. Это, в первую очередь, редактор газеты Абселям Ислямов, заместитель редактора Юсуф Болат, заведующие отделами и литсотрудники Мамбет Али, Урие Эдемова, Черкез Али, Сафтер Нагаев, Эрвин Умеров, Айдер Осман, Шамиль Алядин и др. Со многими из них он поддерживал дружеские и творческие связи в течение многих лет. Работа в газете помогла начинающему ученому глубже изучить родной язык и укрепить национальный дух. В газете публикуются первые статьи Айдера о правилах правописания ряда крымскотатарских слов, которые вызвали разногласия между известными крымскотатарскими писателями Юсуфом Булатом и Шамилем Алядином. Эти правила стали базовыми для новой крымскотатарской орфографии, которые были разработаны через несколько лет Айдером Меметовым.

В 1969 г. Айдер с отличием окончил Ташкентский государственный университет и получил специальность – иранист-филолог-востоковед, преподаватель персидского языка со знанием английского.

В те годы выпускники должны были отработать два года в тех организациях, куда их направят. По распределению Айдера Меметова направили на работу в г. Термез на таможенную службу в качестве переводчика. До него там работал выпускник Ленинградского университета. Работы на таможне было мало, так как тогда торговые отношения между Афганистаном и Советским Союзом развивались очень

слабо. Молодой специалист обратился к руководству ТашГУ, чтобы они отозвали его из Термеза и предоставили возможность заниматься наукой в Ташкенте. К просьбе Айдера Меметова подключился и Республиканский комитет по спорту. Просьба была удовлетворена, и Айдера Меметова перевели на работу в Ташкентский государственный педагогический институт им. Низами на филологический факультет, где по многочисленным просьбам крымскотатарской интеллигенции было открыто отделение татарского языка и литературы. Меметов Айдер был принят сначала на должность преподавателя персидского языка и литературы. Затем ему поручили разработать учебный план и рабочие программы по основным читаемым дисциплинам на татарском отделении. Так он стал первым штатным преподавателем на отделении татарского языка и литературы. Термин крымскотатарский категорически запрещалось употреблять, так как крымские татары были вычеркнуты из списка народов СССР.

Выпускники Кабульской академии педагогических наук на практике в Ташкенте.
Справа – старший переводчик Меметов А. М. 1975 г.

Молодому выпускнику восточного факультета Айдеру Меметову срочно пришлось разработывать основные курсы по крымскотатарскому языку – фонетику, лексикологию, лексикографию, морфологию, историю языка, диалектологию, введение в тюркологию, спецкурсы, спецсеминары и т. п. Старые педагогические кадры, осуществлявшие подготовку специалистов по родному языку и литературе в Крыму, были разбросаны по союзным республикам – Узбекистану, Казахстану, Киргизии и Таджикистану. Для составления конспектов по указанным выше дисциплинам Айдер Меметов едет в Москву и там, в библиотеке им. Ленина пишет свои лекции, которые через несколько лет лягут в основу его первого учебника по родному языку для вузов.

Наряду с педагогической деятельностью, Айдер Меметов продолжает заниматься наукой и на общественных началах тренирует сборную команду Ташкентского педагогического института им. Низами по греко-римской борьбе. В течение ряда лет (с 1971 по 1975 г.) команда борцов, возглавляемая мастером спорта СССР Айдером Меметовым, занимает призовые места на первенстве Советского Союза среди педагогических институтов, которые регулярно проводились в г. Гродно (Белорусская ССР).

В 1972 г. Айдер завершает исследование персидских заимствований в крымскотатарском языке. Диссертационная работа обсуждается на объединенном заседании кафедр общего и узбекского языкознания. Затем вместе с решением этих кафедр в том же году представляется для защиты в Институт узбекского языка и литературы АН УзССР. Ученый Совет Института узбекского языка и литературы обращается с просьбой в ВАК СССР для получения разрешения на проведение разовой защиты по крымскотатарскому языку. ВАК СССР категорически возражает, мотивируя тем, что в СССР нет такой национальности как крымские татары. Автору работы самому пришлось поехать в Москву и доказывать наличие в Советском Союзе крымских татар. После долгих объяснений Айдеру Меметову удалось убедить московских бюрократов в присутствии в СССР крымских татар и получить разрешение на разовую защиту своей диссертации. Однако до выдачи разрешения ВАК затребовал работу А. Меметова на предварительную экспертизу. Это был первый (редкий) случай, когда диссертационная работа подвергалась экспертизе до защиты. Разрешение на защиту было получено в сентябре 1974 г. Потом стало известно, что положительный отзыв на работу Айдера Меметова дал всемирно известный тюрколог, профессор Эрванд Владимирович Севортян. На этом мытарства Айдера не закончились. После издания автореферата в Институт по месту защиты стали приходиться отзывы. Наряду с 8 положительными отзывами, девятый отзыв оказался отрицательным. Он был написан соотечественником-недоброжелателем, далеким от науки. Пройдет несколько лет и ему станет стыдно за свой омерзительный поступок. Он придет и попросит прощение. Однако руководство Института узбекского языка и литературы, где предполагалось провести защиту, решило подстраховаться и раздало три главы диссертации в три отдела на дополнительную рецензию и только после получения положительного заключения рекомендовало работу к защите. Защита диссертации состоялась в 1975 г., и Айдер Меметов стал первым кандидатом филологических наук в области крымскотатарского языкознания после выселения крымских татар из Крыма в 1944 г. Совмещая педагогическую работу с научными изысканиями в области лексикологии, в 1975 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Персидские заимствования в крымскотатарском языке» в Институте языка и литературы при АН Узбекистана.

В 1984 г. он издает первый оригинальный учебник по крымскотатарскому языку для вузов, в котором описаны грамматический строй крымскотатарского языка (фонетика, орфография, лексикология, морфология). Этот учебник не потерял своей научной ценности и в настоящее время.

В 1982 г. доцент А. Меметов завершает диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему: «Иноязычные заимствования в крымскотатарском языке» и представляет ее на обсуждение на

объединенном заседании кафедр татарской, казахской и узбекской филологий Ташкентского государственного педагогического института имени Низами. Получив положительные отзывы академика, доктора филологических наук, профессора М.А. Аскаровой, докторов филологических наук, профессоров А.Ш. Шерматова, Т. Айдарова, М. Бекбергенова, М. Оразова, кандидатов филологических наук, доцентов С. Аширбаева, Р. Расулова и других сотрудников кафедр, А. Меметов едет в Москву для обсуждения своей работы в секторе тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР. На заседании сектора при обсуждении работы А. Меметова выступили ведущие ученые-тюркологи Советского Союза доктор филологических наук, профессор Э.В. Севортян, Н.А. Баскаков, Н.З. Гаджиева и другие сотрудники сектора. Все выступившие отметили актуальность, научную значимость, оригинальность и практическую ценность диссертационной работы А. Меметова и единогласно рекомендовали ее к защите. Н.А. Баскаков высказал пожелание после защиты продолжить исследование базовой, основной лексики крымскотатарского языка, так как крымскотатарская лексика до сих пор остается малоизученной и у тюркологов нет достоверного материала в этой области для проведения сравнительных общетюркских исследований. Путь к защите был сложным и тернистым, однако после долгих усилий и упорного труда она состоялась на заседании специализированного совета Д 008.02.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Академии Наук Казахской ССР под председательством академика АН КазССР, доктора филологических наук А.Т. Кайдарова. Официальными оппонентами выступили: Член-корреспондент АН КазССР, доктор филологических наук, профессор Г.С. Садвакасов; доктор филологических наук, профессор Х.Г. Нигматов; доктор филологических наук Ж.М. Гузеев.

Слева направо: научный консультант проф. А.М. Меметова, академик Академии наук Казахстана, д. филол. наук, проф. К.М. Мусаев, А.М. Меметов. 1987 г., Ташкент

В конце 90-х гг. прошлого столетия крымские татары стали массово возвращаться на свою историческую родину. Крымскотатарские журналисты и писатели создали рабочую группу для перевода газеты «Ленин Байрагы» и ее сотрудников в Крым. Члены рабочей группы выезжали в Крым, встречались с руководителями Крымской области, решали вопросы обустройства репатриантов у себя на родине. Всем журналистам выделили земельные участки недалеко от Симферополя. Помогли установить деревянные финские домики. Заботу о переводе крымскотатарских студентов и преподавателей Ташкентского государственного педагогического института им. Низами взяли на себя профессор А. Меметов (зав. кафедрой татарского языка и литературы) и доцент Балич Абдулла Абдукадырович (проректор заочного отделения ТГПИ им. Низами). Они неоднократно выезжали в Крым, встречались с Председателем Верховного Совета Крыма Н.В. Багровым, зав. сектора по науке Уськовым, ректором Симферопольского государственного университета им. М.В. Фрунзе Сидякиным Вячеславом Григорьевичем, обговаривали условия перевода студентов и преподавателей из Ташкента в Симферополь. Параллельно готовили документы на открытие в Симферополе Педагогического института, в состав которого должны были войти пять факультетов: крымскотатарской филологии, дефектологии, дошкольного образования, художественно-графический и индустриально-педагогический факультеты. Доцент А.А. Балич, имевший богатый опыт работы в педагогическом институте, обосновал необходимость подготовки национальных кадров по всем указанным выше специальностям, и было получено добро на переезд студентов и преподавателей в течение двух лет, так как в Симферопольском университете не было достаточно свободных аудиторий, а в студенческом общежитии – свободных комнат. Было предусмотрено строительство национального педагогического института.

В течение 1991 и 1992 гг. все студенты крымскотатарского отделения вместе с преподавателями переехали из Ташкента в Крым. В Симферопольском университете при филологическом факультете было открыто крымскотатарское отделение и две кафедры: крымскотатарского языка и крымскотатарской литературы.

Наряду с подготовкой педагогических кадров для школ и ВУЗов Крыма, А. Меметов создает ряд учебников по крымскотатарскому языку с 5-го по 11-ый классы включительно, которые регулярно переиздаются. За 49 лет своей педагогической деятельности им подготовлено более 1500 учителей крымскотатарского языка и литературы, которые работают в сфере народного образования, а также в средствах массовой информации.

А. Меметовым изданы три орфографических словаря (1993, 1994, 2014), один фразеологический словарь в соавторстве (2009) для учеников средней школы, учебники «Современный крымскотатарский язык» (2006), «Морфология крымскотатарского языка» (2003), «Фонетика крымскотатарского языка» (2013), «Старокрымскотатарская письменность на основе арабской графики» (2013) для студентов и преподавателей ВУЗов, учителей школ и аспирантов, опубликовал около 200 научных статей.

Возглавив в 1994 г. кафедру крымскотатарского языкознания в Симферопольском госуниверситете А.М Меметов значительно расширил тематику проводимых здесь научных исследований. Под его руководством защищено 15 кандидатских диссертаций и одна докторская, связанных с проблемами лексикологии, стилистики, фразеологии, морфологии и синтаксиса крымскотатарского, араб-

ского, персидского и турецкого языков. Возглавляемая им кафедра, а затем и факультет крымскотатарской и восточной филологии в Таврической Академии Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского стали местом формирования научной школы крымтатарологии и востоковедения, которая была официально зарегистрирована 14.12.2015 г., протокол № 18.

Профессор Айдер Меметов был членом Специализированного совета по защите диссертаций по специальности 10.02.13 – языки народов Азии, Африки, аборигенных народов Америки и Австралии при Институте востоковедения НАН Украины, членом Экспертного совета ВАК Украины по языкознанию (2002–2010 гг.), является членом комиссии Государственного Совета республики Крым по назначению научных стипендий аспирантам и молодым ученым, членом Президиума Всемирной организации тюркологов, членом экспертного совета РФФИ, членом редакционного совета журнала «Российская тюркология» (г. Москва), редактором единственного в Крыму «Востоковедного сборника», членом редколлегии многих научных изданий.

Круг научных интересов юбиляра чрезвычайно широк: это вопросы взаимодействия и взаимообогащения родственных и неродственных языков, различные аспекты фонетики и фонологии, лексикология и лексикография, история и этногенез древних народов Крыма и т. д.

В 2005 г. в связи с реорганизацией структурных подразделений Таврического национального университета и расширением функциональной деятельности научной лаборатории по составлению и изданию учебников на родном языке, она была преобразована в научно-исследовательский центр крымскотатарского языка и литературы имени Бекира Чобан-заде. Директором этого центра был назначен профессор А. Меметов.

В 2018 г. За многолетний труд в области образования он награжден почетным званием «Ветеран труда КФУ имени В.И. Вернадского».

Айдеру Меметовичу Меметову удалось выполнить задачу, которая по силам исключительно научно-исследовательскому институту: именно благодаря нашему Учителю в высшей школе началось и по сей день успешно продолжается систематизированное преподавание крымскотатарского языка. Благодарные ученики и коллеги поздравляют юбиляра и желают ему дальнейших научных свершений!

Л.С. Селендили

Проф. кафедры крымскотатарской филологии
ТА ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
д. ф. н, доцент, член РКТ при ОИФН РАН,
председатель комитета по образованию, науке и молодежной политике
Совета крымских татар при Главе Республики Крым

Э.Ш. Меметова

Зав. кафедрой крымскотатарской филологии
ТА ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
к.ф.н., доцент

Э.Н. Меджитова

Старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии
ТА ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

**ТАМАРА ГЕРАСИМОВНА БОРГОЯКОВА
(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

В 2019 г. отметила 70-летний юбилей Тамара Герасимовна Боргоякова – доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, известная не только как блестящий ученый, автор фундаментальных научных трудов по тюркологии и социолингвистике, но и как активный общественный деятель, внесший неоценимый вклад в сохранение и развитие родного хакасского языка и защиту языковых прав хакасского народа.

Почти полвека Тамара Герасимовна посвятила Хакасскому госуниверситету, работа в котором началась для нее в 1971 г. – окончив факультет английского языка Иркутского государственного педагогического института иностранных языков (ныне Иркутский государственный лингвистический университет), она стала ассистентом кафедры английского языка Абаканского государственного педагогического института (ныне ХГУ имени Н.Ф. Катанова). С подачи известного тюрколога М.И. Боргоякова Тамара Герасимовна занялась исследованием хакасской фразеологии – малоизученной в то время области хакасского языкознания. В 1983 г. в Институте языкознания Академии Наук Казахской ССР она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Структурно-семантические типы фразеологических единиц хакасского языка», подготовленную под руководством доктора филологических наук, профессора А.Т. Кайдарова. Это исследование позволило ей в 1996 г. издать «Краткий хакасско-русский фразеологический словарь» – первый и на данный момент единственный фразеологический словарь хакасского языка, второе издание которого вышло в 2000 г.

В 90-е гг. Т.Г. Боргоякова заинтересовалась социолингвистической проблематикой. В область ее научных интересов входят вопросы языковой политики и языкового планирования, а также проблемы языкового сдвига и сохранения ми-

норитарных языков. В 1993 г. она возглавила работу по созданию Государственной Программы сохранения и развития языков народов Республики Хакасия на 1994–2000 гг., реализация которой привела к заметным позитивным изменениям, усилив позиции хакасского языка как второго государственного языка Республики Хакасия. В 1997 г. Тамара Герасимовна становится заместителем Председателя Правительства Республики Хакасия по социальным вопросам, однако, несмотря на загруженность ответственной административной работой, продолжает активную научно-исследовательскую деятельность. Именно в этот период ей удается организовать массовые социолингвистические обследования, которые легли в основу научного анализа языковой ситуации в южно-сибирских регионах. В 2002 г. вышла монография Т.Г. Боргояковой «Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири», в которой были разработаны функциональная классификация языков Российской Федерации и типология билингвальных социально-коммуникативных систем с тюркоязычным компонентом, проанализированы языковые ситуации в республиках Южной Сибири, охарактеризованы особенности функционирования южно-сибирских государственных языков в контексте российской и международной языковой политики. В 2003 г. в Институте языкознания РАН Тамара Герасимовна успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора наук на тему «Развитие социальных функций государственных языков республик Южной Сибири» (научный консультант – доктор филологических наук, профессор В.Ю. Михальченко). После защиты докторской, стремясь к применению своих научных идей в практической работе по интенсификации функционирования хакасского языка в коммуникативном пространстве республики, Т.Г. Боргоякова становится у истоков республиканского общественного движения «Ине тілі» («Родной язык»). В настоящее время движение «Ине тілі» приобрело статус региональной общественной организации. Уже более 15 лет его участники с опорой на научные труды профессора Т.Г. Боргояковой, ведут работу по развитию активного билингвизма, по сохранению хакасского языка в семье и молодежной среде, по поддержке его функционирования в основных социальных сферах.

В 2004 г. Тамара Герасимовна была назначена на должность директора Института саяно-алтайской тюркологии (ИСАТ) ХГУ имени Н.Ф. Катанова. Под ее руководством Институт развивался очень активно: были открыты новые направления подготовки магистрантов и аспирантов, существенно активизировалась научно-исследовательская работа студентов, было налажено международное научное сотрудничество. В 2012 г. в связи с реорганизацией ряда учебных структур в Хакасском госуниверситете ИСАТ вошел в состав других Институтов, а Т.Г. Боргоякова возглавила вновь образованный научно-исследовательский институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии (ИГИСАТ), директором которого является в настоящее время.

Под руководством Тамары Герасимовны в ИГИСАТ реализуются крупные научные проекты, поддержанные Минобрнауки РФ, РГНФ, РФФИ и другими фондами. В 2012–2014 гг. она работала над проектом «Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири», реализованном при поддержке гранта РФФИ (проект № 12-04-00112); в 2013 г. – руководила коллективом ученых, выполняющих научно-исследовательскую работу на тему «Репрезентация хакас-

ских языковых и культурных кодов в современном коммуникативном пространстве» в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (проект № 6.8115.2013); в 2015–2017 гг. была руководителем проекта «Динамика и константы в хакасском языковом сознании» (проект № 15-04-00156). Т.Г. Боргоякова является автором многочисленных научных публикаций, среди которых монографии, учебные пособия, научные статьи в высокорейтинговых научных изданиях, индексируемых Web of Science и Scopus. Среди публикаций последних лет следует отметить такие как учебное пособие «Хакасская фразеология» (Абакан, 2014); коллективную монографию «Language Empires in Comparative Perspective» (2015), опубликованную издательством Walter de Gruyter GmbH (глава «Language policies and language loyalties after twenty years in Post-Soviet Russia: The case of Khakassia»); коллективную монографию «Языковая политика в контексте современных языковых процессов» (Москва, 2015), глава «Языковая политика в республиках Южной Сибири: Алтай, Тыва, Хакасия»; монографию «Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири» (Абакан, 2017), написанную в соавторстве с А.В. Гусейновой; энциклопедию «Language Policy and Political Issues in Education» (2017), опубликованную издательством Springer, где Т.Г. Боргояковой совместно с Б. Баурингом написана глава «Language Policy and Education in Russia»; коллективную монографию «Репрезентация оппозитивности в хакасском языке» (Абакан, 2018), для которой Тамара Герасимовна написала главу «Психолингвистическая репрезентация оппозитивности (на материале хакасского, русского и английского языков)», а также выступила редактором. Заслуживают упоминания такие статьи как «Антонимические отношения в ассоциативно-вербальной репрезентации носителей хакасского, русского и английского языков» (Вопросы психолингвистики 2016, № 28, соавтор – К.А. Покоякова); «Человек и его социальное пространство в хакасском языковом сознании» (Томский журнал лингвистических и антропологических исследований 2017, № 3 (17)); «Психолингвистические аспекты формирования этнической и российской идентичности» (Вопросы психолингвистики 2017, № 33); «Языки коренных народов США: терминологические и законодательные аспекты» (Филологические науки. Научные доклады высшей школы 2018, № 6); «Language Policy in University Education: the Case of Khakassia and Tuva» (Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки 2019, № 10, соавтор – А.В. Гусейнова).

Ежегодно под руководством Тамары Герасимовны в ИГИСАТ организуются конференции различного уровня, посвященные проблемам сохранения и развития языков и культур коренных народов Сибири. С каждым годом эти конференции привлекают все большее внимание и собирают в ХГУ все больше ведущих ученых-языковедов России и зарубежья.

Профессор Т.Г. Боргоякова является руководителем научной специальности аспирантуры 10.02.19 «Теория языка». Под ее руководством в научных центрах Новосибирска, Иркутска, Красноярска и Улан-Удэ защитили кандидатские диссертации четверо молодых ученых.

Много внимания Тамара Герасимовна уделяет проблемам использования современных технических возможностей для поддержки хакасского языка. В 2014 г. она возглавляла коллектив ученых, которым при поддержке гранта ХГУ имени Н.Ф. Катанова был создан инновационный образовательный продукт – компью-

терная программа «Хакасско-английский/англо-хакасский электронный тезаурус KIZI/PERSON», которая вызывает интерес и множество положительных откликов от пользователей. В 2019 г. при поддержке гранта ХГУ под руководством Тамары Герасимовны коллективом ученых созданы компьютерная программа и база данных «Хакасско-русско-английский электронный словарь».

Научные труды Тамары Герасимовны известны далеко за пределами России. В 2003 г. после защиты докторской диссертации она выиграла грант для прохождения научной стажировки в США, которая состоялась на базе Университета Аризоны (Тусон, AZ) и Центра прикладной лингвистики (Вашингтон, DC). Впоследствии неоднократно публиковалась в зарубежных изданиях, принимала участие в зарубежных научных мероприятиях и принимала иностранных ученых у себя. Так, под ее руководством в ХГУ была реализована билингвальная исследовательская программа «Khakass Cultural Codes and Identity» («Хакасские культурные коды и идентичность»), по которой в период 2013–2015 гг. прошли обучение стажеры из Университета Сан-Франциско (США). Тамара Герасимовна является действительным членом Международной тюркской академии и членом консультативного совета «Журнала современных тюркологических исследований» («Journal of Modern Turkish Studies», Анкарский Университет, г. Анкара, Турция).

Доброжелательный, позитивный, никогда не унывающий человек, Тамара Герасимовна гармонично сочетает научную, педагогическую и административную деятельность и вызывает восхищение своим трудолюбием и неиссякаемой энергией. Коллеги и ученики поздравляют Тамару Герасимовну Боргоякову с юбилеем и желают ей новых научных горизонтов, больших побед и грандиозных свершений!

А.В. Гусейнова, к.ф.н., с. н. с.
Института гуманитарных исследований
и саяно-алтайской тюркологии
ХГУ имени Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

**ПРОФЕССОР КИМ МУГАЛЛИМОВИЧ МИННУЛЛИН –
ПЕРВЫЙ УЧЕНЫЙ, РУКОВОДИВШИЙ ЯЗЫКОВОЙ
ПОЛИТИКОЙ ТАТАРСТАНА
(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Двойной юбилей отметил в уходящем году наш коллега Ким Мугаллимович Миннуллин. Лучше меня написать об этом мог бы его друг и соратник по аспирантуре и по жизни Ильшат Сахиятуллович Насипов, доктор филологических наук, профессор, завкафедрой татарского языка и литературы БГПУ им. М. Акмуллы. Но и для меня Ким Мугаллимович не чужой, нас связывают многие годы творческого содружества.

Кима Миннуллина я впервые увидела в годы учебы в очной аспирантуре в Казани в конце 1980-х-начале 1990-х гг. в стенах знаменитого ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, который он сейчас возглавляет. Стройный, подтянутый, немногословный, скромный, аккуратный, симпатичный молодой человек. Особого общения не было, но он мне запомнился. Через несколько лет в Тюменский государственный университет, где я работала и работаю профессором кафедры общего языкознания, по почте пришел автореферат докторской диссертации К.М. Миннуллина «Песня как искусство слова». Эта работа стала для моих студентов одним из любимых источников при написании курсовых и дипломных работ по языку и литературе.

Миннуллин Ким Мугаллимович – универсальный ученый, по роду своей деятельности профессионально занимающийся историей татарской литературы, фольклора, языками народов Республики Татарстан. В 1992 г. был принят закон РФ «О языках народов РФ», через два года – программа развития языков, а в 1996 г. было принято решение ввести должность ведущего референта отдела культуры и искусства в аппарате кабинета министров РТ, который курировал бы вопросы языковой политики и реализации закона «О языках» на уровне прави-

тельства. «Ким Миннуллин был первым человеком, которого взяли в правительство республики конкретно заниматься вопросом языков, и он занимался этим 10 лет»¹.

Молодому специалисту Кабинета Министров РТ пришлось начинать с нуля. За десять лет работы Ким Мугаллимович сумел заложить основы государственного подхода к вопросам реализации закона «О языках», выстроить собственную концепцию языковой политики. Киму Миннуллину, тогда еще кандидату филологических наук, пришлось поднимать целину: существовал Закон «О языках», была принята госпрограмма, но не было механизмов реализации, не было инфраструктуры, не было конкретных людей, которые на практике занимались бы этими вопросами.

Должна сказать, я застала Кима Мугаллимовича в период исполнения этой высокой должности, когда приехала в 2004 г. из Тюмени на расширенное совещание. В зале яблоку негде было упасть. Мне дали слово, и я с высокой трибуны начинаю рассказывать о том, как в Тюменском университете впервые открыли отделение татарского языка и литературы, какие есть наработки, какие трудности. В руках у меня дискета с набранным текстом новой книги «Татары земли сибирской», которую предусмотрительно привезла в Казань – издать ее в Тюмени было невозможно. Когда я закончила свою пламенную речь, ко мне подсел Ким Мугаллимович и тихо попросил отдать ему дискетку. Примерно через полгода отпечатанный тираж – 500 экземпляров – был доставлен в Тюменский государственный университет. Вот так, без лишних слов Ким Миннуллин умеет делать добрые дела. Он оказал нашему университету огромную безвозмездную помощь, и эта благородная черта, по-моему, является у него врожденной.

Родился Ким Мугаллимович Миннуллин в д. Шамметово Илишевского района Башкирской АССР. У Кима несколько родных братьев, самый известный – старший брат Роберт Мугаллимович Миннуллин, советский и российский татарский поэт, журналист, политический деятель. Мне нравится семейная фотография братьев Миннуллиных с мамой, учительницей Гөлжәүхәр апа, опубликованная в журнале «Сөембикә». Очень красивая интеллигентная семья.

В 1985 г. Ким Миннуллин окончил филологический факультет Казанского государственного университета по специальности «татарский язык и литература». Свою дорогу в жизни прокладывал себе сам упорным трудом, дисциплиной и старанием. В течение трех лет являлся заместителем секретаря комитета ВЛКСМ в Казанском объединении «Тасма», выпускавшем аэрофото пленку и другие фототехнические материалы. С 1988 по 1996 гг. – младший научный сотрудник, затем научный сотрудник института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН РТ. С 1996 по 2006 гг. работал в комитете по реализации закона РТ «О языках народов Республики Татарстан» при кабинете министров РТ. С октября 2007 г. К.М. Миннуллин трудится директором Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ.

Второй юбилей, который отмечает в 2019 г. К.М. Миннуллин, – это юбилей руководимого им Института, о котором здесь тоже необходимо сказать. 10 сен-

¹ Татьяна Завалишина, Ким Миннуллин: «Руководители высокого ранга должны знать оба государственных языка». Интернет газета «Бизнес-онлайн». 12 декабря 2017 г.

тября 2019 г. состоялась Международная научная конференция «Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография», посвященная 80-летию ИЯЛИ. Институт языка, литературы и искусства им. Галимджана Ибрагимова – одно из старейших научно-исследовательских учреждений Поволжья, внесшее неограниченный вклад в формирование российского научного пространства.

Открыл мероприятие и с приветственным словом к участникам конференции обратился президент Академии наук РТ, доктор физико-математических наук, профессор Мякзюм Салахов. Подчеркнув, что конференция – знаковое событие не только для научной общественности республики, но и всего тюркского мира, он в своем небольшом выступлении вкратце остановился на достижениях ученых Института по языкознанию, литературоведению, искусству, которые вывели гуманитарную науку Татарстана на передний край отечественной и мировой тюркологии.

Именитые гости конференции – директор института языкознания им. Насими Национальной академии наук Азербайджана, доктор филологических наук, профессор Мохсун Нагисойлу, директор Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан, кандидат филологических наук Айтмурат Альниязов, ректор института иностранных языков, доктор филологических наук, профессор Марина Пименова (Санкт-Петербург) – отметили большое значение деятельности ИЯЛИ в научной и общественной жизни России, подчеркнули его огромную роль в развитии тюркского языкознания.

Главный научный сотрудник института лингвистических исследований РАН, доктор филологических наук Александр Певнов заметил: «Тюркский феномен заключается в удивительном структурном изяществе и стройности тюркских языков, на которые в течение многих веков с легкостью переходили самые разные народы, в том числе говорившие на индоевропейских языках. Уверен, что тюркология вообще достойна значительно большего внимания, и ваш институт-юбилар был, есть и будет одним из замечательных татарских центров российской тюркологии».

На пленарном заседании конференции выступил заместитель директора Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова по научной работе, кандидат филологических наук Олег Ришатович Хисамов. Он подробно рассказал об исследованиях в области языкознания в ИЯЛИ. Его доклад о достижениях ученых в данной области за 80 лет вызвал неподдельный интерес участников конференции. Выступление заведующего кафедрой тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, кандидата филологических наук, доцента Н.Н. Телицина было посвящено актуальным вопросам грамматики тюркских языков. Вместе с тем, апеллируя к приведенным данным О.Р. Хисамова, он назвал достижения коллектива татарстанского Института за 80 лет подвигом.

С докладами на пленарном заседании выступили заведующий отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук Анна Дыбо («Тюркские и славянские языки: контактные явления»), директор Института узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, доктор

филологических наук, профессор Низомиддин Махмудов («Антропоцентрические проблемы лексикологии и лексикографии узбекского языка»), директор Института филологии Сибирского отделения РАН, доктор филологических наук, профессор Игорь Силантьев («Тюркологические исследования Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук»). Все выступления, а также более 100 докладов, поступивших в ИЯЛИ в ходе подготовки к мероприятию, вошли в Сборник материалов, изданный к юбилейной конференции.

Обсуждение вопросов тюркского языкознания на современном этапе участники конференции продолжили в рамках секционных заседаний «Проблемы тюркской диалектологии, ономастики и терминологии», «Сравнительно-сопоставительная и историческая лексикология», «Лексикология тюркских языков: лингвокультурологические и лингводидактические аспекты» и «Лексикография тюркских языков: актуальные проблемы, состояние и перспективы развития»².

Таким образом, результаты научной и общественной деятельности К.М. Миннуллина и коллектива ИЯЛИ АН РТ впечатляют, они известны не только в Республике Татарстан, но и в других регионах Российской Федерации. Ким Мугаллимович Миннуллин – автор ряда монографий и научных статей по татарской песенной поэзии и проблемам национально-языковых отношений. Директор, организатор, руководитель научных, образовательных и общественных проектов Ким Мугаллимович Миннуллин высоко держит планку Казани. Круг его научных интересов представляет собой широкий спектр направлений – вопросы литературоведения, фольклористика, теоретическая база и практическая реализация языковой политики, лексикография, разработка учебно-методических трудов.

Сегодня институт является одним из ведущих научно-исследовательских учреждений, входящих в систему татарстанской академической науки. Коллектив ИЯЛИ живет в атмосфере плодотворной научно-исследовательской деятельности и творческого сотрудничества. Положа руку на сердце, можно сказать, директор ИЯЛИ Ким Миннуллин – один из лучших руководителей научных подразделений Академии наук РТ. Одним из главных критериев его успеха является количество изданных трудов. Так, в уходящем году сотрудниками учреждения подготовлено и издано 54 книги, в целом, в последние годы наблюдается тенденция роста выпуска академических изданий. Роль Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова в изучении и сохранении языков, этнокультурных традиций и поддержании идентичности татарского народа и народов республики неопределима.

Хотя рамки журнальной статьи не позволяют подробно рассказать о сотрудничестве Академии наук РТ с ТюмГУ, обратим внимание еще на один аспект. Вот ученые библиографы ТюмГУ написали: «Ханиса Чавдатовна Алишина стоит у истоков тюркологических штудий в Тюменском государственном университете. По ее инициативе началось изучение и преподавание языка сибирских татар, возникло татарское отделение, где стала вестись подготовка преподавателей татарского языка с университетским образованием, была открыта аспирантура по специальности 10.02.02 “Языки народов Российской Федерации. Татарский язык”. Ее трудами в университетской библиотеке возник фонд научной, учебной

² Материал опубликован на официальном сайте ИЯЛИ имени Г. Ибрагимова.

и художественной литературы на татарском языке»³. Этот фонд возник благодаря бескорыстной помощи директора ИЯЛИ К.М. Миннуллина и его коллег.

Серьезную поддержку Ким Мугаллимович оказывает нам также при защите диссертаций аспирантов и соискателей. Кандидат филологических наук Рахимбакиев Самат Зиннадович, работающий ныне в системе Рособнадзора, с большой теплотой и благодарностью вспоминает о процедуре своей защиты по теме «Историко-лингвистическое изучение тюркских топонимов Западной Сибири XVIII века (по материалам Г.Ф. Миллера)» в диссертационном совете ИЯЛИ. Ким Мугаллимович, не жалея драгоценного времени, консультировал, одаривал книгами и сборниками конференций, помогал устроиться, оказывал всяческую помощь нашим диссертантам.

³ Ханиса Чавдатовна Алишина: биобиблиогр. указ. / сост.: В.В. Малецкая ; отв. ред., авт. вступ. ст. и заключения А.Г. Еманов. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. – 80 с. – (Doci primarii universitatis Tjumeniensis; vol. spec.).

В завершение несколько слов о помещенных здесь фотографиях. В мае 2008 г. ректор ТюмГУ Г.Н. Чеботарев и президент ТюмГУ Г.Ф. Куцев решили устроить мне праздник – торжественно отметить мой юбилей. В типографии отпечатали красочные приглашения, отправили по городам и весям, в том числе в Казань.

Трудно поверить, но через тысячи километров к нам в Тюмень с подарками и цветами прибыли директор ИЯЛИ профессор К.М. Миннуллин и зав. отделом лексикологии и лексикографии профессор Ф.А. Ганиев! Такое не забывается, это было самое яркое событие в моей жизни. Большое спасибо моим дорогим друзьям и коллегам из Татарстана! Благодаря их помощи и поддержке мне удалось стать заслуженным учителем, кандидатом наук, доктором наук, членом Союза писателей РТ, Почетным академиком Татарстана.

Уважаемый Ким Мугаллимович! В 2019 г. Вы отмечаете важную жизненную дату – шестидесятилетие! Приехать я не смогла, но поздравляю Вас через наше научное издание – журнал «Российская тюркология». Хочу, чтобы все знали о Вашей доброте, внимании, чуткости, о лучших чертах Вашего характера. Вы перешагнули барьер зрелости, мудрости, впереди долгие годы напряженной научной и общественной работы на благо процветания России и Татарстана, всего российского народа. Желая Вам крепкого здоровья, большого личного счастья Вам и Вашим близким! Новых сил и энергии для дальнейшей реализации закона о языках народов России, для издания новых книг и сборников, для проведения новых международных форумов и конференций. Новых побед и новых юбилеев!

Х.Ч. Алишина

доктор филологических наук,
профессор ТюмГУ

**УЧЕНЫЙ-НОВАТОР
(К 60-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИЗВЕСТНОГО
БАШКИРСКОГО ЛИНГВИСТА З.А. СИРАЗИТДИНОВА)**

В 2019 г. отмечает свой славный юбилей известный лингвист, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией лингвистики и информационных технологий отдела языкознания Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, разработчик многих информационных систем и баз данных башкирского языка Зиннур Амирович Сиразитдинов.

Будущий ученый родился 25 августа 1959 г. в деревне Саитбаба Гафурийского района БАССР в семье башкирской интеллигенции. Любовь к родному языку, своей малой Родине, культуре была привита через колыбельные и народные песни матери, увлекательные и познавательные истории отца о башкирских батырах.

Окончив единственную в те годы башкирскую школу № 20 в г. Уфе, З.А. Сиразитдинов поступает на физический факультет Башкирского государственного университета. «Красный» диплом одного из ведущих вузов республики гарантировал молодому специалисту хорошее трудоустройство. Однако когда известный башкирский ученый-языковед Зиннур Газизович Ураксин пригласил его в аспирантуру Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН и предложил развивать новые направления в башкирском языкознании на стыке нескольких наук – лингвистики, математики и информатики, Зиннур Амирович, не задумываясь, согласился.

С этого момента начинается его трудная, но в то же время увлекательная научная деятельность. Глубокие знания, полученные на физическом факультете, позволили молодому специалисту приступить к исследованию языковых проблем с совершенно другого ракурса.

Перспективного молодого специалиста Институт направляет в аспирантуру в Институт Языкознания Академии наук Казахской ССР, в один из лучших центров по прикладной лингвистике страны.

С помощью количественного способа Зиннур Амирович исследует первую часть романа «Кан» («Кровь») известного башкирского писателя Даута Юлтыя, определяет особенности языка произведения и сравнивает его с первой частью (перевод Ф. Исянгулова), выясняет их близость и различия [Сиразитдинов 1989]. Эти исследования он излагает в своей диссертационной работе на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Лексика романа „Кан“ Д. Юлтыя: Количественно-стилистический анализ» и успешно защищает ее в 1989 г.

В Казахстане Зиннур Амирович получает знания у таких выдающихся казахских ученых, как Т. Кайдаров, К.Б. Бектаев, А.К. Жубанов, и, вернувшись в Башкортостан уже кандидатом наук, продолжает работать с еще большим энтузиазмом.

Ученый успешно работает в различных отраслях: он освещает ранее не исследованные проблемы не только башкирского, но и всего тюркского языкознания.

В 1990 г. усилиями Зиннура Амировича в Институте истории, языка и литературы в отделе языкознания создается группа «Автоматизация лексикографии». В этот период составляется конкорданс трехтомника произведений Д. Юлтыя [Сиразитдинов 1995], частотные и алфавитные словари по прозе, научной литературе и публицистике башкирского языка, частотный словарь по учебникам для начальных классов [Сиразитдинов 1997; Сиразитдинов 2002; Сиразитдинов, Шәмсетдинова 2006].

Следует отметить, что частотный словарь произведений Д. Юлтыя является первым среди такого типа словарей по произведениям башкирских писателей. Словари-конкордансы отражают язык в реальной жизни, помогают исследовать словарное богатство, раскрывать смысловые тонкости, способствуют проведению статистического анализа словарного состава того или иного стиля, жанра определенного писателя. Частотные словари функциональных стилей башкирского языка обладают информацией о числе лексико-грамматических и лексико-семантических групп, посредством частотности слов можно смоделировать структуру текстов, относящихся к стилям, узнать о существовании языка в речи. Материалы данного вида частотных словарей были активно использованы башкирскими лексикографами при составлении однотомного толкового словаря современного башкирского литературного языка и толкового словаря для школьников.

Информатизация общества, бурное развитие инновационных технологий и Интернета поставили жесткие требования к языковедам представить башкирский язык в электронном информационном пространстве для его дальнейшего сохранения, развития и популяризации. Используя математические методы в лингвистике, Зиннур Амирович ведет различные исследования в области языка.

В 2001 г. под его руководством была создана Лаборатория лингвистики и информационных технологий, которая и по сей день остается единственной площадкой, внедряющей башкирский язык в сферу современных информационных технологий. Усилиями сотрудников Лаборатории были локализованы на башкирский язык ряд программных продуктов: текстовый редактор Лексикон, файловый менеджер Диска Командир, программа раскладки клавиатуры Хамелеон,

система автоматического распознавания башкирских печатных текстов FineReader, интернет-браузер Mozilla. Все эти локализованные продукты позволили создать инфраструктуру для дальнейшей компьютеризации башкирского языка.

В результате совместной работы с компаниями Paratype и Microsoft был разработан широкий спектр услуг по башкирскому языку: создание 18 башкирских лицензированных шрифтов в кодировке Unicode, реализация поддержки национального языка в ОС Windows (Vista, Windows 7) и др.

Под руководством З.А. Сиразитдинова был разработан и успешно функционирует Машинный фонд башкирского языка, представляющий собой систему для автоматизации и информационного обеспечения исследований в области языка [МФБЯ]. Данная информационная система на сегодняшний день включает в себя генеральную картотеку, лексикографическую, экспериментально-фонетическую, грамматическую, диалектологическую базы, каталоги старопечатных и рукописных книг. Машинный фонд активно используется учеными в научных целях (например, при составлении 10-томного «Академического словаря башкирского языка»), преподавателями общеобразовательных школ, педучилищ, вузов в образовательном процессе.

В 2006 г. выходит в свет монография З.А. Сиразитдинова «Моделирование грамматики башкирского языка. Словоизменительная система» [Сиразитдинов 2006]. В ней рассматриваются проблемы моделирования и автоматического порождения словоизменительных форм именных частей речи и глаголов башкирского языка. Исследуя математическим способом систему выделения морфологической системы башкирского языка, автор создает спеллер (автоматическую коррекцию текстов). Этот труд, не имеющий аналога в башкирском языке, был использован при разработке морфологической разметки лингвистического корпуса башкирского языка.

В эти же годы в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН начинается работа над лингвистическими корпусами башкирского языка. Зиннур Амирович полностью разрабатывает его концепцию, принципы строения, архитектуру. На сегодняшний день данный проект состоит из корпуса прозаических текстов, который включает в себя свыше 1200 произведений 158 авторов (объемом в 15 710 444 словоформ), публицистики (из 7 республиканских и районных газет и журналов объемом в 11 637 574 словоформ), фольклора (17 942 произведений, содержащих 848 492 словоформ). Материалы лингвистических корпусов активно используются сотрудниками отдела языкознания при составлении словарей башкирского языка.

Разработанные сотрудниками Лаборатории лингвистики и информационных технологий под руководством Зиннура Амировича информационные ресурсы башкирского языка – лингвистический портал «Туған тел» (<http://blang.ru>), двуязычная «Терминологическая база башкирского языка» (bashterm.ru) – являются источниками не только для научных лингвистических исследований, но и ценным материалом для создания инновационных технологий в преподавании башкирского языка на филологических факультетах вузов. Эти ресурсы направлены на оказание помощи изучающим башкирский язык в освоении национальной языковой системы, принципов ее функционирования. Систематическое обращение к этим ресурсам позволяет следить за изменениями в современном башкирском языке.

З.А. Сиразитдинов – автор свыше 200 научных и фундаментальных работ, посвященных актуальным проблемам языкознания, математической лингвистике, компьютерной лингвистике и лексикографии. Его труды, опубликованные в России и за рубежом, являются теоретической и практической базой для языковедов.

В изданной в 2013 г. коллективной монографии «Информационные системы и базы данных башкирского языка» [Сиразитдинов, Бускунбаева, Ишмухаметова, Ибрагимова 2013] рассматриваются принципы реализации существующих лингвистических информационных систем и баз данных башкирского языка, область их применения.

В коллективной монографии «Синтез тюркской словоформы» [Жубанов, Садыков, Сиразитдинов 2019] рассматривается опыт синтеза тюркской словоформы в родственных языках, накопленный казахским языковедом А.К. Жубановым, киргизским языковедом Т.С. Садыковым, башкирским языковедом З.А. Сиразитдиновым по прикладной лингвистике в республиках Казахстан, Кыргызстан и Башкортостан.

Зиннур Амирович активно участвует в составлении словарей. Является составителем 10-томного «Академического словаря башкирского языка» (2011–2018) [АСБЯ], многочисленных терминологических словарей [Ураксин, Сиразитдинов 2004; Сулейманов, Сиразитдинов 2008]. При его участии издаются словари-справочники [Хисамитдинова, Сиразитдинов 2001; Хисамитдинова, Сиразитдинов, Суфьянова 2008; Хисамитдинова, Сиразитдинов, Шакуров, Юлдашбаев 2005].

На протяжении многих лет З.А. Сиразитдинов принимает участие в составлении учебников для учащихся. Он, по поручению Министерства образования Республики Башкортостан, был руководителем группы авторов 12 электронных учебников, методичек для учащихся школ, студентов педучилищ. В 2002 г. учебное пособие для начальных классов «Башкортса өйрәнэйек» («Давайте учиться по-башкирски») был признан самым лучшим электронным учебником в Приволжском федеральном округе.

Он с 2015 г. является экспертом Центра экспертизы по научно-исследовательской работе (ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ), с 2016 г. – экспертом РАН, членом научного совета отделения социально-гуманитарных наук и технологий Академии наук РБ.

Зиннур Амирович – автор 2 патентов. Его проекты по прикладной, корпусной лингвистике поддерживаются фондами РГНФ, РФФИ. Его научные труды оценены почетными грамотами и благодарственными письмами УФИЦ РАН, Президиума РФА, Правительства РБ, АН РБ. За участие в переводе известного киргизского народного эпоса «Манас» [Манас 2016] с киргизского на башкирский язык получил благодарственное письмо Министерства культуры, информации и туризма Республики Кыргызстан.

Зиннур Амирович – глубоко образованный, необычайно эрудированный и проницательный ученый, бесконечно преданный своему делу. Возраст 60 лет для ученого, который нашел свое призвание в науке и имеет заслуженное уважение коллег и учеников, – это время трудиться с полной самоотдачей. Это тот рубеж, когда можно, оценив пройденный путь и опираясь на опыт предшествующих лет, строить новые планы. Для их реализации у юбиляра есть все: и творческая энергия, и чувство ритма современности, и ясное понимание новых ценностей жизни.

Счастья и благополучия Вам и Вашим близким!

Литература

- Сиразитдинов 1989 – *Сиразитдинов З.А.* Лексика романа «Кан» Д. Юлтыя: квантитативно-стилистический анализ: дисс. канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1989. – 169 с. {*Z.A. Sirazitdinov. Vocabulary of the novel «Kan» by D. Yul'tyi: quantitative stylistic analysis. Ph.D. Thesis. – Alma-Ata, 1989. – 169 pp.*}
- Сиразитдинов 1995 – *Сиразитдинов З.Ә.* Дауыт Юлтый әсәренен йышлык һүзлеге. – Өфө: Ғилем, 1995. – 292 б. {*Z.A. Sirazitdinov. Frequency Dictionary of Dauyt Yul'tyi's work. – Ufa: Ghilem, 1995. – 295 pp.*}
- Сиразитдинов 1997 – *Сиразитдинов З.Ә.* Башкорт теленең йышлык һүзлеге. Т. 1 (фәнни әзәбиәт буйынса). – Өфө: Ғилем, 1997. – 330 б. {*Z.A. Sirazitdinov. Frequency Dictionary of the Bashkir Language. Volume 1 (scientific literature). – Ufa: Ghilem, 1997. – 330 PP.*}
- Сиразитдинов 2002 – *Сиразитдинов З.Ә.* Башкорт теленең йышлык һүзлеге. Т. 2 (проза буйынса). – Өфө: Ғилем, 2002. – 414 б. {*Z.A. Sirazitdinov. Frequency Dictionary of the Bashkir Language. Volume 2 (prose). – Ufa: Ghilem, 2002. – 414 pp.*}
- Сиразитдинов, Шәмсетдинова 2006 – *Сиразитдинов З.Ә., Шәмсетдинова Г.Ғ.* Башкорт теленең йышлык һүзлеге Т. 3 (публицистика буйынса). – Өфө: Ғилем, 2006. – 382 б. {*Z.A. Sirazitdinov, G.Gh. Shamsutdinova. Frequency Dictionary of the Bashkir Language. Volume 3 (Articles). – Ufa: Ghilem, 2006. – 382 pp.*}
- МФБЯ – Машинный фонд башкирского языка: <http://mfbl2.ru> {Machine Fund of the Bashkir language: <http://mfbl2.ru>.}
- Сиразитдинов 2006 – *Сиразитдинов З.А.* Моделирование грамматики башкирского языка. Словоизменительная система. – Уфа: Ғилем, 2006. – 160 с. {*Z.A. Sirazitdinov. Modeling of grammar of the Bashkir language. Inflectional system. – Ufa: Ghilem, 2006. – 160 pp.*}
- Сиразитдинов, Бускунбаева, Ишмухаметова, Ибрагимова 2013 – *Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Ишмухаметова А.Ш., Ибрагимова А.Д.* Информационные системы и базы данных башкирского языка. – Уфа: Книжная палата, 2013. – 116 с. {*Z.A. Sirazitdinov, L.A. Buskunbaeva, A.Sh. Ishmuhametova, A.D. Ibragimova. Information systems and databases of the Bashkir language. – Ufa: Knizhnaya palata, 2013. – 116 pp.*}
- Жубанов, Садыков, Сиразитдинов 2019 – *Жубанов А.К., Садыков Т.С., Сиразитдинов З.А.* Синтез тюркской словоформы. – Алматы: Лингвострановедческий инновационный центр КИЕ, 2019. – 248 с. {*A.K. Zhubanov, T.S. Sadykov, Z.A. Sirazitdinov. Synthesis of the Turkic word form. – Almaty: Linguistic and cultural innovation center KIE, 2019. – 248 pp.*}
- АСБЯ – Академический словарь башкирского языка. В X томах / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой – Уфа: Китап, 2011–2018. {*An Academic Dictionary of the Bashkir Language in 10 Volumes / Ed. F.G. Khisamitdinova. – Ufa: Kitap, 2011–2018.*}
- Ураксин, Сиразитдинов 2004 – *Ураксин З.Г., Сиразитдинов З.А.* Русско-башкирский и башкирско-русский словарь архитектурно-строительных терминов. – Уфа: Китап, 2004. – 83 с. {*Z.G. Uraksin, Z.A. Sirazitdinov. Russian-Bashkir and Bashkir-Russian dictionary of architectural and construction terms. – Ufa: Kitap, 2004. – 83 pp.*}
- Сулейманов, Сиразитдинов 2008 – *Сулейманов В.С., Сиразитдинов З.А.* Русско-башкирский словарь терминов по астрономии. – Уфа: Китап, 2008. – 159 с. {*V.S. Suleymanov, Z.A. Sirazitdinov. Russian-Bashkir dictionary of terms used in astronomy. – Ufa: Kitap, 2008. – 159 pp.*}
- Хисамитдинова, Сиразитдинов 2001 – *Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А.* Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан. – Уфа: Китап, 2001. – 319 с. {*F.G. Khisamitdinova, Z.A. Sirazitdinov. Russian-Bashkir dictionary-directory of names of settlements of the Republic of Bashkortostan. – Ufa: Kitap, 2001. – 319 pp.*}
- Хисамитдинова, Сиразитдинов, Суфьянова 2008 – *Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А., Суфьянова Н.Ф.* Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортостан. – Уфа: Китап, 2008. – 310 с. {*F.G. Khisamitdinova, Z.A. Sirazitdinov, N.F. Sufyanova. Russian-Bashkir dictionary of the street names of the Republic of Bashkortostan' cities and towns. – Ufa: Kitap, 2008. – 310 pp.*}
- Хисамитдинова, Сиразитдинов, Шакуров, Юлдашбаев 2005 – *Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А., Шакуров Р.З., Юлдашбаев Ю.Х.* Русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан. – Уфа: Китап, 2005. – 253 с. {*F.G. Khisamitdinova, Z.A. Sirazitdinov, R.Z. Sha-*

kurov, Yu.H. Yuldashbayev. Russian-Bashkir dictionary of water bodies of the Republic of Bashkortostan. – Ufa: Kitap, 2005. – 253 pp.}

Манас 2016 – Манас. Батырзар тураһында кыргыз халык иртәге / Тәрж.: Сиразитдинов З.Ә., Хөсәйенова Г.Р., Хөббитдинова Н.Ә., Хәкимйәнова А.М., Юлдыбаева Г.В. – Өфө: Китап, 2016. – 388 б. {*Manas. Kyrgyz heroic epos / Int.: Z.A. Sirazitdinov, G.R. Khusainova, N.A. Khubbitdinova, A.M. Khakimyanova, G.V. Yuldybaeva. – Ufa: Kitap, 2016. – 388 pp.*}

Бускунбаева Лилия Айсовна,

старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
кандидат филологических наук

Ишмухаметова Анита Шаукатовна,

научный сотрудник Института истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Каримова Рамиля Нигаматьяновна,

научный сотрудник Института истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Шамсутдинова Гульгина Газнабиевна,

младший научный сотрудник Института истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН

**ГУЛЬНУР РАВИЛОВНА ХУСАИНОВА
(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Научная общественность Республики Башкортостан широко отметила 60-летие со дня рождения доктора филологических наук, заведующего отделом фольклористики Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, главного научного сотрудника, заслуженного работника культуры Республики Башкортостан Гульнур Равиловны Хусаиновой.

Хусаинова Гульнур Равиловна (башк. *Хөсәйенова Гөлнур Рауил кызы*) родилась 14 октября 1959 г. в деревне Кунакбаево Учалинского района Башкирской АССР. После окончания Кунакбаевской средней школы в 1976 г. начала трудовую деятельность в родном колхозе «Яик» Учалинского района: сначала – весовщицей в зернотоку второй бригады, затем, с октября 1976 г. по сентябрь 1978 г. – заведующей колхозной библиотекой.

В 1978 г. поступила на башкирско-русское отделение филологического факультета Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября и в 1983 г. с отличием окончила этот вуз. За период учебы в вузе активно занималась научной работой при кафедре башкирской литературы и фольклора, за высокие успехи в учебе была удостоена стипендии имени А.Н. Радищева. После окончания вуза получила направление в Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР.

В первой половине 1980-х гг. прошлого века отдел фольклора и искусства ИИЯЛ БФАН СССР пополнился молодыми кадрами, среди которых была и Гульнур Хусаинова, начавшая свою научную деятельность с должности стажера-исследователя. В это время сотрудники отдела усиленно работали над подготов-

кой к изданию томов башкирского фольклора на русском языке. Стажера-исследователя Хусаинову Гульнур привлекли к работе над томами сказок, в результате чего была определена ее научная стезя – сказковедение.

В 1990 г. она, имея к этому времени семилетний опыт собирательской, архивной и текстологической работы по сказкам в отделе фольклора и искусства ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР, поступила в очную целевую аспирантуру при Институте мировой литературы имени А.М. Горького АН СССР. В 1994 г. под руководством известного российского фольклориста, в будущем члена-корреспондента РАН Виктора Михайловича Гацака защитила кандидатскую диссертацию на тему «Поэтика башкирских волшебных сказок. Формулы в сравнительном освещении и сохраняемость сказки во времени». Отметим при этом, что вторая и третья главы ее диссертации были выполнены по экспериментальной методике «Устная традиция во времени», специально разработанной В.М. Гацаком для описания эпоса. Новаторством диссертационной работы Г.Р. Хусаиновой следует считать тот факт, что ей впервые в истории башкирского сказковедения удалось не только рассмотреть саму проблему творческой преемственности, но и удачно ее развить. Гульнур Хусаинова правильно применила метод сплошного словесно-композиционного сличения, что дало ей возможность выявить не только сохраняемость содержания сказки, но и раскрыть устойчивые элементы стиля поэтики.

Необходимо отметить и то, что в 1991–1994 гг. она совмещала учебу в аспирантуре с преподавательской деятельностью на кафедре художественного перевода Литературного института им. А.М. Горького, где преподавала башкирский язык для будущих профессиональных переводчиков.

В 1994 г., вернувшись в Уфу, она продолжала трудиться в ИИЯЛ в качестве младшего научного сотрудника, научного сотрудника и старшего научного сотрудника. С 1995 по 2010 гг. активно участвует в общественной жизни в качестве председателя профбюро родного института.

В 2000 г. она выиграла грант РГНФ на издание монографии, и в конце года в издательстве «Наука» увидела свет ее книга под названием «Поэтика башкирских народных волшебных сказок: формулы в сравнительном освещении: сохраняемость сказки во времени». Данная монография Гульнур Хусаиновой и сегодня продолжает активно использоваться российскими фольклористами-сказковедами, свидетельством этому является высокая цитируемость этого труда. В работе затронуты различные аспекты изучения волшебной сказки на материале башкирского фольклора. Автор, рассмотрев на башкирском материале вопрос сюжетосложения сказок о мачехе и падчерице по преданной забвению методике украинского исследователя фольклора 1930-х гг. Р.М. Волкова, доказала ее продуктивность. Во-первых, она смогла классифицировать содержание формулы красоты по его основным признакам, а также логически наметила художественную эволюцию «формулы красоты» от атрибутивного типа к фигуративному. Во-вторых, в результате целенаправленного применения методики синоптического сопоставления текстов, опять же предложенной В.М. Гацаком, автору удалось избежать так называемого «примерного описания» поэтики сказочного эпоса, основанного на визуальном наблюдении. В итоге проблема была раскрыта изнутри, что стало следствием сопоставления разновременных записей сказок с

одним и тем же сюжетом от одного и того же сказочника, от сказочника-«учителя» и сказочника-«ученика», т.е. все это привело к выявлению специфических особенностей поэтики башкирских народных сказок.

В 2002 г. руководство института назначило Гульнур Равиловну заведующим отделом фольклора и искусства.

В 2014 г. в издательстве «Гилем» Г.Р. Хусаинова опубликовала свою вторую монографию «Башкирская волшебная сказка: поэтика и текстология», которая составила основу ее докторской диссертации. В ней были выявлены и особо четко проанализированы типологические соответствия сюжетов к сходным или различающимся комбинациям мотивов, национально-самобытным вариантам. Особую научную ценность представляют выводы относительно стабильности морфологии сказки – последовательность сюжетообразующих мотивов (выбор, нарушение запрета, наказание, исцеление) не нарушается в основном массиве исследованных автором сказок. В работе представлен широкий сравнительный спектр сказочных традиций народов Евразии, свидетельствующий об общих жанровых закономерностях башкирских волшебных сказок. Докторская диссертация была защищена ею в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН в октябре 2017 г. В качестве ее научного консультанта выступила известный в бывшем Советском Союзе и теперь в России ученый-фольклорист Алла Ивановна Алиева. Таким образом, защита докторской диссертации стала итогом многолетнего упорного труда фольклориста.

В настоящее время Г.Р. Хусаинова является автором более 300 публикаций, в том числе коллективных монографий «История башкирского народа. Том 6. (М., 2011) и «Башкиры» (М.: Наука, 2015), «Первый секретарь обкома: М.З. Шакиров», тома «Башкирское народное творчество. XIII том. Сказки о животных» (Уфа: Китап, 2009). Она является автором предисловия и составителем сборника «Башкирские народные игры». В период с 2003 по 2013 гг. увидели свет многие научные проекты, в которых Г.Р. Хусаинова участвовала в качестве составителя и автора предисловия, в частности, материалы научных экспедиций: она была участником 32 научных экспедиций в Республике Башкортостан и в сопредельных регионах, в 17 из них выступила в качестве руководителя. Гульнур Равиловна известна в научном мире как участница многочисленных научных конференций, с 2003 г. является заместителем главного редактора многотомного научного свода «Башкирское народное творчество» на башкирском языке, с 2018 г. – член редколлегии научного журнала «Проблемы востоковедения».

Помимо сказковедческих исследований, в ее научные интересы входят эпос, народная медицина, мифологические рассказы, история башкирской фольклористики. Она активно публикуется не только в российских сборниках, но и за рубежом.

Г.Р. Хусаинова долгие годы совмещала научную работу с преподавательской: 1991–1994 гг. – старший преподаватель кафедры художественного перевода Литературного института им. М. Горького (г. Москва), 1994–1997 гг. – старший преподаватель кафедры башкирской литературы и фольклора Башкирского государственного университета, 1997–1998 гг. – старший преподаватель кафедры башкирской литературы и культуры Башкирского государственного педагогического института. С 2001 по 2011 гг. – доцент кафедры музыкального образования

БашГПУ им. М. Акмуллы. Под ее научным руководством защищено более 100 дипломных работ по башкирскому фольклору и фольклору народов Башкортостана, изданы хрестоматии «Башкирское народное творчество» (2005), «Фольклорный сборник» (2009), опубликованы 16 статей по проблемам преподавания башкирского фольклора и использования его в воспитательной работе с подрастающим поколением. К настоящему времени под ее научным руководством защищены три кандидатские диссертации.

Хочется отметить, что именно благодаря Гульнур Равиловне были изданы рукописи книг фольклористов Н.Т. Зарипова «Башкирские богатырские сказки» (Уфа: Гилем, 2008), Н.Д. Шункарова «Башкорт халык уйындары» (Уфа: Гилем, 2006), подготовлены к изданию статьи М.Х. Мингажетдинова на русском языке. Она является автором статей о научной деятельности Н.К. Дмитриева, А.Н. Киреева, А.И. Харисова, Н.Т. Зарипова, Г.Б. Хусаинова, Ф.А. Надршиной, Ф.Ф. Фатыховой и др., а также составителем и ответственным редактором сборника статей, посвященного памяти известного фольклориста А.М. Сулейманова и приуроченного к его 80-летию (Уфа: Гилем, 2019).

Гульнур Равиловна также активно занимается популяризацией научных знаний. Ее материалы опубликованы как в республиканских СМИ, так и центральной печати («Традиционная культура», «Живая старина», «Народное творчество»). Она регулярно выступает по радио и телевидению. Все ее выступления в основном посвящены башкирскому фольклору или его хранителям и исследователям. Г.Р. Хусаинова с 1995 г. – член Ученого совета института, общественный рецензент научных журналов «Вестник СВФУ. Серия эпосоведение» и «Российская тюркология».

Г.Р. Хусаинова награждена Почетными грамотами РАН (1999), Уфимского научного центра РАН (2009), Министерства образования Республики Башкортостан (2012), Министерства образования и науки РФ (2014), Администрации ГО г. Уфы (2002), многочисленными благодарственными письмами. В 2007 г. ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан». В 2013 г. в г. Сочи она стала лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую книгу 2012 г., организованного Фондом развития отечественного образования, за книгу «Современное состояние башкирского фольклора» (в соавторстве), в 2015 г. награждена Почетным знаком Республики Саха (Якутия) «За укрепление мира и дружбы народов».

Коллеги и ученики поздравляют Гульнур Равиловну с юбилеем и желают ей новых творческих свершений!

Ф.А. Надршина

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Ордена «Знак Почета»
Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН

Ю.В. Псянчин

доктор филологических наук, профессор,
руководитель Отдела перевода ООО
«Центр трудовой миграции – Лингва»

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Кормушин И.В., Савельев А.В., Шаров А.В.</i> О некоторых особенностях данных Махмуда Кашгари по тюркским диалектам XI в.....	5
<i>Кормушин И.В., Савельев А.В.</i> О значении данных Махмуда Кашгари по тюркским диалектам XI века для понимания особенностей древнего литературного тюркского языка VII–XI вв.....	12
<i>Селютина И.Я.</i> Артикуляторные паттерны телеутских согласных в сопоставлении с другими идиомами Южного Алтая.....	15
<i>Альниязов А.И.</i> Сложносочиненное предложение в аспекте дихотомии тождеств и различий на примере каракалпакского языка.....	28
<i>Дыбо А.В., Кочакаева З.К.</i> Экспериментальные данные по фонетике заднеязычных согласных кайтакского диалекта кумыкского языка.....	34
<i>Отемисов А.З.</i> О морфологической структуре фитонимов каракалпакского языка.....	51

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Мухаммадеев А.Р.</i> К вопросу о правоотношениях в древнетюркских обществах: могут ли эпитафии являться источниками права?.....	62
--	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Орехов Б.В.</i> Метрика узбекских переводов русской силлабо-тоники.....	74
--	----

ПЕРСОНАЛИИ

Валентин Иванович Рассадин – памяти ученого и в год 80-летия со дня его рождения

В.И. Рассадин – тюрколог и монголист.....	86
Скромный человек и великий учёный. Профессор В.И. Рассадин.....	91
Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований (материалы форума).....	99
Дария Байрамовна Рамазанова (17.09.1938 – 24.04.2019).....	112
Раиса Халиловна Халикова (памяти ученого и к 85-летию со дня рождения).....	117
Виктор Григорьевич Гузев (к 80-летию со дня рождения).....	122
Афат Мамедович Курбанов (1929–2009). К 90-летию со дня рождения.....	126
Айдер Меметович Меметов (к 75-летию со дня рождения учителя и ученого).....	130
Тамара Герасимовна Боргоякова (к 70-летию со дня рождения).....	138

Профессор Ким Мугаллимович Миннуллин – первый ученый, руководивший языковой политикой Татарстана (к 60-летию со дня рождения).....	142
Ученый-новатор (к 60-летнему юбилею известного башкирского лингвиста З.А. Сиразитдинова).....	148
Гульнур Равиловна Хусаинова (к 60-летию со дня рождения).....	154

CONTENTS

LANGUAGE STRUCTURE AND HISTORY

<i>Igor V. Kormushin, Aleksandr V. Savelyev, Aleksandr V. Sharov.</i> About some peculiarities of data of Mahmud Kashgari on Turkic dialects of the XI th century.....	5
<i>Igor V. Kormushin, Aleksandr V. Savelyev.</i> On the importance of Makhmud Al-Kashgari's data on the Turkic dialects of the 11 th century for the understanding of the peculiarities of the Old Turkic literary language in the 7 th -11 th centuries.....	12
<i>Iraida Ya. Selyutina.</i> Articulatory patterns of Teleut consonants in comparison with other idioms of South Altai.....	15
<i>Aytmurat I. Alniyazov.</i> The coordinate compound (complex) sentence in the field of dichotomy of identities and differences based on the Karakalpak language data.....	28
<i>Anna V. Dybo, Zarema K. Kochakayeva.</i> The experimental data on phonetics of the gutturals in the Kaytak dialect of the Kumyk language.....	34
<i>Aziz Z. Otemisov.</i> About the morphological structure of compound phytonyms in the Karakalpak language.....	51

DISCUSSION

<i>Almaz R. Mukhamadeyev.</i> To the question of legal relations in ancient Turkic societies: can epitaphs be source of law?.....	62
--	----

LITERARY CRITICS

<i>Boris V. Orekhov.</i> Uzbek meters in translations of Russian sillabo-tonic poetry.....	74
--	----

PERSONALIA

Valentin Ivanovich Rassadin – In memoriam of the scientist and devoted to his 80th anniversary

V.I. Rassadin – turcologist and mongolist.....	86
The modest great scholar. Professor V.I. Rassadin.....	91
The actual problems of Mongolistic and Altaistic research (the data of the forum).....	99

Daria Ramazanova (17.09.1938 – 24.04.2019).....	112
Raisa Khalikova (in memoriam of the scientist and devoted to her 85 th anniversary)	117
Viktor Guzev (to his 80 th anniversary).....	122
Afat Kurbanov (1929–2009). To his 90 th anniversary.....	126
Ayder Memetov (to the 75 th anniversary of the scientist and the teacher)	130
Tamara Borgoyakova (to her 70 th anniversary).....	138
Kim Minnullin – the first scientist who directed the language policy of Tatarstan (to his 60 th anniversary).....	142
Scientist and innovator (to the 60 th anniversary of the well-known Bashkir linguist Zinnur Sirazitdinov).....	148
Gulnur Khusainova (to her 60 th anniversary).....	154

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Общие положения

Журнал «Российская тюркология» выходит 4 раза в год и печатает материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований. Исключение может составить идентичная статья автора, опубликованная: а) в нецентральной научной печати (не Москва и Санкт-Петербург, а также не в журналах, аттестованных в системах Scopus, WoS и подобных – Новосибирск, Томск), б) за границей на иностранном языке. При этом автор обязан дать полную ссылку на эту первичную статью. Статьи в журнал «Российская тюркология» принимаются по рубрикам:

- ◆ Структура и история языка
- ◆ Дискуссии и обсуждения
- ◆ Языковые связи
- ◆ Ономастика
- ◆ Культурология
- ◆ Литературоведение
- ◆ Фольклористика
- ◆ Сообщения и обзоры
- ◆ История науки, документы
- ◆ Рецензии и аннотации

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ◆ актуальности
- ◆ проблемности
- ◆ научной новизны
- ◆ доказательности
- ◆ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации. Все статьи проходят двойное слепое рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Журнал издается в двух версиях – бумажной и электронной. 120 печатных экземпляров предназначены для предоставления обязательных экземпляров в Книжную палату, библиотекам ряда родственных институтов и журналов, а также для бесплатной раздачи по одному экземпляру членам Российского комитета тюркологов, авторам напечатанных в данном номере материалов и членам редколлегии. Журнал индексируется в РИНЦ и на-

ходится там в открытом доступе, также, как он находится в открытом доступе на сайте Российского комитета тюркологов: <http://www.turcologica.org>.

Представление статей

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках, название статьи на английском языке – должны быть отправлены в электронном варианте по адресу: gosturcology@yandex.ru с безличным обращением «Уважаемая редакция».

Объем статьи – от 0,7 до 1 а.л. (28 тыс. – 40 тыс знаков с пробелами), включая список литературы, аннотации и постраничные сноски.

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «**Иванов И.И. Статья для РТ**»

Текст должен отвечать следующим требованиям

Нумерация страниц сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – **Times New Roman (14 пт)**, межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту. Все заголовки (название статьи, список литературы, аннотации и пр.) вводятся полужирным шрифтом и располагаются по центру. Дополнительные буквы к стандартным алфавитам русского и английского языков берутся из касс Юникода.

Тире среднее (не заменять дефисом!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Между числами (для обозначения временного периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов, например: 1941–1945 гг. Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв. Кавычки внешние – «ёлочки», внутренние – “лапки”. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <...>.

Букву «ё» использовать только в смысловоразличительных случаях.

При применении другого оригинального шрифта для написания текста на национальном языке примеры необходимо давать курсивом, а фонт должен быть прислан вместе со статьей.

Все примеры на национальных языках должны иметь переводы на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (‘марровские кавычки’).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру.

Фамилия автора набирается после заголовка по центру полужирным курсивом (инициалы стоят впереди).

На следующей строке после фамилии светлым курсивом указывается город.

К заголовку статьи, если требуется для отчетности, дается ссылка в конце страницы, где можно указать о финансовой поддержке исследования.

К фамилии автора дается еще одна ссылка в конце страницы со сведениями об авторе: ФИО – полностью, должность и место работы, ученая степень и звание, личный e-mail.

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf**, а также, возможно, и нестандартный шрифт. *Ссылка* приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *постраничные сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по приведенным ниже образцам.

Итак, еще раз кратко о порядке расположения материала статьи:

Название на русском языке

ФИО автора; нижняя ссылка – сведения об авторе на русском языке: фамилия имя отчество – полностью, место работы и должность, ученое звание

Город

Резюме на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Текст статьи

Литература

Название на английском языке

Имя, фамилия автора, город на английском языке

Резюме на английском языке (Summary)

Ключевые слова на английском языке (Key words)

Сведения об авторе (авторах) на английском языке

Список литературы

Вводится заголовком *Литература* – полужирным курсивом. Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через **среднее тире** курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через среднее тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск.

Для периодических изданий – фамилии и инициалы автора (всех авторов), название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через среднее тире год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

ВНИМАНИЕ: С 2019 года вводятся дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям: литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках; также необходимо перевести на английский язык данные о месте и годе издания. В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Эмба*
Технический редактор: *О.А. Алексеева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*

Отпечатано в ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Рождественка, д. 12/1, стр. 1, офис 8, 9, 10, 11
тел.: (495) 7263169; (495) 9682416; (495) 6234554; (495) 6253813
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Подписано в печать 30.12.2019. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 г/м². Формат 70×108¹/₁₆.
Усл.печ.л. 13,35.
Тираж 120 экз. Заказ № 1026